

ПИОНЕР

АВГУСТ

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1967 г.

1967

КРАСНОГАЛУСТЧНАЯ
АРМИЯ НА ПОВЕРКЕ

Минута перед штурмом Сапун-горы, когда в последний раз командиры осматривают позиции и расположения своих войск. Все готово к бою. Сигнал...

Стрельбы. Здесь испытывали свою меткость и точность шесть сотен ребят из двадцати четырех отрядов, из всех наших республик. Внимание! Огонь!

Боевой крейсер в открытом море. На его борту вместе с командой ребята — участники «Зарницы». Там, где во время войны было жестокое морское сражение, где погибли наши корабли, в память о них будет спущен на воду этот венок...

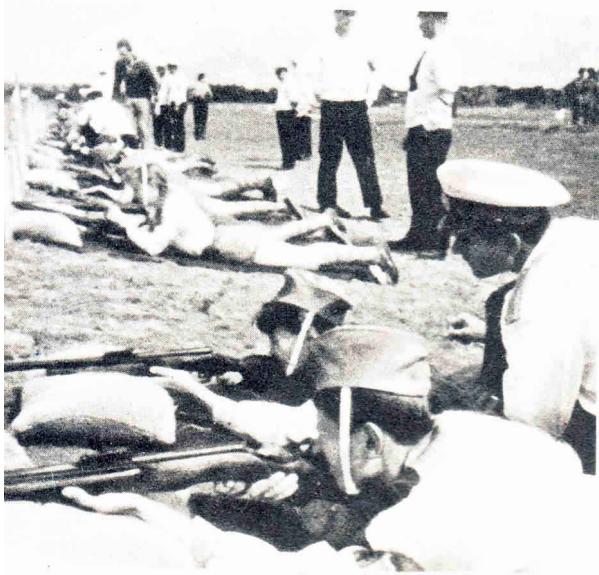
Тут, на крейсере, есть что посмотреть. А уж когда разрешают все потрогать руками, да еще матрос объясняет, как пользоваться прибором, — что тут говорить: это каждому и так понятно — замечательно это!

Но оставим крейсер, и вернемся на суши, и заберемся-ка в бронетранспортер, возьмем в руки пулеметные гашетки, задраим люки, настроим радио и... Вперед, пехота!

А ну-ка, потянем канат! Еще с парусного, древнего флота живет эта матросская забава. Кто кого перетянет?

Звучит сигнал отбоя. Смолкли орудия, утихли автоматы. Боевая пионерская игра окончена, но все ребята, ее участники, будут долго и с радостью помнить о «Зарнице».

ГОРОД-ГЕРОЙ СЕВАСТОПОЛЬ.
Заключительный этап Всесоюзной
военно-спортивной игры «ЗАРНИЦА». Всего в игре участвовало шесть
миллионов ребят. Сюда прибыли
лучшие отряды.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

АВГУСТ

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

ТАМ, ГДЕ СОСНЫ
НА КРЕПКИХ КОРНЯХ,
ТАМ, ГДЕ РЕКИ МОЮТ-
РОЮТ БЕРЕГА:
В ДЕРЕВНЯХ,
В ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ
ОТДЫХАЕТ МНОГО
НАШИХ РЕБЯТ.
ВОТ ПО ТРОПКЕ ПРЯМОЙ
ДА ПО КРИВОЙ
ЕДЕТ-ЕДЕТ ПОЧТАЛЬОН
УДАЛОЙ,
ЧТО ЖЕ В СУМКЕ У НЕГО
ЗА СПИНОЙ?
«ПИОНЕР» У НЕГО,
НОМЕР ВОСЬМОЙ.

● В этом номере, ребята, мы начинаем новую повесть. Называется она «Чистые камушки». Автор ее — уже знакомый вам писатель Альберт ЛИХАНОВ. Эта новая его повесть очень интересна, очень серьезна и очень... Впрочем, нет! Читайте и судите сами. Да напишите нам потом.

● ГЛАВА из книги об Октябрьской революции. Эту книгу по собственной памяти и по документам написала Елизавета ДРАБКИНА, участница революции и свидетель тех лет, ЧЕЛОВЕК, ЗНАВШИЙ ЛЕНИНА.

● Одна из стран нашей огромной страны у нас на страницах. И когда вы до нее доберетесь, листая журнал, вы отправитесь вместе с писателем Иваном ДАНИЛОВЫМ в путешествие. Да!

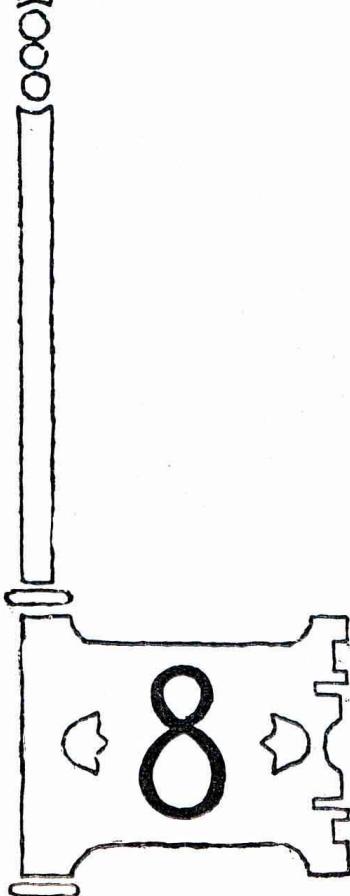
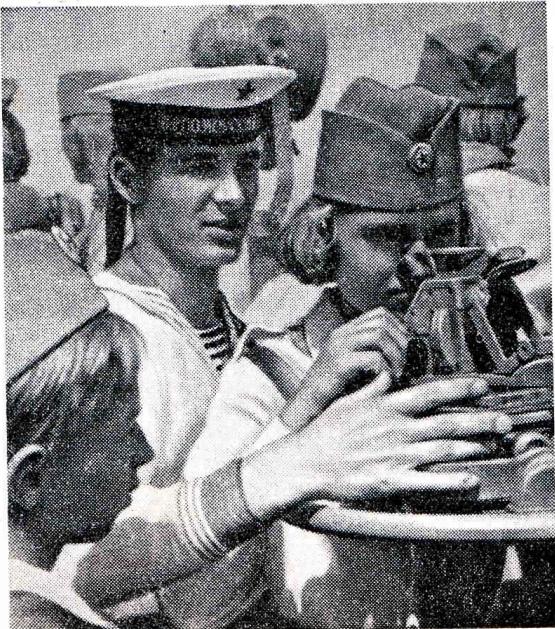
● Смотрите, не пропустите! Рассказы Валентина БЕРЕСТОВА. Он не только писатель, но еще и археолог. А археология — это тайны.

● Работает в номере почтamt «Дружба». Почта. Стол заказов.

● Об узнике турецкой тюрьмы и о пароходе его имени, о стихах из-за решетки и о жизни отважного человека вы прочтете в рассказе Бориса СЛУЦКОГО «Памяти брата».

● Внимание! Сейчас победители математического конкурса получат грамоты от трех неизвестных: Икса, Игрыка и Зета. Внимание!

● Боевые корабли! Современный военный флот встал на якорь в разноцветной гавани нашего журнала. Смотрите цветную вклейку!

Альберт ЛИХАНОВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Чистые камушки

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАКОЙ
ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

1

Михаська перемахнул через борт, каблуки звонко цокнули об асфальт.

— Ну ладно,— сказал ему Сашка,— до завтра!

Михаська тряхнул головой и шлепнул Сашку по плечу. Завтра они собирались порыбачить. Он представил, как стоят они, закатав штанины, по колено в воде и поплавки мельтешат, сливаются с колеблющейся водой.

— Не опаздывай! — сказал он Сашке.— Мух я наловлю...

Сашка побежал через дорогу, Михаська посмотрел ему вслед и улыбнулся. «Все-таки Сашка — голова! Всегда что-нибудь придумает». Даже в День победы всем работу нашел. Михаська вспомнил, как это было. В тот день, когда все уже наорались, наговорились, натолкались на радостях, в класс пришла Юлия Николаевна в старомодном шелковом платье с белым воротничком, с двумя орденами Ленина, и спросила, как они собираются отметить такой день.

Сашка Свирид вдруг сказал, что надо посадить деревья возле дороги, которая идет на Москву. Когда они ехали сюда в эвакуацию, дорога была совсем голая, пыльная, ни одного дерева.

Еще он сказал тогда, что деревья надо посадить до самой Москвы, но это он, конечно, загнул. Один их класс до Москвы деревья посадить не мог, для этого надо было бы, наверное, сто лет им сажать деревья.

Обидно, конечно, они посадили целую тысячу деревьев, но Михаська сам, собственными руками так ни одного и не посадил. Он копал ямы, а ставили туда саженцы и засыпали корни землей девчонки или те, кто послабее.

Михаська пошевелил лопатками. Будто по спине кто ногами ходил. Накопался досыта... Зато завтра! Он представил поплавок, пляшущий на волнах.

Мимо проехала лошадь с сеном. Она шла, понурив голову, а на огромном возу, свесив босые ноги, сидела девчонка. Она смотрела по сторонам и совсем забыла про свою лошадь.

Михаська подумал, что сегодня какой-то длинный день. Тащится, словно эта лошадь с сеном. И сколько в жизни вот таких дней! Но все-таки бывают в жизни у человека дни, которые по пальцам можно пересчитать. Потому что они, будто только что просмотренное кино: помнятся от самого начала до самого конца, и со всеми подробностями. Сколько бы человек ни жил потом — десять, двадцать, а может быть, и сто лет, — все равно такие деньки он помнит так, как будто это было вчера.

Лично у Михаськи был пока что один такой день.

Михаська вспомнил тот день. Утром, когда его разбудила мать, Михаська посмотрел на заиндевевшее окно и увидел, что мороз очень интересно разрисовал стекло. Не какими-нибудь пустенькими цветочками, елочками-палочками. Узор был очень похожий на орден Александра Невского — Михаська видел его у одного раненого в госпитале, когда они выступали там с шефским концертом и Михаська пел в хоре. По стеклу разбегались лучи, а между ними еще лучи, и рисунок был такой четкий и ясный, что Михаська его забыть, конечно, не мог.

Потом он встал, сунул в портфель жестяной подсвечник, сбежал на кухню и отрезал столовым ножом от большой свечи новый отрывок. Света в школе не было, и по утрам, когда было еще темно, они зажигали свои свечки, а на столе у Юлии Николаевны стояла медицинская спиртовка, только вместо спирта в ней был керосин. Это очень забавно — сидишь в полумраке, и на каждой парте по два свечных отрывка, будто елка. Спичек тоже не хватало, их выменивали на рынке за хлеб, и Юлия Николаевна, входя в класс со своей горящей спиртовкой, обходила парты и зажигала все свечки, «давала прикурить», как говорил Сашка...

Михаська сунул свечку в сумку, пора было уже идти. Мать положила ему кусок хлеба, намазанный тонким слоем маргарина и завернутый в довоенную еще газету.

Он подумал, все ли взял, не забыл ли чего, и подошел к этажерке, где лежало самое заветное — красный альбомчик. До войны отец собирал марки. Эх, какая тут была красота! Синие, красные, голубые, оранжевые, зеленые лепесточки — наверно, всех цветов на свете — выстроились в ряды, как солдаты на первомайском параде. Что тут только не нарисовано! Какие-то там цари и короли. Фонтаны и верблюды, цветы и города, гербы и замки! Михаська смотрел марки каждый день, очень гордился своим отцом и удивлялся, как это он мог насобирать столько марок. Михаська пытался продолжить эту коллекцию, искал марки, но ничего не находил, разве что синюю марочку с красноармейцем да зеленую с колхозницей — только такие марки и ходили с письмами.

Он уж хвастался альбомом Сашке Свириду и Катьке с Лизой, соседским девчонкам, внучкам Ивановны. Теперь ему хотелось показать марки в школе.

Подождать, когда рассветет, когда ребята потушат свечные огарки, когда взойдет солнце и растворят кружева на окне, и где-нибудь на четвертом уроке вытащить заветный альбомчик и пустить его по рядам. Не страшно, даже если Юлия Николаевна отберет. Она отберет, а потом сама же их покажет всем, только еще и объяснит, что там нарисовано.

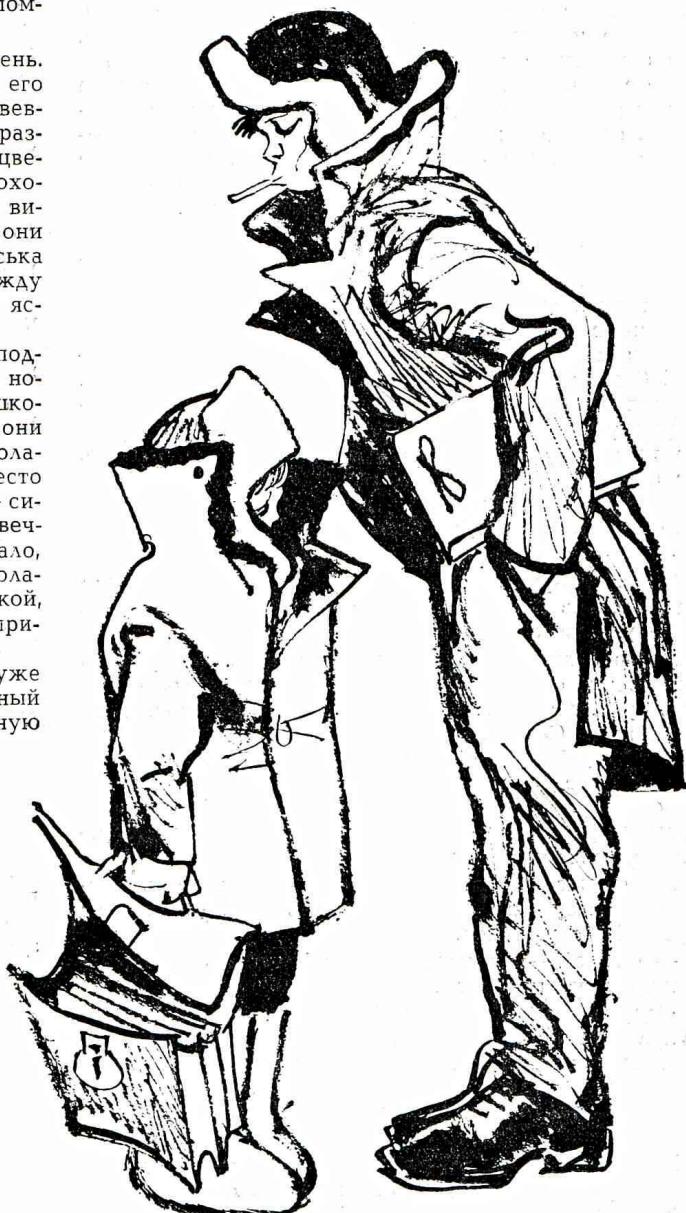
Михаська сунул альбом в сумку.

На улице было совсем темно, огни не горели, свечи не хватало заводам, не то что улицам. В утреннем сумраке еле угадывалась черная дорога.

До угла они шли с матерью вместе, потом мать махнула ему рукой и свернула к госпиталю. Михаська пошел дальше.

Он беззаботно размахивал портфелем, а за углом его ждала беда.

Когда он повернулся к школе и прояснился в темноте ее черный силуэт, ему навстречу шагнула тень.

Михаська вдруг с отчаянием понял, что шакал не отдаст ему марки.

Михаська сразу узнал ее.

Это был Колька Савватеев. Его прозвали бандитом с большой дороги, а еще Николаем Третьим, потому что последний царь был Николай Второй, а Савватей считался как царь.

Он учился в соседней мужской школе, в седьмом классе. Когда Сашка Свирид приехал из Ленинграда, Савватей поймал его на улице и накормил хлебом, который отнял у других. Сашка не стоял, наелся хлеба, и Савватей заставил его «шестерить» — ходить всегда рядом с ним, будто адъютант. Сашкина мать еле отбила его у Савватея. Поймала Николая Третьего среди бела дня на улице и набросилась на него. «За кусок хлеба ребенку голову морочишь!» — кричала она.

Удивительно, Савватей от Сашки отвязался. Сашка показывал его Михаське. Ничего страшного в нем не было. Стоял обыкновенный длинный парень, только курил и далеко плевался.

Но по утрам, особенно зимой, Николай Третий был ужасен. Он вставал рано, как настоящий шакал, и дежурил у начальной школы, где учился Михаська. Он специально дежурил именно у этой школы, потому что в начальной учился до четвертого класса и нет ребят, которые были бы как он. Савватей стоял в темноте у малышской школы и обшаривал ребят. Он отбирал куски хлеба, помазанные маргарином, и серые пеклеванные булочки, базарные конфетки-подушечки и овсяные ватрушки. Иногда он выхватывал из сумки вместо булочки учебник или тетрадку и швырял ее в сугроб или забирал себе, чтобы, отойдя потом несколько шагов, бросить под ноги и вытереть о них валенки. Когда он отнимал книжки или тетрадки, ребята не уходили. Они стояли на отдалении и ждали, когда Николай Третий бросит тетрадки, а потом бежали подбирать их. Савватей делал все это молча, нагло, становясь поперец узкой дорожки в двух сугробах. Он обирал не всех: куда ему было столько хлеба — лопнешь, не съешь. Он отбирал на выбор, кто ему не понравится, а может, наоборот, понравится. Тем, у кого он отнимал что-нибудь, Савватей шептал:

— Молчи, стер-рва!

Это «стер-рва», это протяжное «р-р» действовало на всех без исключения. Все молчали. Все боялись кары ужасного Савватея, Николая Третьего.

Когда Михаська увидел тень шакала, шагнувшего навстречу, сердце у него громко застучало, будто предчувствуя беду. Они встречались и раньше, но чаще всего Савватей пропускал почему-то Михаську, и он, загребая валенками снег в глубоком сугробе, обходил его. Такой был шакалий закон — обойти его по сугробу. Один раз Николай Третий забрал у Михаськи кусок хлеба, и Михаська не очень-то переживал, потому что так случалось со всеми.

Но сейчас, когда Савватей шагнул к нему, Михаська сразу вспомнил альбом и понял, что сейчас произойдет ужасное.

— Открой, — хриплым голосом сказал ему шакал и кивнул на портфель.

Одеревенелыми руками Михаська снял варежки, сунул их в карман и щелкнул портфельным замком. Михаська с тайной надеждой подумал, что, может быть, в темноте шакал не заметит альбомчик, но Савватей заметил, открыл его и сказал:

— Ого!

Михаська услышал за спиной скрип валенок и быстро обернулся, надеясь на помощь. Но сзади стояла маленькая Лиза, внучка Ивановны. Нет, Лиза ничем не могла помочь. Она уже раскрыла свою сумку на Савватеев осмотр, но все это ни к чему, по-

тому что ничего у нее в сумке не было, это Михаська знал точно.

Шакал небрежно листал альбомчик, и Михаська вдруг с отчаянием понял, что все бесполезно, что шакал, эта грязная и гадкая скотина, не отдаст ему марки.

— Отдай, — сказал Михаська. — Это отца. На вот хлеб...

— Отца! — хохотнул Савватей, как-то деловито размахнулся и ударил Михаську в нос.

На улице стало совсем светло, как после четвертого урока, потом стемнело снова, Михаська почувствовал, что что-то теплое ползет у него по губе.

— На вот тебе отца! — сказал Николай Третий.

Михаська упал на одно колено, видно, отступившись, тут же вскочил и по сугробу рванулся в сторону. Снег был глубокий, по пояс Михаське, но он ничего не видел, с портфелем под мышкой он выскочил из сугроба и пробежал несколько шагов.

В голове шумело, перед глазами шаталось все, будто землетрясение. Михаська взял в ладонь снегу и приложил к губе. Снег стал черным. Михаська прошел еще несколько шагов и вдруг сел прямо в сугроб.

Его губы тряслись, и капельки пота катились из-под шапки. Весь мир остановился вокруг, и ничего не было — ни силуэта школы, ни темноты, ни вчера, ни сегодня, — только альбомчик с дорогими отцовскими марками и ненавистный шакал Николай Третий, Савватей.

«Все, все, все! — думал Михаська. — Нет марок. Нет альбомчика. Все! Все! Все!»

Кто-то потянул его за рукав. Михаська вздрогнул и обернулся.

Перед ним стояла маленькая Лиза, внучка уборщицы Ивановны.

— Не надо, — сказала Лиза, вглядываясь в Михаську лицо. — Не надо.

— Уди! — прошептал Михаська и ткнулся лицом в снег.

Это было бессмысленно, не к месту, ни к чему: перед глазами стоял ледяной узор, похожий на орден Александра Невского, который он видел у раненого в госпитале.

Вот такой день был у Михаськи. Тяжелый день.

Михаська верил, даже наверняка знал, что ведь будет, должен быть во что бы то ни стало, еще один день, который тоже запомнится навсегда, и даже больше, чем этот, первый. И это будет страшный день для Николая Третьего, Савватея.

2

...Михаська подошел к «Кардаковскому» и залез по ступенькам на крутую лестницу. Можно было чуть постоять, посмотреть, отсюда все видно очень здорово.

Он облизнулся. Продавщица Фролова стояла прямо под Михаськой, возле бочки, натолканной льдом, а посреди льда, блестя боками, была большая банка. Если бы ее поставить на землю, она достала бы Михаське до пояса. И вся банка полна мороженого.

Сколько раз видел все это Михаська! И бочку и банку. Видел и сверху, как сейчас, и сбоку, и снизу, присев на корточки. Видел издалека, вон с того угла, и совсем рядом. Он трогал бочку руками и задел даже раз банку — бочка была как бочка и банка как банка, но внутри у нее удивительная еда, настоящее чудо. Белое, сладкое, холодное. Вкусное-вкусное!

Михаська посмотрел еще раз на бочку, на таявший лед, на банку, сияющую белой крышкой, и, грохоча каблуками, скатился с крутых ступенек.

— Тыфу, черт, напугал! — ругнулась Фролова.

Мороженщицу Фролову Михаська знал хорошо. Да кто ее не знал! Фролова была городской знаменитостью. И не только из-за мороженого, а еще из-за овчарок.

На мороженое Фролова перешла совсем недавно, уже после победы, как только гормолокозавод стал его делать.

А почти всю войну она жила собаками. Мама так говорила. Все работали, все старались, чтобы скорее победа, а Фролиха...

Началось все с того, что какие-то бандиты ограбили универмаг. И ничего там особенного не было, никакого золота, а только довоенные женские платья, детские пальто, галоши, валенки. Их распределяли заводам, учреждениям, школам и выдавали по ордерам.

Но для бандитов, видно, и валенки были не хуже золота, и они ограбили универмаг. Мама в тот день ходила днем с работы в город и говорила Михаське, что возле универмага полно милиции, но в милицию Михаська не верил, потому что там работали теперь одни тетки. Наганы тоже, говорят, все отдали на войну, и у теток-милиционерш их не было. Михаська сам видел, как у одной из кобурь торчала какая-то тряпка.

Словом, бандитов не нашли, но тут объявились Фролова. Каждое утро и каждый вечер на улице появлялась толстая, рябая тетка. В обеих руках она держала по крепкому кожаному ремню, а на ремнях были две овчарки. Тетка шла, откинувшись назад, по мостовой, а если мостовая была узка, люди отодвигались в сторону или даже жались к заборам, потому что овчарки были тощие, злые, тянули тетку в разные стороны и, казалось, были готовы кинуться на любого и тут же разорвать. Тетка время от времени кричала псам непонятные слова — «фу», «брек», — и псы покорно шли вперед, понурив головы.

Михаська не любил овчарок. Овчарок немцы напускали на наших раненых бойцов. Псы хватали раненых за горло и душили их. Михаська сам читал об этом в газете, и любая дворняга, самая задрипанная, была ему в сто раз милей и лучше этих поджарых псов Фролихи.

А Фролиха, говорили, жила за счет своих собак. Она приводила их в универмаг вечером и спускала с поводка. Овчарки свободно разгуливали между прилавков, караулили универмаг, а Фролиха получала за них два пайка. Псам она кормила плохо, а все ела за них, да и сама получала рабочую карточку. Как проводник сторожевых собак.

Все работали, делали снаряды, дежурили в госпитале или вот, как мать Свирида, шили кальсоны для бойцов, а Фролиха водила собак.

Потом вернулся с войны ее муж. Один рукав гимнастерки у него был засунут за толстый офицерский ремень. Но он и одной рукой управлялся с псами. А Фролиха стала торговать мороженым.

Странное дело, теперь Михаська не испытывал к Фроловой прежней нелюбви. Может, потому, что она стала честно торговать мороженым? Или, может, потому, что у Фролихи, как и у многих, муж вернулся инвалидом?

Михаська даже вздрогнул от собственной мысли: вот было бы здорово, когда муж Фроловой поведет из магазина собак, пойти овчаркам навстречу и пройти между ними, не побоявшись! Как партизан или как раненый боец.

Да, это была бы штука! Небось, Николай Третий не осмелился бы.

Уже виднелись ворота Михаськиного дома. Он вздохнул. Нет, все-таки это невозможно, пройти между двух овчарок...

3

Потом, уже поздно вечером, Михаська снова перебрал все подробности этого дня. И как он шел и как стоял у мороженщицы Фроловой и размышлял про Савватея, и про овчарок, и про мороженое. Зря он думал, что вторым днем, который останется в памяти на всю жизнь, будет тот, когда он рассчитается с Савватеем. Нет, оказалось, этот день ждал Михаську раньше, ждал, ждал и свалился на голову нежданно-негаданно.

Михаська помнил, как он шаркал по мостовой, потом пылил по тропинке, как заскрипела калитка и он прыгал на одной ноге со ступеньки на ступеньку вниз по лестнице, ведущей с улицы во двор.

Потом он увидел маленькую Лизу. Она смотрела на него радостно, будто видела первый раз, и Михаська подмигнул Лизе. У Лизы был нос пуговкой, вся она казалась какой-то тихой и прозрачной, как мотылек, и Михаська жалел ее.

Потом он увидел Ивановну, Лизину бабушку, школьную уборщицу. Ивановна тоже улыбалась Михаське, и лицо ее, белое и морщинистое, будто мята скатерть, вздрагивало, словно от испуга. Михаська улыбнулся и Ивановне, он жалел и ее: ведь голова у Ивановны не всегда тряслась, это после того, как умерла у нее дочка, Лизина и Катькина мать.

Потом Михаська увидел поленницу дров, а возле нее незнакомого человека в синей майке. Человек стоял к нему спиной, и на синей майке, прямо под лопаткой, белела маленькая дырка. Потом человек повернулся, увидел Михаську и улыбнулся ему. Михаська улыбнулся ему тоже и подумал, что где-то видел этого человека, но вот где? Он повспоминал, но не вспомнил, а человек в синей майке медленно пошел Михаське навстречу, все так же улыбаясь ему. Потом он остановился, сунул руки в штаны и тихонько сказал:

— Михаська! Ну, Михаська!

Он сказал это как будто с удивлением, а Михаська все никак не мог вспомнить, где же видел он этого человека.

Вдруг солнце, которое палило в спину, брызнуло прямо в глаза, и небо стало светлым-светлым, прямо серебряным, а может быть, красным, и Михаська уронил лопату.

Он пробежал несколько метров, которые их разделяли, стремительно и молча, до боли зачем-то сжав губы, схватил за шею человека в синей майке, ну прямо задушил.

Он почувствовал колючую щеку человека и запах табака, жаворонка, самосада, потому что самосад курили раненые в госпитале и все солдаты курят самосад, услышал запах пота и ощутил тепло кожи.

Михаська сжал шею человека изо всех сил и свои губы сжимал, но солнце все равно светило в самые глаза, удивительно сильно светило, как не светит, если даже посмотреть прямо на него. Оно почему-то все палило и палило прямо в глаза и мешало смотреть, и говорить, и дышать.

Сквозь какую-то духоту и туман Михаська увидел маленькую Лизу, прозрачную, как листок папирос-

Михаська увидел поленницу дров, а возле нее незнакомого человека.

ной бумаги, и Ивановну. Лиза улыбалась, глядя на Михаську, а у Ивановны катились белые горошинки по лицу и голова вздрогивала крупнее и чаще.

Михаське вдруг стало стыдно чего-то, он отпустил шею человека в синей майке, встал с ним рядом и ткнулся ему лицом в живот. Они постояли так немножко, и человек гладил, ерошил серые Михаськины волосы, а Михаська стоял так и все не мог разжать свои губы, не мог открыть рта.

Потом он тяжело вздохнул.

Солнца не было перед глазами, оно, как полагалось, жарило спину, правда, на ресницах что-то такое дрожало, мешало глядеть. Но тут и это исчезло, и Михаська увидел серые глаза, смотрящие на него сверху, и серые, совсем как у него, волосы.

— Все? — выдохнул наконец Михаська. — Больше не уедешь? — И отец кивнул ему и вдруг схватил его под мышки, и Михаська с хохотом полетел в небо, вверх, и так взлетал в сильных отцовских руках, и хохотал, и видел стрижей, падающих к земле, и желтую поленницу дров, и Лизу, задравшую кверху лицо, и Ивановну. Он увидел сверху и мать, стоявшую у калитки, белую как полотно, и, взлетая, видел, как она сделала шаг вперед и медленно села на ступеньку дворовой лестницы.

А небо то поднималось, то летело ему навстречу, а отец в синей майке с маленькой дырочкой под самой лопаткой тоже хохотал, глядя на Михаську, и ловил, и ловил его...

4

...Они ели потом завариху, муку, заваренную горячей водой, и Михаська уплетал ее за обе щеки, а маме это объедение сегодня не нравилось, что ли. Она брала ложку, глотала маленький кусочек заварихи и тут же клала ложку обратно, глядя на отца. Она, как только увидела его, не отрывала от него глаз, будто боялась, что он исчезнет, растворится, спрячется. Но отец не прятался никуда, а с аппетитом жевал завариху, все шутил, смеялся и говорил маме, чтоб она ела.

Время от времени он тоже становился задумчивым, смотрел на маму, потом брал ее за плечо, поворачивал к себе и минуту глядел ей в глаза, ничего не говоря.

Так смотрели они друг на друга, забыв, наверное, и о нем, смотрели, смотрели, и глаза их становились необыкновенными.

За столом отец похвалил маму за то, что она не продала свое дорогое платье, сохранила, но мама ответила, что нет, это он ошибается: то платье она продала еще в сорок втором, а это купила на барахолке совсем недавно, чувствуя, что скоро демобилизация. И отец похвалил ее еще раз, уже за то, что какая она хозяйственная и сумела скопить деньжат на платье. Мама задумчиво качнула головой и сказала:

— Картошка все это, Витенька, все картошка. Ка-бы не она, что и было бы, не знаю я.

И тут Михаська стал рассказывать отцу про их участок за рекой, как ходили они на него, лишь только просохнет земля после разлива, потому что поля ведь заливные, как сажали картошку, как окучивали ее, а потом убирали. Отец смотрел на Михаську, слушал его внимательно, с интересом, как взрослого, и кивал головой.

— Да,— сказала мама, когда Михаська умолк.— Картошка — наша спасительница, она, милая. Всю войну на ней, вот и Михасика вытянула, не дистро-фик, не больной. Была бы верующая, свечку в церк-ви ей поставила, картошке нашей.

Потом они перебрались на сундук все втроем и долго сидели, обнявшись, и отец рассказывал, как его ранило осколком и как это здорово, что вот прошел всю войну, а ранило хоть тяжело, но один раз, не всем так везет. Мама потребовала, чтобы он снял майку, и отец послушно ее снял. Михаська увидел сине-фиолетовый рубец на отцовской спине и потрогал его пальцем. Кожа была там гладкой и блестела.

Мама чуть-чуть дотронулась до рубца и вдруг, всхлипнув, заплакала. Отец ничего ей не сказал, только опять обнял и стал снова гладить по голове. Мама успокоилась и стала говорить, каких раненых видела за войну в своем госпитале, видела, как умирали люди, и, наверное, им было страшнее умирать здесь, за столько километров от фронта, потому что они почти все умирали тяжело... Но она принимала все это как должное, а сейчас вдруг, когда отец показал свою рану, неожиданно поняла, что его могли убить, пройди осколок чуть дальше, и отца бы теперь не было. Мама вытерла щеки.

Стало смеркаться, и мама вдруг спохватилась, стала искать авоську и складывать белье.

— Мужики, в баню! В баню, мужики! — кричала она, и почему-то было ей очень приятно повторять это слово — «мужики».

Отец хотел было идти в простой рубашке, но Михаська заставил его надеть гимнастерку с обеими медалями «За отвагу», и с орденом Красной Звезды, и с другими медалями — за освобождение разных городов.

Эх, как жалел Михаська, что уже поздновато и в сумерках плохо видны отцовские награды да еще, как назло, никто не попадается из знакомых ребят!

В бане было полно народу, очередь в мужскую майку извивалась змеей. Они пристроились к хвосту змеи, за каким-то стариком.

Михаська вспомнил, как он первый раз пришел сюда, в мужскую баню. Совсем один. Это было в первом классе.

Вначале он, конечно, ходил с мамой, как все маленькие мальчишки. Но однажды они пришли мыться, и в бане Михаська увидел Юлию Николаевну.

Мама еле уговорила Михаську раздеться и вымыться. Он согласился, если только их не увидит Юлия Николаевна. В майке стоял пар, но она их все-таки заметила. Михаська прямо спротер оттого, что учительница увидела его в таком виде и он ее тоже. Хорошо, что Юлия Николаевна не подошла тогда к нему, а то что бы он стал делать? Наверное, убежал из бани.

Но Юлия Николаевна не подошла, кивнула им с мамой издалека и очень быстро ушла. Михаська подумал, что она даже не думалась.

После этого случая Михаська в женскую банюходить наотрез отказался. Мама спорить с ним не стала, поняла и мыла теперь его дома, в той самой

ванночке, где Михаську купали, когда он был еще трудным.

В ванночку он не помещался, приходилось мыться стоя, вода текла ручьями по комнате, и мама ругалась. Однажды зимой стало тесно с дровами, мама никак не могла получить машину дров, хотя ордер на нее был. Дров оставалось в обрез, только на топку, и Михаське пришлось одному идти в баню.

Мама долго учila его, как надо мыться, как вытираться, да не проворонить белье, а то останешься голый.

Это-то было уж ни к чему. Михаська и сам слышал, как у одного дядьки в бане унесли белье и он остался совсем голый, пока кто-то не сходил к нему домой и не сказал, чтобы ему принесли во что одеться. Для дядьки сходили, ясное дело, а вот кто пойдет, если утащат белье у мальчишки?

И Михаська пошел в баню, боясь, что с ним обязательно что-то случится.

Он припомнил, как еле открыл тогда тяжелую, распахнутую от воды и пара деревянную дверь в мойку, как налил в шайку кипятку и тихонько окатил край каменной скамьи. Потом он долго плескался в своей шайке, тер с мылом руки, вымыл и грудь, и ноги, и голову, попробовал дотянуться мочалкой до спины, но не дотянулся. Мать говорила ему, собирая в авоську старенькое белье: «А спину попроси потереть какого-нибудь дядю».

Михаська оглянулся, выбрал парня, который сидел к нему спиной на соседней скамейке и злобно тер свою шею.

— Ну, держись! — сказал ему парень и начал драить Михаськину спину так, будто хотел снять с него кожу.

Парень оказался веселый, все спрашивал, на каком фронте у Михаськи отец, и Михаська не знал, что ответить. Один же фронт — там, где сражаются. Михаське парень понравился, он все думал, что бы такое сделать для него; наконец сообразил, предложил теперь ему потереть спину, но парень улыбнулся, показал зубы, ответил, что уже натерся, спасибо. Когда парень пошел одеваться, Михаська увязался за ним, наскоро окатившись.

Парень оделся быстро, Михаська едва успел за ним. Выходя, парень сказал банщице:

— Спасибо за банью, мамаша!

И Михаська тоже повторил за ним:

— Спасибо за банью, мамаша!

Банщица засмеялась и шлепнула его легонько сухим березовым веником.

С тех пор Михаська стал своим человеком в этих длинных банных очередях. Он всегда брал с собой географию или еще какой-нибудь учебник по устному и, пока стоял в очереди, выучивал урок назубок. После очереди он получал пятерки, и поэтому ходить в баню Михаське нравилось.

Всяких людей видывал он в этих длинных банных очередях. Особенно Михаська завидовал мальчишкам, у которых есть дедушки, а значит, есть, с кем ходить в баню. А раз он видел старика, который пришел в баню с маленькой девочкой. Сначала Михаська засмеялся: такое он видел впервые, в женской бане мальчишек много, это да, а чтоб девочки мылись с мужчинами!..

Но потом он призадумался, и ему уже не стало смешно. Мальчишки ходят с мамами в баню, потому что нет отцов, они на войне, а вот если девочки идет с дедом, значит, у нее нет мамы?

Михаська долго никак не мог понять, где же мама у этой девочки. Неужели на фронте? Он подумал,

мал, а вдруг маму у этой девчонки убьют? Или, может, она умерла? Потом он решил, что, наверное, просто маме этой девочки некогда, может, она на суточном дежурстве или уехала куда-нибудь. Сразу стало веселее, потому что Михаська сразу подумал про себя: что было бы с ним без мамы?

Видел Михаська в банной очереди и раненых, приехавших домой на поправку после госпиталя, обязательно с мальчишками, сыновьями, и очень завидовал этим мальчишкам. А когда пришло письмо от отца, где чьей-то рукой от его имени было написано, что он ранен, Михаська, стоя в этих очередях, думал, что, наверное, его отец тоже заедет домой из госпиталя и тогда они пойдут мыться вдвоем, ведь он никогда еще не был в бане с отцом.

Но отец так и не заехал.

И вот теперь Михаська снова вспомнил, как хотел он пойти с отцом в баню. Они стояли в своем темном уголке, очередь почти не двигалась, и Михаське так хотелось, чтобы они поскорее вышли на свет и все — и парни, и старики, и мальчишки — увидели его отца в гимнастерке и с медалями, которые, как тихие колокольчики, негромко позвякивали друг о друга.

Старик впереди все крутился, топтался, дымил, о чем-то говорил с соседями, и Михаська подумал, что если бы он так крутился все время, и рядом была мама, он уже давно склонился бы по макушке. Михаська рассмеялся, представив, как бы получил по макушке от мамы этот вертлявый старичок.

Старик обернулся, как будто понял, что Михаська смеется над ним, пристально посмотрел куда-то чуть повыше Михаськи и вдруг громко сказал:

— Что же такое творится, граждане?

Он сказал это и протянул руку в сторону Михаськи. Все стали оборачиваться и смотреть на Ми-

хаську, и он покраснел и уже сто раз обругал себя за то, что засмеялся над стариком.

— Что же это такое творится, православные?

«Вот еще,— подумал Михаська,— на попа нарвался».

— Прошел человек войну,— продолжал старик.— Домой, наверное, вернулся, в баньку попариться, известное дело, пришел.

Михаська вздохнул, и краска стала сходить с него. Он обернулся. Сзади стоял отец. Капелька пота сползла у него по щеке. Так вот на кого смотрели все! На отца!

— ...А мы его тут в очереди держим! — кричал старик.

Очередь вдруг зашумела. Михаську обняла какая-то теплая волна, заполнила его до самых краев — еще бы, вся очередь, целых, наверное, сто человек смотрели на отца, и улыбались ему, и говорили про него. И, конечно, уж все видели его гимнастерку, и медали, и орден Красной Звезды, который отец называет просто звездочкой.

— А ну-ка, товарищ старшина,— закричал снова старик,— давай проходи вперед!

— Да что вы,— сказал отец,— постоим, отдохнем, теперь торопиться некуда.

— Нет, нет,— закричал шустрый старик,— торопись! Теперь торопись отдыхать, а то скоро снова за работу! Давай, говорю, проходи!

Отца стали подталкивать, очередь перед ним расступилась, и он пошел вперед, а Михаська за ним, чувствуя на себе завистливые взгляды мальчишек. Кто-то даже легонько толкнул его в бок.

...Поздно вечером, уже засыпая, разморенный от жаркой бани и горячего чая, Михаська подумал, радостно удивляясь: вон он, оказывается, какой второй длинный день...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ТОШКА — ТОШКА — ТОШКА — ТОШКА...»

I

Михаська любил смотреть на облака.

По дребезжащей железной лестнице он забирался на плоскую крышу. За дальней трубой, возле слухового окна, у него было любимое местечко. Если лечь на спину, Михаську здесь даже с крыши не видно, а с земли тем более. Это местечко он нашел еще в войну, когда учился во втором классе. Тогда по вечерам назначали дежурных по крыше на случай бомбежки зажигательными бомбами.

Впрочем, тут же эти дежурства отменили, потому что фашистские самолеты до их города долететь не могли. Воздушную тревогу тоже объявляли всего раза два, наверное, просто так, на всякий случай.

Михаська помнил тот вечер. Незадолго до этого они с мамой, как и все жильцы, оклеивали свои окна белыми полосками бумаги — крест-накрест. На верхнем стекле крест, на боковых тоже по кресту. Все говорили, что это очень помогает. Если бомба упадет, то стекла с такими полосками не разобьются.

А через несколько дней вечером завыла сирена, и мама закричала на Михаську, потому что он копался: у него не застегивались пуговицы на пальто.

Когда они вышли из дома, по черному небу шарили лучи прожектора и время от времени освещали самолет. Но самолет был наш, четырехкрылый Кукурузник, таких у немцев не бывает.

Мама все торопила Михаську, а он говорил ей, чтоб она не спешила, потому что самолет наш. Бомбоубежище было далеко, и они не успели до него дойти, как тревогу отменили, и они пошли домой. Михаська говорил маме: «Ну видишь, видишь, ведь я говорил!» Мама ничего не отвечала и только вздыхала.

А на крыше все тогда оборудовали по-настоящему. В разных концах поставили ящики с песком, возле слухового окна — бочку с водой и прямо к бочке прибили два гвоздя, загнули их и на крючки повесили ведра.

Но бочка так и не пригодилась. Песок потом расстаскали по крыше ребята, а ведра унесли обратно в домоуправление.

Осталось от всей тревоги одно Михаськино тихое местечко за трубой.

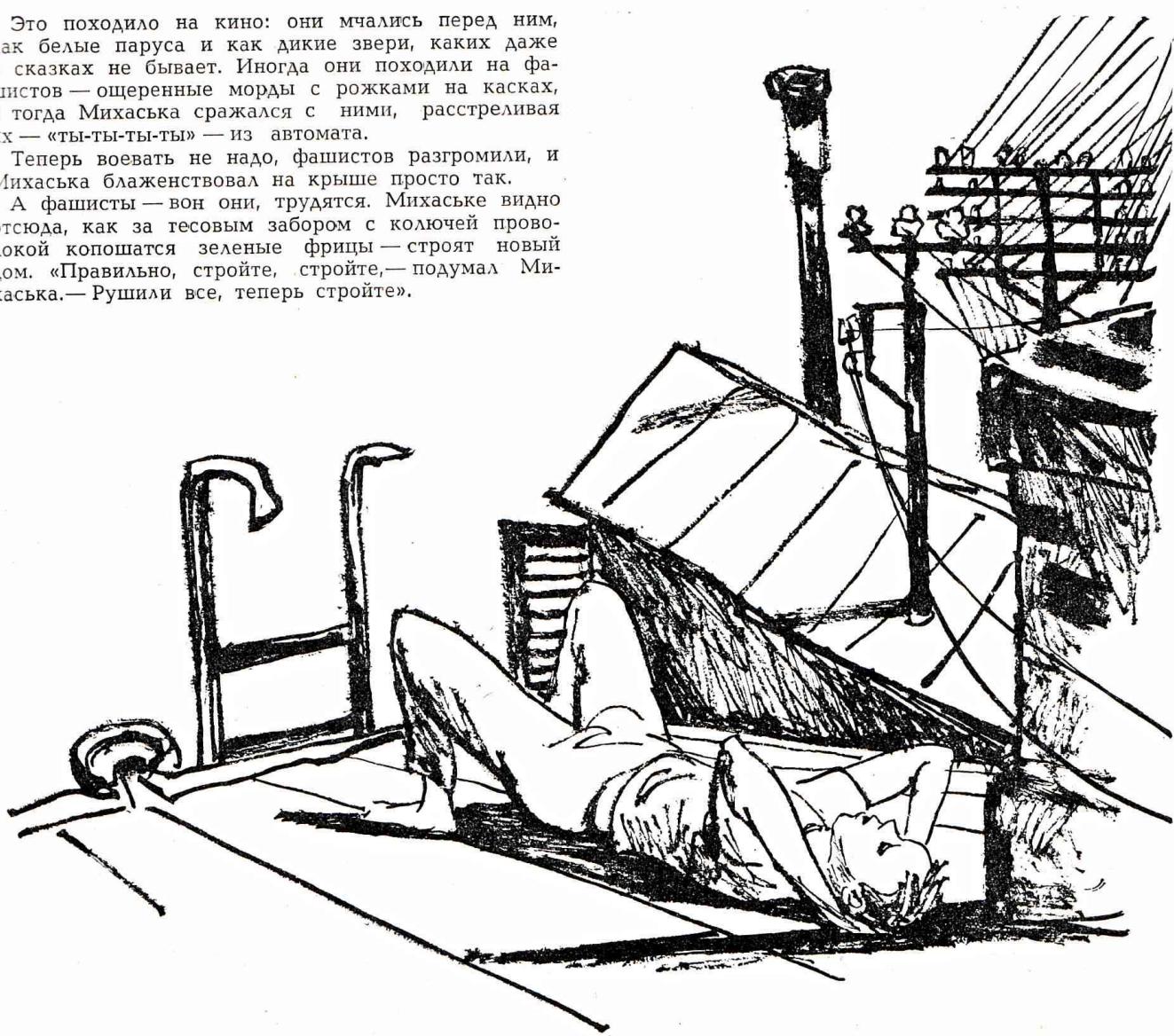
Он иногда приходил сюда, ложился на спину и смотрел в небо, на облака.

Когда был ветер, они быстро катились перед глазами в такой страшной высоте. Но бывало, что и ветра нет, а облака неслись как угорелые.

Это походило на кино: они мчались перед ним, как белые паруса и как дикие звери, каких даже в сказках не бывает. Иногда они походили на фашистов — ощеренные морды с рожками на касках, и тогда Михаська сражался с ними, расстреливая их — «ты-ты-ты-ты» — из автомата.

Теперь воевать не надо, фашистов разгромили, и Михаська блаженствовал на крыше просто так.

А фашисты — вон они, трудятся. Михаське видно отсюда, как за тесовым забором с колючей проволокой копошатся зеленые фрицы — строят новый дом. «Правильно, стройте, стройте,— подумал Михаська.— Рушили все, теперь стройте».

Михаська залезал на крышу, ложился на спину и смотрел на облака.

Михаське стало противно: как назло, все про войну, да про немцев, да про все военное думается и из головы не выходит.

Он уставился на облака, стараясь представить какие-нибудь цветы, но там, на небе, все получались какие-то взрывы.

Михаська зажмурил глаза и решил, что нарочно больше не будет думать про войну и разглядывать в облаках эти взрывы.

Он подумал про отца и открыл глаза.
Над головой плыли цветы из облаков.

2

Он вспомнил, как в прошлое воскресенье они все-таки сходили за реку, на свой участок.

Солнце словно играло в прятки — то выгляднет и припечет, будто в середине лета, то скроется за тучу, и тогда сразу дохнет близкой осенью, повеет прохладой.

Они шли от тени к свету и снова попадали в тень, будто переходили с острова на остров, и было здорово идти по островам, взявшись за руки,— мама, папа и Михаська.

Иногда Михаська отпускал их вдвоем и бежал далеко вперед, а потом останавливался и смотрел, как они идут к нему.

Картофельное поле тянется сразу за сосновым леском. Лесок небольшой и весь просвещен солнцем.

Они идут по меже, среди картофельной ботвы. Их участок у самого ручья, так что можно напиться, зачерпнуть фуражкой, как ковшом, прозрачной, будто воздух, воды и глотать ее, пока зубы от холода не заноют.

— Ну вот,— говорит мама,— пришли. Поклонимся нашей кормилице,— и первая кланяется.

Михаська хотел улыбнуться, но отец поклонился картошке тоже, серьезно и даже задумчиво.

Михаська вспомнил, как копали они картошку, и мама тащила на спине тяжеленные мешки к доро-

ге, где ждала подвода, а потом картошку раскладывали дома, прямо на полу в комнате, чтобы она пропекла на зиму, и в комнате долго держался сладковатый запах земли и картошки. Они потом жарили ее, и варили, и толкли, делая из картошки кашу.

Михаська подумал-подумал и поклонился тоже. Наверное, было смешно смотреть со стороны. Стоят трое людей и кланяются, чemu неизвестно, ровному полю.

Отец потрепал ботву. Кое-где на ней болтались грядья зеленых яблочек с семенами.

— Да-а,— протянул отец,— а ведь когда-то людей чуть не казнили из-за этой картошки.

— Вот тебе раз! — сказала мать.

— Бывает,— ответил отец.— Когда какой-то мореход привез картошку из Америки, ее посадили и она выросла, все подумали, что едят вот эти яблочки с семенами.

— Как в сказке? — спросил Михаська.— Кому корешки, а кому вершки?

— Точно,— усмехнулся отец.— Так вот решили, что едят вершки. Стали есть — невкусно. Чуть не зарубили морехода, пока кто-то не догадался землю копнуть. Помм де терр. Так ведь французы картошку зовут. Значит, земляные яблоко.

Михаська рассмеялся. Надо рассказать Свириду, подумал он. Будем приходить в школу и спрашивать друг друга. Ну, ел ты сегодня яблоки? Ребята будут удивляться: какие яблоки? А им говорить: земляные яблоки, помм де терр. Отгадайте-ка, что это такое. И все будут ломать головы, но никто не догадается, что это обыкновенная картошка.

— Знаете,— сказал отец,— а ведь еще есть песня про картошку.

Он скинул рубашку и майку и теперь лежал на спине, подставив грудь солнцу.

— Знаем,— сказала мама, ласково погладила отца по щеке и положила свою голову ему на грудь, к самому сердцу.

— Нет! — закричал Михаська.— Я не знаю!

— А мы знаем,— сказала мама.

— Ну вот,— ответил Михаська,— и спойте!

— А что, и споем,— сказал отец.— Споем, а? Нашу пионерскую?

— Вот уж да! — улыбнулся Михаська.— Пионерскую, про картошку?

А отец и мама весело запели:

— Рас-скажите-ка, ребята-бята-бята-бята,
Жили в лагере мы как-как-как.
И на солнце, как котята-тятя-тятя,
Грелись этак, грелись так-так-так.

Михаська засмеялся. Уж очень забавные были слова у песни — «тятя-тятя-тятя» или «бята-бята-бята». Мама и отец допели песню, и Михаська попросил, чтобы они спели еще, и теперь уже подпевал им.

— Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка-тошка, Низко бьем тебе челом-лом-лом...

Потом они посидели еще немного, погрелись на солнышке, побрызгались водой из ручья, и мама визжала на все поле, а потом спели еще про картошку, и этот веселый мотив никак не выходил у Михаськи из головы;

— Даже дальняя дорожка-рожка-рожка-рожка
Нам с тобою ни почем-чем-чем...

— Эх,— сказал вдруг отец,— долго ждать!
Мама кивнула головой, а Михаська спросил:

— Чего долго ждать?

— Да вот решили мы с мамой, сынок,— ответил отец,— построить свой домик.

— Избушку на курьих ножках? — спросил Михаська, думая, что отец смеется.

— Эх ты, сказочник! — Отец обнял Михаську за плечи.— Нет, настоящую избушку. Пусть небольшую, да свою.

— А зачем? — удивился Михаська.

Ему нравилась их маленькая, уютная комната с желтым полом, таким желтым, что, казалось, кто-то опрокинул яичницу. Ему стало жалко Ивановну, маленькую Лизу, Катьку, уютное местечко на крыше и весь их большой старый дом, без которого он не мог представить себя.

— А затем,— весело крикнул отец,— что хватит! Навоевался твой папка! Ох, как навоевался! И хочет теперь жить по-людски. Хорошо! Вольно! И чтоб всего было вдосталь! И еды, и воздуху, и свету! Надоела наша каморка. До войны потеснились, хватит. Будет у нас дом!

Отец хлопнул его по плечу, рассмеялся, а мама сказала задумчиво:

— Надо, чтоб была кухонька и печка. И хорошо бы две комнатки. Светелка и горница.

— Будет, будет и светелка и горница! — сказал отец.— А когда станет холодно, мы с Михаськой залезем на печку и будем рассказывать друг другу сказки. А, Михаська?

Это Михаське понравилось. Он представил домик под старым тополем, ветер, холод, снег, а они с отцом лежат на горячей печке и рассказывают сказки, а мама хлопочет у плиты, печет пирожки с грибами и с луком.

Он улыбнулся, а отец снова хлопнул его по плечу, как равного, и сказал:

— Ну вот, видишь!

И они еще раз спели песенку о пионерской картошке, а ветер шумел в траве, и солнце разбрасывало по земле свет и тени, будто сказочные острова.

Михаська смотрел на облака, лежа на траве, и громко пел:

— Пи-онерская картошка-тошка-тошка-тошка,
Объеденье для ребят-бят-бят...

Ему нравилась эта песенка. Только Михаська никак не мог представить отца и маму пионерами, хотя песню эту они пели, когда были такими, как он.

— Тошка-тошка-тошка! — весело орал Михаська.— Бят-бят-бят!

А облака плыли над ним, похожие на кудрявые белые цветы.

Когда они возвращались, отец вдруг стал серьезным и сказал, как тогда, на поле:

— Вот только долго ждать. Тут в год на дом не наработаешь.

А мама грустно вздохнула.

3

...Михаська ходил за батей хвостом. Куда отец, туда и он. Пошлет мама отца на рынок за молоком, и Михаська с ним. Пойдет отец просто по улице прогуляться, и Михаська тут как тут.

Если бы мама взяла его за руку, Михаська сейчас же вырвался, что он, маленький? А отца сам за руку брал, чтобы все знали — это его батя.

Отец ходил по улицам так, будто все в первый

раз видел. И все наверх смотрел, на крыши, на деревья. Ворот у гимнастерки расстегивал, чтобы дышать легче.

Так они и ходили вдвоем, как в той загадке: нитка за иголкой. Куда иголка, туда и нитка, куда отец, туда и Михаська.

Однажды отец решил зайти в пивную, выпить кружку. Михаська сказал, чтобы подождал на улице, но он увязался за отцом.

Пивная была в маленьком подвалчике. Пахло чем-то мокрым и дрожжами. На стене висела картина — спорят охотники.

Михаська стал разглядывать, что это там они спорят, а отец взял кружку пива и сел за столик. Народу было невпроворот, все вокруг гудело-шумело, пластами плавал седой дым.

Отец выпил кружку, хотел уже уйти, как его кто-то окликнул. К столику медленно, боясь расплескать пиво, двигался человек и в каждой руке нес по три пивных кружки. Как это он ухитрился?

— А-а, Седов, — сказал отец, — пропиваешь состояние?

Седов не обиделся.

— Не угадал, — ответил он, — как раз обмываю состояние. Вот корову купил. Он показал на какого-то старика, видно, колхозника.

— По поводу ценной покупки! — сказал он. — Прими кружечку.

Седов подул на кружку, хлопья пивной пены полетели на пол.

Они выпили, и отец уже не посмеивался над Седовым, а все расспрашивал его о корове.

— Молочко буду теперь пить, — говорил Седов. — Ты знаешь, молоко с пивом — во, говорят, выходит!

— Где же ты денег столько взял? — спросил отец. — Корова-то, поди-ка, и правда, целое состояние стоит?

Седов захохотал. Лицо у него было и так круглое, будто блин с ушами, а когда он смеялся, становилось еще круглее, и глаза совсем закрывались — одни щелочки только.

— Хочешь узнать? — спросил Седов, наклонил свой блин к отцу и зашептал ему на ухо, хрюпло похваталившись.

— Ну и скотина же ты, Седов, — сказал отец и поморщился, будто зубы у него заболели.

Михаська подумал, что сейчас Седов вскочит, грохнет кулаком, начнет орать, но он не грохнулся и не вскочил, и не заорал.

— Захочешь жить по-человечески, — сказал он ласково, — поймешь, что к чему.

— Я же воевал, — сказал отец растерянно, — в разведке служил. Что ж ты думаешь, теперь я этим заниматься должен?

— Вольному воля, — сказал Седов серьезно, и Михаська увидел, что глаза у этого блина колючие. — Никто за рукав не тянет. Война — это одно, а мирная жизнь — другое. Тут разведчики не требуются, все уже разведано. Знай выбирай...

Отец не ответил ему, только взял за руку Михаську, и они пошли домой. Отец глядел под ноги, хмурился и молчал. Перед самым домом спросил:

— Хочешь, Михаська, молока с пивом?

Михаська мотнул головой; молока, конечно, можно, но зачем же с пивом?

— А вот я, представляешь ли, хочу, — сказал отец задумчиво. — Только как?

— Нет, лучше молоко отдельно. А пиво сам пей, — сказал Михаська.

Отец усмехнулся и положил на Михаськино плечо свою тяжелую руку.

— Только как? — повторил он, будто и не слышал Михаську.

Про что это он?

Один раз пошли в кино. Мама затеяла стирку, а их прогнала. И они пошли в кино.

Фильм назывался «Маугли», про то, как мальчишка жил в джунглях. Кино Михаське понравилось, но все время, пока он его смотрел, будто что-то давило на Михаську.

Вдруг его словно ударило — марки. Отцовский альбомчик с марками, которые отнял Савватей. Там были такие же джунгли, как в кино.

Михаська смотрел кино, а сам все ерзал на месте. Как сказать отцу про марки? На экране были джунгли, мальчишка и тигры, — здорово было на экране! А Михаська думал про Савватея, видел его лошадиную морду, и утихшая ненависть снова стискивала горло.

После кино они опять медленно пошли по улице, отец снова глазел по сторонам, а Михаська все мучился и не знал, с чего начать, чтобы рассказать о марках. А отец вдруг рассмеялся и сказал Михаське, что, когда был маленький и первый раз прочитал книжку про Маугли, он хотел убежать в Африку. Да раздумал, потому что не знал, где Африка, за рекой или, наоборот, в другой стороне.

Они засмеялись. Михаська покрепче сжал руку отца, и марки сразу ушли куда-то в сторону. Эх, как здорово идти вдвоем! И хорошо, что мама не пошла, осталась стирать! Вдвоем с отцом лучше. Идут двое мужчин и смеются — вот и все.

Вдруг отец словно врос в землю.

На асфальте, под забором, на деревянной тележке с подшипниками вместо колес сидел безногий инвалид. Одет он был во все военное — в офицерское галифе, подрезанное и ушитое на обрубках ног, и в гимнастерке без погон. На гимнастерке висела медаль «За отвагу» и гвардейский знак.

Перед тележкой лежала перевернутая пилотка со звездочкой, а в ней всегда были монеты и даже бумажные рубли — Михаська не раз видел тут этого инвалида.

Однажды инвалид ехал на своей тележке пьяный. Когда пьяные — обычные люди, они шатаются на ногах, а этому шататься было не на чем, он мчался на своей тележке по улице, подшипники жужжали, как самолеты, а инвалид орал:

— Эх, раз-зойдись! Гвар-р-дия идет!

Улица шла под уклон, инвалид разгонялся, отталкиваясь деревяшками с ручками, и его тележка неслась быстрее машин, а он все разгонялся и разгонялся, орал и орал. Вдруг крик стих, и инвалид рухнул на землю. Его протащило по инерции еще несколько метров, какие-то люди бросились к нему, чтобы помочь, но он, ругаясь, поднялся сам. Рукав гимнастерки был разодран.

И вдруг инвалид заплакал пьяным голосом, прямо заревел на всю улицу, и прохожие притихли, остановились, молча глядели на него. Даже грузовушка с дровами — мимо ехала — затормозила, и тетка-шофер высунулась из кабины. А инвалид медленно поехал сквозь людской коридор к своему месту у забора.

Весь город, наверное, знал безногого. Один отец не знал. Но чего ж стоять как вкопанному? Михаська смотрел на отца. Тот, не отрываясь, глядел на инвалида. Потом переступил с ноги на ногу, сказал негромко:

— Вот оно как, значит... Не пожалела война Сегрегу...

Инвалид был выпивши. Он дремал, не обращая внимания на людей, иногда вздрагивал всем телом, просыпался и кричал:

— Подайте гвардейцу на сто грамм!

Он обводил улицу мутным, теплым взглядом, будто дразнил всех: ну-ка, мол, не подайте, хоть и на водку прошу. Монеты глухо стучали в пилотке, а он снова вешал на грудь несчастную голову и всхрапывал.

Михаське захотелось подбежать к инвалиду, отцепить побыстрей от перевернутой пилотки звездочку, чтобы не пылилась она здесь, не лежала у ног прохожих, не просила подаяния. Он подумал, что, наверное, безногий нарочно не снимает звездочку, и нарочно медали не снимает и гвардейский знак, и нахально кричит так тоже не зря — хочет просто побольше получить... Но тут же ему стало жалко инвалида. Он представил себя без обеих ног, и ему стало стыдно своих мыслей. Без ног — это ужасно, это страшно, без ног же невозможно...

Михаська посмотрел на отца.

Тот все стоял, внимательно глядел на инвалида, и черная морщина разрезала лоб, и брови почти сходились на переносце.

— Пьет, видать, горемыка, — сказал он.

— Здорово пьет, — подтвердил Михаська и спросил: — А ты его знаешь?

— Знаю, знаю, — быстро сказал отец, — как же не знать, воевали вместе. Да пойдем-ка!

Он крепко схватил Михаську за руку и потащил на другую сторону улицы, воровато посматривая на инвалида. Отец шел быстро, и спокойствие и веселье, которые были в нем только что, враз куда-то исчезли. Он торопился, будто за ним кто-то гнался, кто-то глядел на него, и отец не хотел, чтоб его узнали и догнали.

— А то увидит, не отвяжешься, — сказал он, снова взглянув на инвалида, — будет гоняться, денег клянчить...

Михаська даже не сразу понял, что сказал отец. Минуту назад он смотрел на безногого, нахмурившись, стиснув зубы, и Михаська подумал, что отцу, наверное, нелегко смотреть вот так на человека, у которого война отняла ноги, а могла отнять и жизнь. Может, он подумал о себе, ведь и он мог прийти с фронта таким же. Михаська подумал, отец жалеет инвалида, а он вот как...

Они перешли на другую сторону, и отец сразу успокоился, снова стал веселый, стал глязеть по сторонам, ворот распахнул, чтобы легче дышать. Будто и не было инвалида.

Михаська представил себя на месте отца. А вместо инвалида — войну. Неужели, неужели он смог бы, как отец?.. Рядом воевали... Конечно, это правда, что говорит отец. Будет Серега клянчить деньги на водку. Но куда же тут денешься? Ног у Сереги нет — судьба... Значит, и это судьба...

Михаська подумал, что хотел было рассказать отцу про марки, про Савватея, но сейчас это было таким мелким и никчемным...

Он только снова посмотрел на отца. Долго-долго.

4

А потом пришло первое сентября.

Перед первым уроком Михаська поиграл в чехарду во дворе, поспорил со Свиридом, что орден Красной Звезды ничуть не хуже ордена Боевого Красного Знамени, потому что красная звезда и красное знамя — ведь одно и то же, они всегда вместе и друг без друга не обходятся...

Потом загремел звонок — Ивановна вышла во двор со своим старинным медным колокольчиком на деревянной ручке, у которого даже язычок оторвался —

столько он звонил, — и вместо него на телефонном проводе была примотана железная шайба, а потому и колокольчик не звенел, а гремел.

Когда они расселись, в класс вошла Юлия Николаевна с каким-то человеком в очках, высоким и бритоголовым. Она ему еле до плеча доставала.

— Ну вот, — сказала она, — вы совсем взрослые. Уже пятиклассники. Теперь у вас будет не один учитель, а много. Учитесь дальше.

Она была в том же платье, что и в День победы — с белым воротником из кружев. На платье висели два ордена Ленина.

Все ребята гордились Юлией Николаевной — еще бы, у нее было сразу два ордена. И каких! Мама говорила Михаське, что Юлия Николаевна была учительницей еще при царе — вот сколько она уже работала.

Девчонки начали пищать, жалеть, что Юлия Николаевна от них уходит, но она погрозила им пальцем и ушла.

Был бы Михаська девчонкой, он тоже бы запищал, ничего в этом удивительного нет. Он вспомнил, как Юлия Николаевна, когда они были первыми, вторыми да еще и в прошлом году по утрам, перед первым уроком, доставала из своего портфеля серую коробочку и маленькую ложку. Потом она ходила мимо парт и всем давала маленькие сладкие шарики из своей коробки. Витамины.

Витамины-то все ели, причмокивая, а вот когда в большую перемену Ивановна приносила ведро с зеленой водой — хвойным отваром, — Юлия Николаевне приходилось смотреть, чтобы кто-нибудь не выплюнул отвар в цветочные горшки — зеленая водичка была невкусная, горьковатая, пахла елкой. Юлия Николаевна не уходила в учительскую, заставляла всех пить и приговаривала, что это пить сейчас надо обязательно. А иногда вместо хвойной воды она давала по ложечке гематогена — сгущенной и сладкой коровьей крови.

По субботам она оставляла самых хилых после уроков и вела их к себе домой. Дома она поила ребят горячим чаем, сладким-пресладким, не с сахарином, а с настоящим сахаром.

Михаська тоже пил эти чаи. Юлия Николаевна что-нибудь рассказывала при этом интересное и говорила, чтобы все пили, не стеснялись, потому что от сладкого чая получается в человеке много крови. Иногда к чаю был хлеб с маслом.

Юлия Николаевна поила чаями не только ребят из Михаськиного класса, но и из других, а маленькая Лиза, внучка Ивановны, ходила сюда, когда еще даже и не училась вовсе.

Ивановна сказала однажды Михаськиной маме, что за два ордена Ленина Юлии Николаевне положено получать деньги. Она сначала отказывалась, а потом все-таки стала получать и на эти деньги покупала на рынке настоящий сахар и витамины. А хлеб с маслом она покупала на свою зарплату, и говорит, что живет она одна, поэтому, мол, ей хватает, а ребят накормить надо.

Такая была Юлия Николаевна. А теперь она уходила. Снова будет учить их, как писать и считать. И снова будет кормить их витаминами и давать гематоген с ложечки.

5

Бритоголовый мужчина сказал, что он будет учить их математике.

Теперь на каждом уроке — русском, математике, истории — были разные учителя.

Былого мальчиком математик Иван Алексеевич, которого сразу прозвали «Шариком», Михаська понравился, не то что «Русалка» Нина Петровна.

Когда кто-нибудь из ребят выходил к доске и не мог решить задачу, он долго растолковывал ему, как ее решать, не сердился, а смеялся, удивлялся, что за загвоздка — ведь задача вон какая легкая,— а потом, когда наконец задача получалась, все решали еще одну, похожую, и неудачник, которому Иван Алексеевич все растолковал, уже быстро с ней разделялся, и хотя получал жалкую тройку с минусом, уходил на свою парту красный от удовольствия.

Иван Алексеевич вообще очень любил плюсы и минусы. Он ставил двойки, тройки, четверки с минусами и плюсами, а самыми крайними оценками были у него единица с минусом и пятерка с плюсом. Правда, ставил их он очень редко, если уж кто-нибудь обманет его, например, на контрольной или так решит задачу, что он сам удивится.

Кроме математики, Иван Алексеевич преподавал у них физкультуру. Это, конечно, забавно — и на сырьевой математике и на несерьезной физкультуре — один учитель. Михаська заметил, что Иван Алексеевич и сам как будто этому удивляется. Но учителей не знатало.

Ходил Иван Алексеевич и на математику и на физкультуру в офицерском кинотеатре без орденов, только на груди краснела, желтела и снова краснела трехцветная полоска. Это означало, что у него два тяжелых ранения и одно среднее. Но, хотя у Ивана Алексеевича были цели и руки и ноги, Михаська, видевший в госпитале у мамы тяжелораненых, жалел его.

6

Ну, а «Русалкой» Нина Петровна была совсем другая. «Русалкой» ребята прозвали ее не за длинные волосы, а за то, что она преподавала русский язык. Нина Петровна всегда будто куда-то торопилась если кто-то плохо отвечал или замягчал немножко, она тут же сажала на место, ставила двойку, и нужно было за ней ходить, клянчить, чтобы вызвала снова.

Ребята ее боялись и не любили, и Михаська тоже не любил. У Юлии Николаевны он за изложение на экзаменах получал пятерку и считался в прошлом году лучшим «русаком», а теперь выше тройки подняться никак не мог.

Однажды Нина Петровна начертала в дневнике жирную пару. Это была первая двойка нынче, и Ми-

На земле, устланной газетами, длинной шеренгой выстроились кошки.

хаська страшно расстроился, тем более что урок был проще простого — суффиксы,— и он его знал, только что-то растерялся и не смог назвать примеры.

В этот день он смотреть больше не мог на вредную Нину Петровну, еле досидел до конца уроков и побрал куда глаза глядят. Домой идти не хотелось. Он проводил Сашку Свиридова, пошлялся еще и неожиданно для себя оказался на рынке.

Рынок кишел народом. Какой-то солдат держал в обеих руках по буханке хлеба и торговался со старухой. Тетка, обмотанная в цветастую шаль, толпилась возле деревянного забора, к которому на кнопках были прикреплены странные картины — лебедь с женской головой, плывущий по гладкому озеру, а на берегу стоит человек с кривой саблей на боку, как Чингисхан. Картины были все одинаковые, только на одной из них у дядьки с саблей были черные усы, и походил он чем-то на Чапаева. Перед Чингисханами и Чапаевым на земле, устланной газетами, длинной шеренгой выстроились серые кошки. Кошки были гипсовые, с дыркой на голове, чтоб бросать туда монетки. Кошки-сберкассы.

Михаська побродил еще по толпе, прошелся по баракам, где торговали ржавыми гвоздями, засохшей краской, довоенными книгами и женскими панталонами, посмотрел на клетку с живыми петухами, которых доставал по одному дядька с широким красным носом, похожим на утиный, и пошел к выходу.

Он совсем было уже вышел, как вдруг словно споткнулся. Возле тумбы, полной окурков, бумаг и еще какой-то дряни, стояла Катька.

Она чем-то торговала, возле нее была толпа.

Михаська прорвался сквозь людей и увидел, что рядом с Катькой стоит корзина, а в ней две большие бутылки. Из третьей она наливалась в стакан квас, потом быстро ополоскивала стакан в миске и наливала снова. На улице было по-летнему жарко, хотелось пить, и торговля у Катьки шла бойко.

Михаська хотел было выбраться, но очередь подтолкнула его прямо к Катьке.

Катька вздрогнула, увидев Михаську, моргнула глазами от неожиданности, но тут же спохватилась и протянула ему стакан с квасом.

— Пей,— сказала она.

Михаська взял стакан и выпил. Квас был невкусный, несладкий, горьковатый.

— Выпил? — спросила Катька, и глаза ее потемнели. — Вкусно? — спросила она снова, и Михаське показалось, будто она чувствует себя виноватой.

Толпа тотчас оттерла Михаську, и он остановился, сбитый с толку.

Катька, семиклассница Катька, торговала на рынке квасом. Ему казалось это стыдным, некрасивым, необъяснимым. Вот приведись ему бы торговать на базаре, как та тетка с картинами или мужик с петухами, да он бы сгорел со стыда!

Когда мама вернулась с дежурства, Михаська усердно сидел над русским. Ему казалось, это лучшая маскировка. Но если он старательно глядел в учебник, мама его всегда спрашивала:

— По какому?

И приходилось говорить.

— Ну,— сказала мама, бренча кастрюлями,— повторяя вслух. Как на уроке. А я буду за учительницу. Так что не надейся.

Мама всегда очень сердилась на Михаську за двойки. Даже не разговаривала иногда. Будто он виноват. Вообще-то она была добрячка, а вот за двойки дулась.

В дверь стукнули, и Катька вызвала Михаську в коридор. Она отвела его в уголок и протянула красного сладкого петушка на палочке. Он видел сегодня такие на базаре. Какая-то толстая тетка держала в руках пол-литровую банку, набитую петушками. Петушки

высовывались через край, их было много, и банка походила на удивительный, сладкий цветок.

— На, Михасёк,— сказала Катька.— Только очень тебя прошу, не говори никому.

Ее глаза и вся ее фигура, тонкая, худая, просили Михаську не говорить никому про квас.

— Вот еще,— сказал Михаська.— Что я, доносчик? А петуха отдай Лизе.

Катька хотела было силой сунуть Михаське петуха, но он так посмотрел на нее, что она сразу же пошла к себе.

— Спасибо, Михасик,— сказала она.

— Вот еще,— ответил Михаська, и ему стало жалко Катю. «Ведь она уже совсем взрослая,— подумал он,— ей стыдно... Стыдно».

7

На другой день Нина Петровна так и не спросила Михаську, хотя он догнал ее в коридоре и очень-очень попросил спросить его. Только в конце урока она, глядя в журнал, буркнула:

— Михайлов, если хочешь исправить двойку, останься после уроков.

Михаська остался. Он сидел один в пустом классе, еще раз листая учебник. Ох и вредная эта «Русалка»! Сейчас будет гонять по всей книге, глядеть в сторону и вздыхать. А потом поставит тройку, мол, и это хорошо, скажи спасибо, что я добрая, видишь, сжалась над тобой.

Он представил, как все это будет, и стало просто тошно.

«Эх, Юлия Николаевна, Юлия Николаевна, вам бы на пятерку ответил, да если и пару бы получил — не обидно было, потому что никогда бы, никогда не стали вы смотреть в окно и делать вид, что вам все равно!» — думал Михаська.

Дверь открылась, и он встал, не глядя на Нину Петровну, а когда повернулся — рассмеялся. Это была не учительница, а бабушка Ивановна с ведрами. Рядом с ней стояла маленькая Лиза.

— Михасик,— спросила бабушка,— после уроков оставили?

— Ага,— ответил Михаська.— Вот двойку получил.

— Поди-ка у Нины Петровны? — сказала Ивановна. Михаська кивнул.— Да-а,— вздохнула Ивановна.— Сердце у нее тяжелое. Известное дело, не мать.

Лиза закатала рукава, смочила тряпку в ведре и стала вытирая парты. Она раскраснелась, волосы падали ей на глаза, и Лиза смешно дула на них, оттопыривая нижнюю губу. Ивановна шваброй терла пол, и голова ее вздрагивала, будто от испуга.

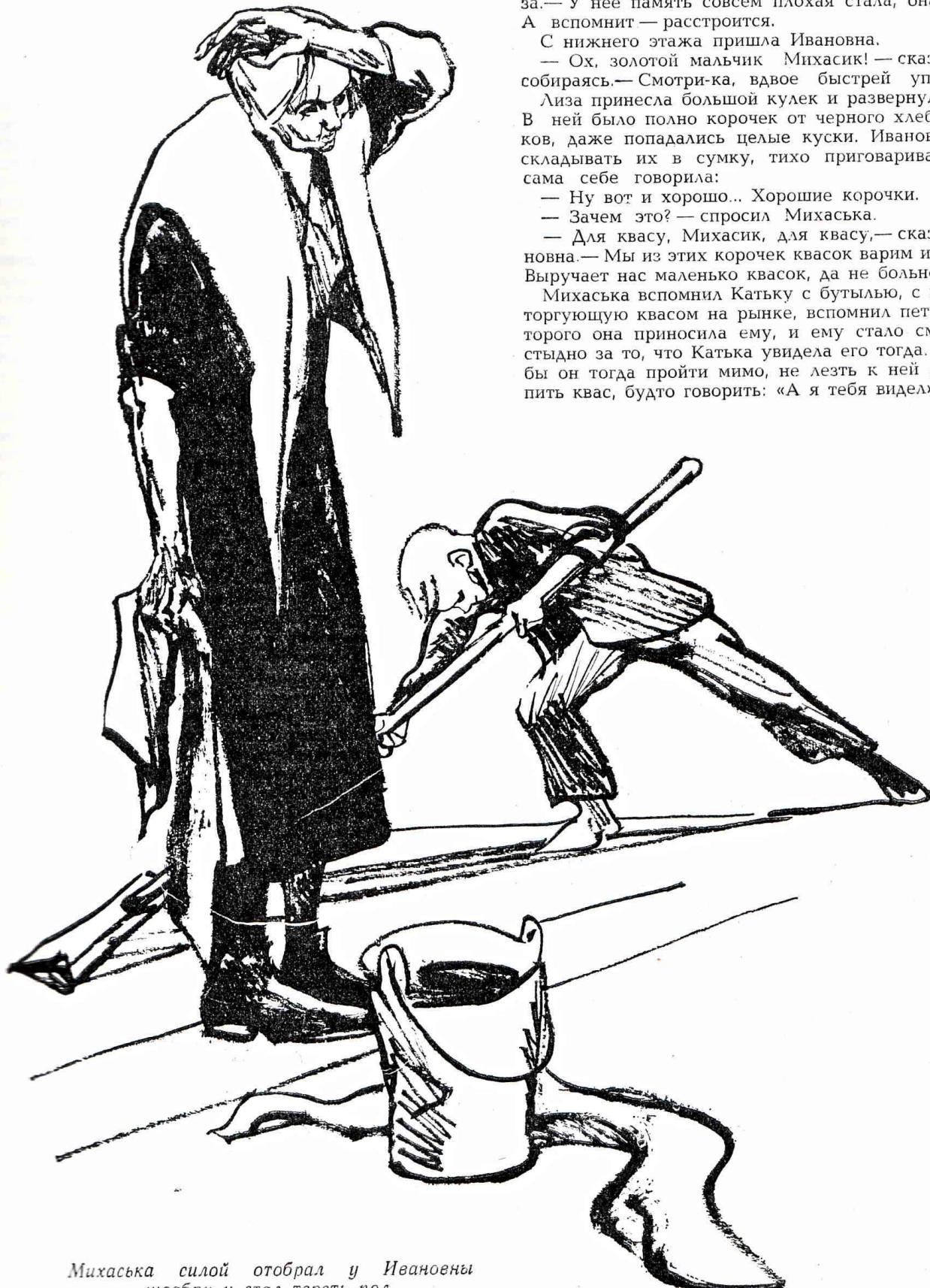
Обе работали молча, сосредоточенно. Бабушка Ивановна сгорбилась, серый халат топорщился на ней во все стороны. Иногда она останавливалась, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба и тут же снова бралась за швабру.

Михаську вдруг подхлестнул кто-то. Он даже покраснел. Вот маленькая Лиза и бабушка работают, а он сидит рядом с ними и листает свою книжку. Михаська сунул книжку в сумку, закатал рукава, силком отобрал у Ивановны швабру и стал тереть ею пол. Но что-то у него плохо выходило с этой шваброй, и тогда он взял тряпку, запустил ее в другое ведро и стал мыть пол.

— Михасик, перестань! Перестань, Михасик,— говорила бабушка, но он не переставал, и у него это здорово быстро выходило.

Потом они перешли в другой класс, и Михаська снова мыл там пол и ругался, что ребята так много

спрят и оставляют после себя столько грязи. Он на-
тапкал на полу ржавые перышки, хлебные крошки,
стружку от карандаша, а в одном месте чуть не напо-
ролся на иголку.

Михаська силой отобрал у Ивановны
швабру и стал тереть пол.

Они кончили, когда стало уже темнеть, и Михаська спохватился, что сюжет ждет Нина Петровна. Он скатился по лестнице и заглянул в учительскую. Нина Петровна уже ушла.

— Только не говори бабушке,— сказала ему Лиза.— У нее память совсем плохая стала, она забыла. А вспомнит — расстроится.

С нижнего этажа пришла Ивановна.

— Ох, золотой мальчик Михасик! — сказала она, собираясь.— Смотри-ка, вдвое быстрей управились.

Лиза принесла большой кулек и развернула газету. В ней было полно корочек от черного хлеба, огрызков, даже попадались целые куски. Ивановна стала складывать их в сумку, тихо приговаривая, будто сама себе говорила:

— Ну вот и хорошо... Хорошие корочки.

— Зачем это? — спросил Михаська.

— Для квасу, Михасик, для квасу,— сказала Ивановна.— Мы из этих корочек квасок варим и продаем. Выручает нас маленько квасок, да не больно-то...

Михаська вспомнил Катьку с бутылью, с корзиной, торгующую квасом на рынке, вспомнил петушка, которого она приносila ему, и ему стало смертельно стыдно за то, что Катька увидела его тогда. Ведь мог бы он тогда пройти мимо, не лезть к ней да еще и пить квас, будто говорить: «А я тебя видел».

8

Теперь, выучив уроки, Михаська часто приходил к бабушке Ивановне, к маленькой Лизе и Катьке.

Михаська и раньше пропадал у них, иногда Катя помогала ему учить уроки, и вся жизнь маленькой семьи Ивановны была у него, как на ладошке.

Он даже помнил Катину и Лизину мать, ее высокий рост, белое лицо, удивительно белое, будто в муке, да еще зеленое длиннополое пальто, перешитое из шинели.

Все несчастья свалились на Ивановну и девчонок разом, без всякой пощады.

Когда началась война, Катька и Лиза с матерью жили у отца, на границе. Он был военный. Семью он сразу же отправил к Ивановне. Поезд с беженцами шел долго, и, когда Катька с Лизой и матерью приехали наконец, Ивановна показала им похоронную. Письмо обогнало поезд. Их отца уже не было на свете.

Когда они немного оправились от горя, мать устроилась на работу. Эвакуированных в то время приезжало много, каждый день не по одному эшелону, найти работу оказалось трудно, и их мама нанялась на хлебозавод развозить по магазинам деревянную тележку с хлебом.

Было на хлебозаводе одно преимущество — иногда можно было выпросить у рабочих пекарного цеха кусок хлеба, а то и целых полбуханки. Это строго каралось. Если кого-нибудь с хлебозавода охранники ловили с хлебом, такого немедленно отдавали под суд и строго судили, но есть было нечего, бабушка Ивановна зарабатывала мало, Катька и Лиза голодали, и мама их рисковала.

Тележка, которую она возила, налегая грудью на деревянную перекладину, была не очень уж и большая, здоровому да сытому человеку катать ее одно удовольствие. Но мать их после смерти отца постоянно болела, недоедала да еще и вставала посреди ночи, совсем измученная, потому что вечером допоздна приходилось и стирать, и готовить какой уж есть, худо-бедно, а все-таки обед, гладить Катьке одежду в школу, возиться с маленькой Лизой, а потом вставать часа в три, потому что к этому времени хлебозавод давал выпечку и приходилось стоять в очереди таких же худых и бледных женщин в белых халатах с такими же, как у нее, деревянными тележками, чтобы нагрузить хлеб и везти по магазинам.

Бывали у мамы несчастья, потому что иногда с тяжелой головой она не успевала считать буханки, которые ей выдавали, и случалось, что хлеба не хватало. Это было, правда, редко.

Случалось и другое, когда усталые раздатчики тоже обсчитывались на буханку-другую, им было легче, с них не спрашивали так строго, да и одна-две булки за смену не так уж страшно для завода, и тогда мать утаивала, приносила буханку домой. Девчонки прыгали, отламывали горбушки, а мать глядела на них и беззвучно плакала. Ей, наверное, было стыдно, что она кого-то обманывала, но голод сильней стыда, да еще если голодают девчонки.

Однажды Михаська увидел, как с матерью, напирая на деревянную перекладину руками, шла Катька.

Начинало подстыдывать, грязь сделалась вязкая, и тележку заносило в сторону. Михаська подбежал тогда к ним, запрягся третьим в упряжку.

Тащить тележку было трудно. Она была все-таки очень тяжелой и, самое главное, не слушалась на затыльник дороге.

...Все это случилось тогда же, осенью сорок первого, буквально через несколько дней после того, как Михаська помогал Катьке и ее маме.

Рано утром, было совсем еще темно, в коридоре вдруг раздался дикий крик. Михаська вскочил. Мама в одной рубашке выбежала в коридор и быстро вернулась такая бледная, что даже в темноте было видно.

Она зажгла керосиновую лампу и долго сидела молча, сжав губы. Михаська тормошил ее, спрашивал, что случилось, хотел сам выйти в коридор, но она его не пустила, а потом сказала, что маму Лизы и Катьки задавила машина.

Михаська ходил на похороны вместе с мамой. Развозчицы хлеба сняли с двух тележек, которые они всегда возили, хлебные фургончики, тележки соединили между собой. Кто-то принес еловые ветки. Ветки были удивительные — серебристые, почти белые и очень красивые. Потом Михаська узнал, что их срубили в ботаническом саду. Это были серебристые ели. Еловыми лапами убрали сдвоенную тележку, на нее поставили тесовый гроб. Потом развозчицы вытащили из сумок белые халаты и надели их поверх пальто. Затем они взялись за тележку, со всех четырех сторон, человек двадцать в белых халатах поверх пальто, и покатали гроб в сторону кладбища.

Девочки шли, взяв под руки бабушку, а у Ивановны что-то тряслась голова. Она совсем поседела за эту ночь.

Потом Михаська узнал, что хлебную тележку, которую везла мама Катьки и Лизы, занесло на гололед, а вслед за ней шел грузовик, шофер стал тормозить, и машину тоже понесло по скользкому льду, прямо на тележку...

9

Катька сказала Михаське через несколько дней, что шофером тоже была женщина, она шла на похоронах рядом с ними, но Михаська ее не заметил тогда.

Он увидел ее позже. Это была пожилая тетка, удивительно, что она водила машину. Но кем только тогда не работали женщины! Тетка приносила Ивановне муку — она ездила в какую-то деревню и выменяла там на что-то, потом приносила деньги, и это было уже при Михаське, он готовил тогда уроки с Катькой, и еще много раз приходила, и так ходила всю войну, пока вдруг не исчезла. Ивановна узнала потом: тетка эта, такая неприметная и маленькая, что Михаська никак не мог ее запомнить, умерла от сыпного тифа. Ивановна плакала, и Михаська удивлялся тогда, что это она плачет, ведь эта тетка задавила ее сноху и оставила девчонок круглыми сиротами.

Но Ивановна плакала так, будто потеряла родного человека, она ведь даже в суд ходила, просила, чтобы эту тетку не судили, когда она задавила Катькину и Лизину маму.

«Она тут ни при чем», — говорила Ивановна, хоть у нее и стала трястись голова после этого «ни при чем». Разве поймешь этих взрослых, то у них так, то этак...

С того времени, как погибла главная кормилица, жить Ивановне и ее девочкам стало совсем плохо. Школа, где учился Михаська, была прикреплена к столовой № 8, и ребятам давали талоны на разовое питание. Но за эти талоны все равно надо было платить. У Ивановны на талоны для Катьки и Лизы денег не хватало, и она брала только для Лизы.

Была такая поговорка — шакалы из восьмой столовой. К Михаське, когда он ел, не раз подходил какой-нибудь парень или девчонка и говорил: «Оставь немногого». Или просто садился напротив и глядел в тарелку, не оставит ли там Михаська картошинку или немногого супчику на дне. Таких ребят было много, их прозвали шакалами из восьмой столовой. Михаська всегда выглядывал в их разноликой толпе

Катьку — она тоже считалась шакалкой. Катька стыдилась своего названия, стыдила просить, она просто иногда проходила мимо столов, и если оставался кусочек хлеба или еще что-нибудь, она брала, но никогда не подходила, раз человек сидел за столом, и не глядела ему в рот.

Михаська выглядел Катьку и, если она была, машал ей рукой. Катька краснела, хотя чего ж ей краснеть перед Михаськой, но к столу шла, и Михаська всегда делился с ней и первым, и вторым, и оставлял полстакана киселя.

Правда, потом у него жужжало что-то в животе, и до вечера, пока не придет мама, не раз побегут голодающие слонки, но не позвать Катьку, похожую на скелет — только глаза блестят, — он не мог, не имел права. А когда все-таки грех так и подмывал его, он вспоминал войну, как там сражаются бойцы, ведь делятся, наверное, последним куском друг с другом и махорочку делают, и ему становилось стыдно от одной только мысли, что он все хотел съесть сам и не позвать Катьку.

Это все было в войну, а теперь война кончилась, только ничего не изменилось в семье у бабушки Ивановне. Так же, как раньше, делала Ивановна котлеты из картофельных очисток, ходила по воскресеньям с девочками в лес по грибы, по ягоды, по желуди — желуди она жарила на противне, а потом молола, получался желудевый кофе. Летом они ели щи из крапивы, собирали щавель, летом можно было жить, а вот к осени, к зиме становилось совсем худо. Карто-

фельный участок, который давали Ивановне, был мал, и она снова горевала, как станут они зимовать.

Теперь, осенью, у них часто висел замок на двери. Катька после уроков забирала Лизу, и они шли на картофельное поле выбирать маленькие, с ноготок, клубеньки из земли, потому что такие только и оставались, все покрупнее убирали подчистую. Или торчали у овощехранилища и ждали, когда упадет случайно турнепсина, репина или морковка. Они ходили с сумками через плечо. Сумки Ивановна сшила из разноцветных лоскутков, какие нашла, и девчонки походили на побиушек.

Михаська знал, что, когда погибла мать, к Ивановне приходили развозчицы хлеба, предлагали отдать Катьку или Лизу в детский дом или предлагали найти каких-нибудь богатых бездетных людей, которые бы взяли девочку. Что до богатых, такие, наверное, были, а может, и нет, а вот бездетные, да, были. У некоторых эвакуированных по дороге в тыл погибли дети. Они очень, очень горевали и готовы были, не глядя ни на что, взять ребенка.

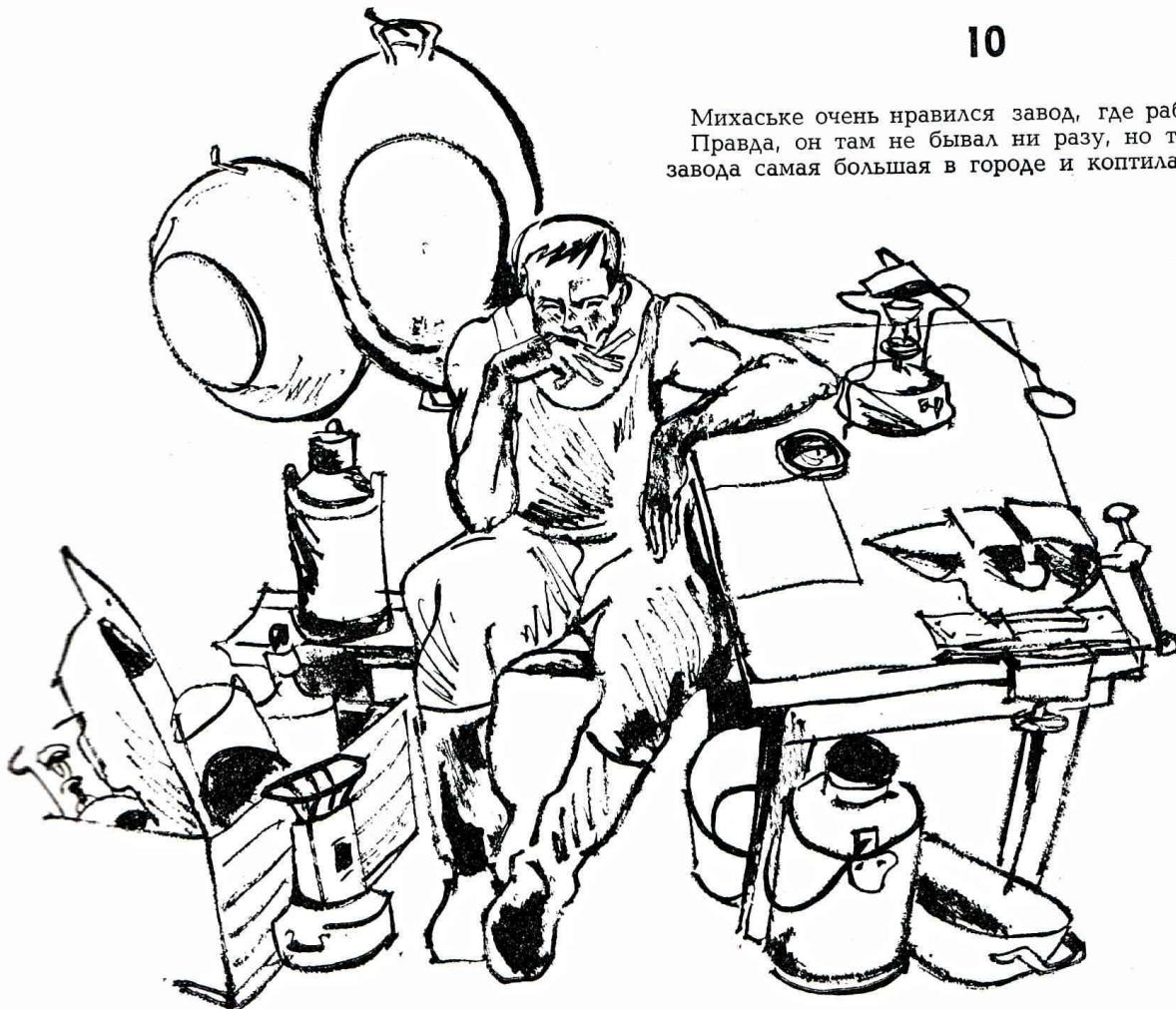
Но Ивановна кричала на развозчиц, плакала, прижимала к себе девчонок, и развозчицы отступились. Только иногда приносили Ивановне хлеба с завода.

Катя хотела уйти из школы, даже уже нашла место — судомойка в гарнизонной столовой, но бабушка Ивановна сказала ей, что, пока жива, работать ей не даст, пусть учится, кончает десятилетку и поступает в институт, а там будет легче, потому что в институте платят стипендию...

10

Михаське очень нравился завод, где работал отец.

Правда, он там не бывал ни разу, но труба этого завода самая большая в городе и коптила ночью и

Теперь их комната походила на мастерскую.

днем, а у ворот часовые, как на границе. Не может же быть такой завод плохим и неинтересным.

Михаська всем говорит, что отец у него мастер. Значит, из всех рабочих рабочий. Мастер на все руки — не зря же так говорят.

А что отец мастер на все руки, Михаська ни на вот столечко не сомневался.

Бот он как железо гнет, ведра паяет, плитки чинит!

Михаська теперь не шлялся по городу после школы, не считал ворон, а скорее мчался домой, хватал кусок хлеба и открывал портфель, торопился побыстрее выучить уроки.

К приходу отца все должно быть готово и как следует готово, конечно, чтоб отец не смог, как неравног, отправить его спать или учить, исправлять двойку, чтобы он мог только весело поглядывать на Михаську и говорить с ним о серьезных делах.

А дела были серьезные!

Отец принес откуда-то паяльник, приладил на края стола маленькие тиски, и пошло-поехало! Теперь их комната походила на мастерскую. Полкомнаты занимали старые ведра, тазы, примусы, керогазы, плитки, замки.

Руки у него летали, будто птицы, да так точно, умело летали, словно он и не воевал вовсе, не стрелял по фашистам, а только тем и занимался, что чинил ведра и прочее имущество.

Хозяйки со всего квартала, узнав, что отец никому не отказывает и все умеет чинить, какие бы сложные вещи ни были, несли ему свое барахло.

Однажды к нему пришел с патефоном в руках тот дядька, с лицом, похожим на блин, Седов.

Отец подвинул Седову табуретку, стал внимательно рассматривать его патефон.

— Ну как, пьешь пиво с молоком? — спросил он.

— Пью, милый, пью, — заулыбался Седов, — и еще закусываю. А ты, поди, завариуху ешь?

Отец посмотрел на Седова внимательно, и Михаське показалось, что он кинет сейчас патефон в этот белый круглый блин. Но отец патефон не кинул, ничего не сказал Седову.

— Тяжело, наверное? — серьезно, не улыбаясь, спросил Седов. — После работы снова работа. А ведь сам...

— Ладно, — прервал его отец, — сам с усами. Приготовь денежки, не за бесплатно делаю.

Седов засмеялся, встал, пошел к двери.

— Само собой, — сказал он, — само собой, а как же. Только мелко плаваешь, Михайлов, мелко.

Отец взглянул на Седова, хотел встать, но тот уже прикрыл дверь.

Отец долго молчал. Работал яростно, будто кто его разозлил. Паяльник у него в руках так и летал. Потом он вдруг задумался, положил паяльник на стол, да неосторожно, задымилась клеенка.

— Ах ты!.. — зло крикнул отец.

Прибежала из коридора мама, увидела, что случилось, и засмеялась:

— А я думала, тут пожар.

— Пожар! — заорал он.

И Михаська даже рот раскрыл. Что это он? Что с ним случилось? На маму закричал.

Отец швырнулся таз, который паял, и заходил по комнате, как маятник: взад-вперед, взад-вперед. Мама подошла к нему, взяла его за плечи.

— Ну что ты, — сказала она, — успокойся.

Она смотрела на отца, как тогда, в тот длинный первый день, и глаза ее походили на два кусочка неба.

— Устал ты, — сказала она. — Ну отдохни. Чего ты волнуешься? Грех обижаться. Живем, как люди, не хуже.

Отец вырвался от нее, снова замотался по комнате.

— Как люди! — крикнул он. — Вот именно, как люди.

Он походил снова, потом остановился перед мамой и сказал ей хрюпло, будто мороженого наелся:

— А я не хочу, как люди! Не хочу, слышишь! Я хочу лучше, чем люди! Или я не заслужил?

Отец прошелся по комнате еще и еще. Потом вдруг остановился, обнял маму.

— Зло берет, понимаешь, — сказал он нормальным голосом. — Целый вечер сижу, семь тазов запаял.

Как гроза. Налетела, просыпала на землю молнии и умчалась дальше. Михаська вздохнул, полегчало. А отец снова работает. Только паяльник шипит. Михаська ему помогает.

Он ведь не просто теперь глазами хлопал. Он помогал. Отец научил его зачищать металл и паять. Правда, паять Михаська умел еще плохо, но зачищал, как заправский мастер.

Он привел однажды Сашку Свирида к себе домой, так тот до темноты не уходил, пока отец не дал ему ведро чуть-чуть попаять. Теперь Свирид каждый день в гости к Михаське просится.

Одна мама всем недовольна. Нагремится своими кастрюлями, сидит напротив Михаськи с отцом и вздыхает.

Раз вздохнет, два. Отец оторвется от какого-нибудь примуса, подойдет к матери, поцелует ее.

— Да я понимаю, — скажет мама, и глаза ее станут печальными, словно плакать ей хочется.

— Что зарплата? — говорит отец. — На зарплату дай бог прожить...

За ремонт отец берет деньги. Когда хозяйки спрашивают, мол, сколько, он смотрит в угол, где лежит всякое барахло для ремонта, и тихо говорит, сколько. А потом, не глядя, сует деньги в карман.

Вечером, когда мама и Михаська уже лежат, отец долго еще паяет, стучит, а потом открывает форточку и моет руки.

Потом он достает из кармана смятые рубли, трешки, пятаки и разглаживает их ладонью, складывает стопкой и идет спать.

...Бабушка Ивановна принесла отцу тазик запаять. Она в нем белье стирает. Отец тазик запаял, и тоже посмотрел в угол, и тоже, как всем, сказал Ивановне тихо:

— Два рубля.

И Михаська видел, как растерялась Ивановна, как оставила она тазик, пошла в коридор, а потом принесла два рубля. Михаська смотрел на маму — она бренчала кастрюлями совсем рядом и ведь видела, видела же все. Но мама ничего не сказала.

— Это же Ивановна! — сказал Михаська отцу, глядя на него так, будто видел в первый раз. — Ивановна, понимаешь? Они плохо живут. У них мать задавили.

Отец удивленно посмотрел на Михаську и ответил:

— Ну и что?

Словно ничего не случилось.

Михаська смотрел на отца со страхом, с ужасом, с обидой, и в глазах у него стояли слезы. Отец посмотрел на него снова и ничего не заметил.

Не захотел.

И тогда Михаська вспомнил инвалида.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

Григор ВИТЕЗ

Рисунки
В. ПЯТНИЦКОГО

По разным странам света
с зари и дотемна
гуляет песня эта.
Она еще не спета
и не сочинена,
но, знайте, есть она.

Ее под рев оркестра
не будет петь маэстро —
ее и там и тут,
повсюду на планете,
договорившись, дети
тихонько запоют.

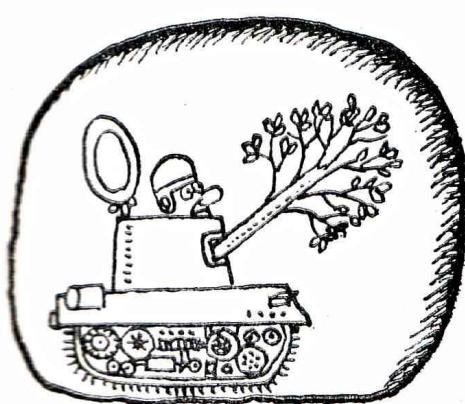
Ее еще не спели,
и пусть лишь еле-еле
слышны ее слова —
их повторяет Дели,
Нью-Йорк, Париж,
Москва.

И все слова друг другу
протягивают руку,
как будто брату брат.
И радостно и звонко,
как сердце у ребенка,
звучит их мерный лад.

От звуков этой песни
утихнут страсти в спорах,
от звуков этой песни
намокнет в пушках

порох,
от звуков этой песни
броня ржаветь начнет,
и не взлетит, хоть тресни.
с напалмом самолет.
Она еще не спета
и не сочинена,
но, знайте, есть она.
По разным странам света
гуляет песня эта
с зари и дотемна.

Перевел
с сербскохорватского
Анатолий НАЙМАН

РАССКАЗЫ АРХЕОЛОГА

Валентин БЕРЕСТОВ

Красный кораблик

Когда я уезжал в экспедицию, дочка подарила мне свою игрушку — красный пластмассовый кораблик с белым парусом.

— Что будет делать кораблик в пустыне? — спросил я. — Ведь там нет воды.

— Возьми, возьми, — ответила дочка. — Может, пригодится.

Я повесил кораблик на веревочке над входом в палатку. От жары и

Рисунки
П. ПРОРОКОВА

зетра он из красного стал бледно-розовым. И дочери приходилось после моего приезда из экспедиции всякий раз подкрашивать его.

Однажды я взял кораблик с собою на раскопки.

У меня было много находок. Уже не хватало коробок из-под конфет, консервных банок, спичечных коробков, куда я упаковывал всякую мелочь вроде бусинок, монет, колечек, сережек. Особенно много было семян древнего проса, хрупких косточек урюка полуторатысячелетней давности, больших косточек персика с узором, похожим на то, как рисуют извилины мозга.

В раскопанной мною комнате была глубокая ниша. Я поставил туда кораблик, снял с него парус и освободил палубу для ценного груза. Найду завое-нибудь семечко и погружу его на корабль. А вечером выну свои находки, напишу к ним этикетки, возьму бумагу с ватой и осторожно переложу туда древние семена. Пусть ученые увидят их и установят, какие поля и сады цвели там, где сейчас пустыня.

Однажды над нашей крепостью появилась тяжелая низкая туча. Мы быстро собрали инструменты и находки, засыпали землей все, чему мог повредить ливень: древние очаги, запрома с зерном, отпечатки на полу. И побежали в лагерь.

Кораблик, нагруженный семенами, остался в нише. Я за него не беспокоился.

Ливень мы переждали в палатках. А когда он кончился, сразу кинулись на раскопки посмотреть, что стало с нашей глинобитной крепостью.

Она потемнела от влаги. Но все было в порядке, лишь в нескольких раскопанных комнатах стояли лужи.

Зато моя комната была залита до самого верха — все стекало в нее. А посередине, на мутной воде цвета кофе с молоком, мирно покачивался красный кораблик, подаренный моей дочкой.

Его вынесли из ниши потоки, которые проникли в комнату уж после дождя. Косточки и семена оказались сухими. Их спас кораблик. Он все-таки пригодился.

СВЕРЧКИ

За стенами древних крепостей в городах, давным-давно покинутых людьми, все-таки есть своя жизнь, свое население, свои голоса.

Ранним утром на крепость прилетают дикие утки с соседнего озера. Они кружатся над нами, а затем с какой-то непонятной целью примерно четверть часа сидят на выступах всех четырех стен. Наконец утки сбиваются в стаю и улетают на озеро. И воцаряется тишина. Разве что змей прошелестит в кустарнике.

Но ровно в пять дня с угловой башни раздается страстный, хищный крик совы. Ей откликаются совы с двух других башен. И снова все затихает.

Что означают эти крики? Может быть, вот что. Петух возвещает день. Но делает он это глубокой ночью. Точно так же и совы, когда жаркий день лишь начинает клониться к закату, своею перекличкою предвещают ночь.

Но вот садится солнце. Наступают короткие южные сумерки. И словно по чьему-то сигналу начинает звучать весь древний город, все его дома, улицы, площади, ставшие землей с пухлой корочкой солончака и редкими колючими кустами.

Звон идет снизу. И когда вы в сумерках бродите по крепости, то кажется, что вокруг на невидимых стебельках качаются мириады бубенчиков. Вы делаете шаг, и звучащая волна убегает, чтобы вновь сомкнуться за вашей спиной.

Это поют сверчки, милые, добрые сверчки, незримые духи уюта и мира.

Вдоль стен, на которых по утрам сидят утки, чернеют россыпи камней. Камни молчат. Но они рассказывают о какой-то всеми забытой войне, когда крепость была взята штурмом и жизнь в ней навсегда прекратилась, когда погасли тысячи мирных очагов.

И словно в память о них поют и поют свою добрую песенку пустынные сверчки. И все это происходит как раз тогда, когда в свете заката на поверхности разрушенного, смытого города как бы сами собой проступают очертания улиц, переулков, домов.

Птичий остров

Спугивая сусликов и ящериц, по сыпучим барханам шагали трое с удочками и раскладушками. (На сей раз озеро было совсем рядом с нашими раскопками.)

На берегу томилось от жары стадо. Пришлось идти вброд на середину озера, к зеленому островку. Подняли над головами раскладушки и зашагали по воде.

Что тут началось! Птицы вились над нами и орали, как кухонные склоночницы. В их криках можно было угадать такую грубую брань, что, ей-богу, неловко становилось.

Чем ближе подходили мы к островку, тем яростнее верещали птицы:

— Пррочь! Пррочь! К чеэррту!..

Но вот ругань прекратилась, птицы в один миг разлетелись, и мы вступили на мокрый песок, весь покрытый остроугольными отпечатками птичьих лапок.

Знай гляди под ноги, чтоб на гнездо не наступить. Тут полным-полно гнезд, неглубоких, круглых, как блюдца. И в каждом таком блюдечке два-три зеленоватых яичка.

Пышный куст над самой водой. Оттуда с треском, разбросав ветки, выпархивает дикая утка. В ее гнезде одиннадцать крупных, тяжелых яиц.

А вот на торчащей из воды коряге висит серый комочек с безвольно откинутой головкой, сомкнутым клювом, с неряшливо торчащими из пуха, похожими на соломинки, зачатками перьев. Дохлый утенок! Дотрагиваюсь до этого еще теплого (наверное, от жары) тельца, зачем-то кладу его в воду. И «покойник» оживает. Он лихо работает желтыми перепончатыми лапками и уплывает от меня.

На песке и на кустах вижу другие недвижные комочки пуха с несоразмерно большими лапами и клювами. Жажда жизни сделала их оцепенелыми, почти мертвыми. У них нет другой защиты, кроме вот такого нехитрого обмана.

Что случилось у соседнего островка? Птицы кружатся тучей и кричат еще яростней, еще отчаянней.

К островку с шумом и плеском движутся ошалевшие от жары коровы. Они волокут на груди целые гирлянды водорослей, закусывают встречными камышинками и осокой и с жадностью смотрят на свежую зелень островка, тянут к ней жующие морды.

Птицы проносятся над ними бреющим полетом, чуть не клюют их, орут им прямо в уши, бомбардируют пометом. А коровам хоть бы что. Они тупо и невозмутимо шагают к островку, покрытому птичьими следами, полному такой нежной и хрупкой жизни. Уж они-то под ноги не посмотрят!

И вдруг коровы застывают на месте, смущенно мотают мордами. Птичий голоса перекрывает истерический, безумный хохот. Но жара есть жара, а зелень — это зелень. И коровы с шумом следуют дальше.

Новая остановка. Происходит нечто несусветное. Коровы слышат несущийся сверху собачий лай. Они поднимают морды, видимо, ища в небе сумасшедшую собаку. И, не найдя ее, продолжают свой путь.

Тут начинается самое удивительное. Над коровьими головами раздается крик ишака: иа-иа! Может быть, слишком пронзительный, какой-то металлический. Но очень похожий и потому совершенно невероятный. И снова хохот. И снова лай. И какой-то свист. И тарахтенье.

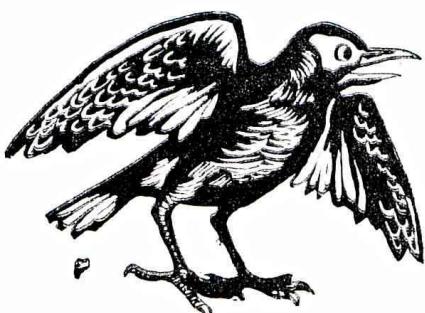
Коровы постояли-постояли и повернули в сторону. Подальше от бредовых звуков, от всей этой чертовщины.

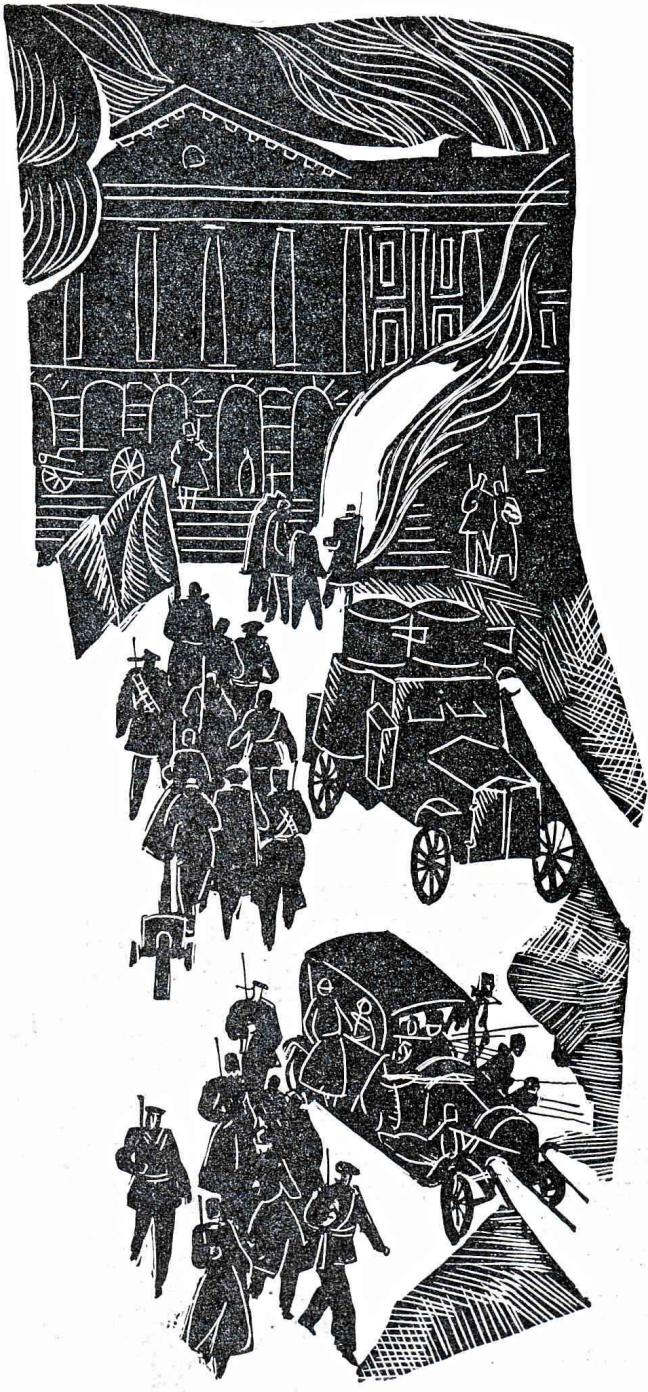
Птица спасла островок.

Наверное, то была майна, черная птичка с золотыми висюльками на голове, похожая на нашего скворца. Она охотно подражает голосам других птиц и животных. Ее можно даже словам научить.

Забавное свойство, милое чудачество, смешная привычка...

Но какой могучей силой оказалось все это в минуту смертельной опасности!

Е. ДРАБКИНА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

ВПЕРЕДИ- СМОЛЬНЫЙ

Когда бурной весной 1917 года Елизавета Яковлевна Драбкина вступила в партию, было ей всего пятнадцать лет. Она работала с Надеждой Константиновной Крупской на Выборгской стороне, участвовала в создании комсомола, потом была секретарем Якова Михайловича Свердлова, а в гражданскую войну воевала как красноармеец — пулеметчик и санитарка.

Елизавета Яковлевна много пишет о революции и революционерах. Недавно ею закончена интересная повесть — о пути нашей партии к октябрьской победе. Повесть называется «Баллада о большевистском подполье». Выпускает ее издательство «Детская литература». Прочтите заключительную главу этой книги.

Февральская революция за-
стала Ленина в Швейцарии, в Цюрихе. Вечером второго марта улицы города огласи-
лись звонкими выкриками мальчишек-
газетчиков: «Экст-
ренный выпуск «Цю-
рихской почты»! Ре-
волюция в России!
Царь Николай отрек-
ся от трона!..»

Некоторые реши-
ли, что это очеред-
ная газетная выдум-
ка. Но Владимир Ильич своим безо-
шибочным политиче-
ским чутьем почув-
ствовал, что дело
серьезно. Он давно
уже предвидел, что
Россия идет к рево-
люции, и сообщение
«Цюрихской почты»
не было для него
неожиданным.

А на следующий
день стало известно
не только об отрече-
нии Николая, но и о
создании буржуазно-
го Временного прави-
тельства. Едва побе-
див, революция ока-
зилась лицом к лицу
с величайшей угрозой.

Место Ленина было
в России!

Но только как же
туда добраться?

Проехать легально
через Францию и Ан-
глию? Безнадежно: правительства этих стран
не скрывали, что не пропустят в Россию про-
тивников войны, и прежде всего Ленина,
большевиков... Ехать нелегально?

Строились самые смелые и фантастиче-
ские планы: Владимир Ильич поедет со швед-
ским паспортом, притворившись глухонемым,
наденет парик, синие очки и станет неузна-
ваем...

Однако такие планы были уязвимы, и от
них пришлось отказаться.

«Надо было видеть Ленина в эти дни! —
восклицает один из членов швейцарской
большевистской колонии. — Сказать, что это
был лев, только что схваченный и посажен-
ный в клетку, или сравнить его с орлом, ко-
торому только что обрезали крылья, — все
это было бы бледно... Вся его гигантская во-
ля в это время была сконцентрирована во-
круг одной мысли: поехать!»

Владимир Ильич Ленин (на снимке он в центре) с группой товарищей-эмигрантов
в Стокгольме по пути из Швейцарии в Россию.

И все, кто тогда с ним встречался, разговаривал, чувствовали, что все преграды будут им преодолены и он будет в ближайшее время в России. Если понадобится «полететь на крыльях», он полетит».

После множества попыток и раздумий выяснилось, что выход только один: ехать через Германию.

С помощью швейцарского социалиста Платтена удалось договориться, что немецкое правительство предоставит тем, кого не пропускают в Россию Англия и Франция, ва-

Вот в таком платочек, переодетая работницей, Надежда Константиновна Крупская летом 1917 года перебиралась через финляндскую границу.

гон, который проедет через Германию. Никто из ехавших в нем не выходил на станциях, и это потом послужило основанием для вражеской клеветы, будто Ленин приехал в Россию в «запломбированном вагоне».

Всю дорогу Владимир Ильич сосредоточенно думал. С утра до поздней ночи ходил взад и вперед по вагону.

Наконец Германия осталась позади. Дальше были Швеция, Финляндия.

В Швецию добрались пароходом, а оттуда на санях — в Финляндию.

Меньше десяти лет назад Владимир Ильич совершил этот же путь в обратном порядке.

Тогда революция потерпела поражение, теперь она одержала победу.

Но это было только начало борьбы. От первого этапа революции, отдавшего власть буржуазии, предстоял переход ко второму этапу, который должен был передать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Первое соприкосновение Владимира Ильинча с русской революцией произошло за несколько часов до его приезда в Петроград.

В поезде с ним ехало много солдат и бледный поручик, сторонник продолжения войны «до победы». Владимир Ильинч подсели к нему и заговорил, защищая свою точку зрения. А в вагон мало-момалу набирались солдаты.

«Скоро набился полный вагон, — вспоминает Надежда Константиновна. — Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорил против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица».

В Белоострове, на русской границе, приехавших встретила Мария Ильинична Ульянова и несколько близких товарищей. Владимир Ильинч спрашивал у них, не арестуют ли всех по приезде. Товарищи в ответ улыбались, явно готовя его к приятной неожиданности.

И вот в темноте проплыли заводские трубы Выборгской стороны.

Когда Владимир Ильинч вышел на привокзальную площадь, вся она была запружена народом. Слышалось пение «Марсельезы» и «Интернационала». В небе пробегали лучи прожекторов.

Посреди площади стоял броневик. Владимир Ильинч поднялся на него и произнес речь, обращенную к народу. В ней он приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, которые не только освободили Россию от царя, но и положили начало революции в мировом масштабе. Указав, что рабочие всего мира с надеждой смотрят на смелые шаги русских рабочих, он закончил свою речь таким призывом:

— Да здравствует социалистическая революция!

Слова его были покрыты возгласами «Ура!» и громомapplодисментов. Броневик двинулся по направлению к особняку балерины Кшесинской, где помещался тогда Центральный и Петроградский Комитеты большевистской партии.

Толпа пошла следом, и митинг продолжался на площади перед особняком.

Случилось так, что оба главных штабных пункта большевистской партии — и Центральный Комитет и редакция «Правды» — помещались в самом центре буржуазных кварталов: ЦК — у въезда на Каменноостровский проспект, редакция «Правды» — на набережной реки Мойки, недалеку от Невского.

С Широкой улицы, где жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна, к дому Кшесинской можно было пройти боковыми улицами Петроградской стороны, но так или иначе надо было пересечь Каменноостровский. А в «Правду» нельзя было попасть, не услышав шума тогдашнего Невского с разномастной, непрерывно митингующей толпой, с юркими биржевиками, мечущимися из кафе в кафе («Продаю — покупаю!», «Даю франки — беру доллары!»), дамами в мехах и шелках, великосветскими хлыщами — белые гетры, монокли, брюки цвета сливочного мороженого, — казачьими полусотнями, проезжавшими небыстрой рысью посередине мостовой, — пики у стремени, винтовки через спину, деревянные лица, деревянные усы, деревянные глаза.

Но порой на Невском появлялись иные люди: не в шляпах, а в кепках, не в лаковых ботинках, а в рваных сапогах, испещренных дырочками от брызг расплавленного металла. На женщинах были бумажные платочки,

ситцевые юбки, нитяные чулки, кофты на выпуск, козловые башмаки с ушками. Эти люди мерно и неудержимо двигались вперед, над их головами вспыхивали алые знамена с надписями: «Долой войну!», «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!».

И тогда казаки поворачивали свои деревянные лица и снимали висевшие за спиной винтовки. Раздавались выстрелы. Воспетую поэтами торцовую мостовую заливалась кровь.

Река Мойка вяло течет между гранитными берегами. Лишь когда солнце стоит высоко, поверхность воды отливает серебром. В остальное время вода кажется черной и недвижной.

В доме № 32 по набережной Мойки прежде помещалась монархическая газетка «Сельский вестник». 4 марта 1917 года туда явился старый правдист Константин Степанович Еремеев, которого весь рабочий Питер звал ласковым именем «дядя Костя». С ним был отряд вооруженных рабочих и солдат. Еремеев прогнал юнкеров, охранявших «Вестник», и занял помещение с типографией для «Правды». В ту же ночь был отпечатан стотысячным тиражом первый после революции номер рабочей газеты.

Тотчас по приезде в Россию Владимир Ильич Ленин возглавил работу «Правды». Он подымался в редакцию по каменной лестнице, заходил в постоянно полную народа комнату, в которой помещался секретариат. В комнате поменьше он обсуждал с товарищами вопросы, встававшие перед партией и ее газетой. Иногда он уединялся, чтобы поработать или поговорить с посетителем в совсем крохотной комнатушке сбоку.

Обычно Ленин работал здесь с обеда и до поздна. Заражал всех своей энергией, шутил в трудные минуты. Присаживался к столу и среди шума и разговоров писал страницу за страницей быстрым почерком с наклонными, словно летящими буквами. После того как все расходились, оставался еще в редакции и подолгу шагал из угла в угол. Подходил к раскрытому окну. Всматривался в призрачный сумрак белой ночи.

Домой он возвращался пешком. Он вообще тогда по большей части ходил пешком: в переполненные трамваи сесть было почти невозможно, а извозчики были ему не по карману. Появился было в редакции «Правды» допотопный черный автомобиль, который за его характер называли то «ишаком», то «трещоткой», то «вонючкой». Появился — и быстро развалился, не выдержав чрезмерной нагрузки. Зато когда надо было выступать на

заводах или в воинских частях, оттуда присыпали грузовики — великолепные грузовики революции со стоящими в кузове и на подножках вооруженными рабочими и солдатами, сжимавшими в побелевших от усилия кулаках винтовки без штыков.

Разгул травли большевиков был еще впереди, однако уже в апреле контрреволюционные демонстранты носили плакаты с надписями «Долой Ленина!». Из их рядов уже доносились призывы потребовать от Временного правительства указа о немедленном аресте Ленина и о запрещении большевистской партии.

Товарищи старались не отпускать Владимира Ильича одного. Он ворчал, но покорялся. Всю дорогу до дома шел молча — то ли потому, что уж слишком уставал, то ли хотелось ему на ходу подумать.

Владимир Павлович Милютин, который не раз провожал Владимира Ильича на Петроградскую сторону, рассказывал, что они обычно сразу сворачивали направо и шли через Марсовое поле к Троицкому (ныне Кировскому) мосту через Неву. Но как-то Владимир Ильич не свернул, а пошел вдоль набережной Мойки, и, поравнявшись с домом № 12, замедлил шаг и негромко спросил:

— Вы знаете, что в этом доме умер убитый Пушкин?

Вследствие своей неточности («умер убитый») эти слова особенно запомнились Милютину. Впрочем, такая неточность как бы подчеркивала их трагическое звучание.

Выходя из редакции «Правды», Владимир Ильич и его спутники видели прикорнувших на ступенях людей. Это были посланцы из рабочих районов, пришедшие пораньше, чтобы сразу же после выхода газеты отвезти ее на фабрики и заводы.

Чем больше усиливалась в городе травля большевиков, тем все более трудной и опасной становилась работа этих товарищей. Один из них, Василий Митрофанович Шмарцев, вспоминает:

«Получал я приблизительно 250—300 экземпляров газеты. Запихивал их в вещевой мешок и отвозил трамваев на Выборгскую сторону, на завод «Промет». Основная мысль, которая шевелилась у меня в голове, — это как проскочить благополучно через центр, ибо изо дня в день происходили случаи провокаций и убийств, а «виновных нет». Убивали — и сразу рассыпались в стороны. Особенно часто это бывало на Невском и Литейном. Достаточно припомнить самосуд над Воиновым, которого буквально растерзал на улице контрреволюционный сброд за то, что он распространял «Правду».

Той весной и летом даже в самые поздние часы улицы были многолюдны. Люди собирались кучками, то митинговали, то просто разговаривали — и со знакомыми и с незнакомыми. Всякое можно было услышать: и частушки, которыми сыпал разбитной мастеровой про царя Николашку, жену его Сашку, как они по воду ходили, щи из крови варили, бедных не любили, а богатых дарили. И рассуждения солдата-фронтовика, что хорошо бы посмотреть на Керенского и прочих министров-капиталистов в лаптях, какими-то они будут вояками, если их поставят в окопах по колено в воде и грязи. И пожелание немолодой работницы, чтобы пушки перелить в наперстки. И характеристику Ленина, как человека, который «весь народ наскрость знает». Ну, конечно, и злобное шипение насчет «немецких шпионов-большевиков» и «пломбированного вагона».

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна рассказывает:

Юнкера в вестибюле разгромленного ими Центрального Комитета большевиков. 6 июля 1917 года.

Расстрел июльской демонстрации на Невском проспекте.

«Раз я с Широкой до особняка Кшесинской три часа шла, так занятны были эти уличные митингования. Против нашего дома был какой-то двор, вот откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидят солдат, около него постоянно кто-нибудь — кухарки, горничные соседских домов, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... в три часа: Милюков, большевики... в пять часов — все то же, политика, митингование. Белые ночи питерские теперь у меня всегда связываются в воспоминании с этими ночных митингованиями...»

Но были и иные ночи, те ночи, когда словно бьют часы истории. Были мгновения, которые навеки останутся в памяти человечества. Подобные тому, когда на I съезде Советов в ответ на слова министра Временного правительства меньшевика Церетели, что в России нет партии, которая взяла бы на себя всю полноту государственной власти, из глубины зала прозвучал сильный, страстный голос Ленина:

— Есть!.. Есть такая партия!

Да, такая партия была! Она жила, боро-

лась, действовала, сплачивала вокруг себя массы, готовила их к последнему, решающему штурму.

Это была партия большевиков.

Весь июнь семнадцатого года был насыщен событиями. Владимир Ильич продолжал работать с нечеловеческим напряжением. В «Правде» ежедневно появлялось по одной, по две, по три его статьи.

К концу месяца он так переутомился, что потерял сон. Решил поехать отдохнуть за город. Но его отдых был оборван событиями, которые вошли в историю под названием «июльских дней».

3 — 4 июля, в момент, когда перевес сил находился еще на стороне контрреволюции, массы питерских рабочих, солдат и матросов, возмущенные политикой Временного правительства, вышли на улицы и потребовали немедленно передать власть Советам.

Многотысячные колонны двигались к Таврическому дворцу. На углу Невского и Литейного по демонстрантам был открыт огонь. Завязалась перестрелка...

Ранним утром 4 июля Владимир Ильич Ленин приехал в Петроград. Отправился в Центральный Комитет партии. Взял на себя непосредственное руководство в этот трудный, сложнейший момент. По просьбе демонстрантов выступил с балкона с речью, в которой призвал рабочих, солдат и матросов к выдержке, стойкости, бдительности.

В ночь с 4 на 5 июля он руководил заседанием членов ЦК, на котором было принято решение прекратить демонстрацию и призвать ее участников мирно разойтись по заводам, казармам, кораблям. С этого заседания он отправился в «Правду», оттуда — домой.

Он только-только ушел, как в редакцию «Правды» ворвались юнкера. искали Ленина. Ломали шкафы. Рубили топорами столы. Били стекла. Рвали бумаги.

Перед домом собралась орущая, гоготущая толпа. Какой-то детина стал кидать из выбитого окна в реку скомканную в шары бумагу, обломки мебели и дерева.

Утром 5 июля к Владимиру Ильичу прибежал взъяренный Яков

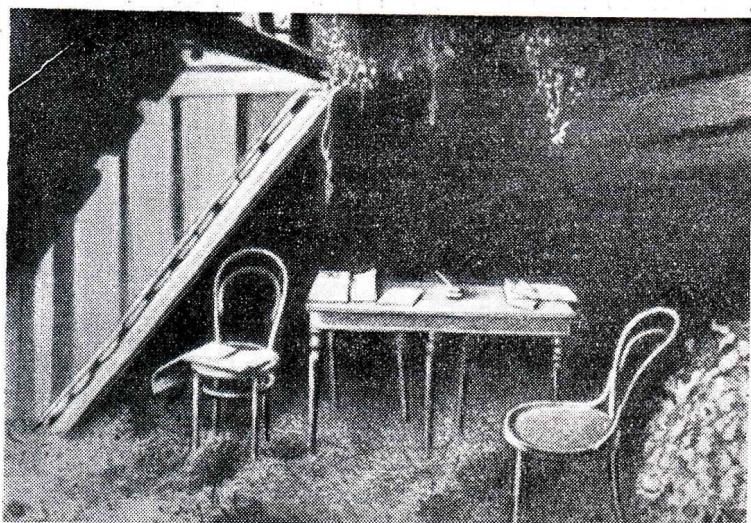
Михайлович Свердлов. Рассказал, что редакция «Правды» разгромлена, за Лениным идет охота, с минуты на минуту за ним могут явиться, надо немедленно уходить. Куда? Выбор пал на квартиру жившей неподалеку Марии Леонтьевны Сулимовой.

Там Владимир Ильич провел около суток. Почти не спал, все время работал. Написал пять статей, которые были опубликованы в вышедшей вместо «Правды» большевистской газете «Листок «Правды».

В этот же день в черносотенной газетке «Живое слово» появилась провокаторская фальшивка: Ленина обвиняли в государственной измене и шпионаже. Клевета была подхвачена всеми буржуазными газетами, которые вышли с аршинными заголовками, кричавшими о «большевистском заговоре», о «тысячеголовой и тысячерукой большевистской гидре». На первых страницах были портреты Ленина, напечатанные специально для того, чтобы помочь убийцам напасть на его след.

В ночь с 5 на 6 июля был разгромлен дом Кшесинской. В руки погромщиков попало много документов. По этим документам было легко установить, что Сулимова, у которой скрывался Владимир Ильич, является активным работником большевистской военной организации. Оставаться в ее доме было опасно.

Утром 6-го Владимир Ильич перебрался на Выборгскую сторону, на квартиру рабочего Василия Николаевича Каюрова. Оттуда пошел на совещание Исполнительной комиссии Петербургского комитета партии, кото-

На этом чердаке, в доме рабочего Н. А. Емельянова, на станции Разлив скрывался от Временного правительства Владимир Ильич Ленин.

Этот снимок сделан в первую годовщину революции 7 ноября 1918 года на Красной площади у Кремлевской стены. Здесь вы видите Владимира Ильича Ленина, Подвойского, Свердлова. А рядом со Свердловым совсем еще юная тогда Елизавета Яковлевна Драбкина, автор этой повести.

ное происходило в сторожке завода «Русский Рено».

Вечером там же, на Выборгской стороне, в квартире Маргариты Васильевны Фофановой, Владимир Ильич провел совещание членов Центрального Комитета партии. Около одиннадцати вечера за ним явился товарищ Ашkenази, чтобы отвезти на квартиру Николая Гурьевича Полетаева. Владимир Ильич сел в автомобиль, который удалось получить на заводе «Русский Рено».

На Выборгскую сторону уже были стянуты казаки. Улицы казались вымершими. Мосты через Неву, за исключением Дворцо-

на, что Ленин скрывается в Петрограде и все происходящее здесь, на мосту, имеет лишь одну цель: поймать Ленина. Несколько большевиков уже арестовано, Ленина среди них нет, но раньше или позже он будет схвачен.

Было тяжко, душно. По небу ползли низкие темные тучи. Время от времени по ним пробегали короткие голубые отсветы далекой грозы. Под аркой Главного штаба чернели силуэты тяжелых броневиков. На Дворцовой площади, где были сосредоточены правительственные войска, горели костры, подходы к ней были перекрыты караулами. Все напоминало военный лагерь перед боем.

вого, разведены. Чтобы замести следы на случай, если ведется слежка, машина долго кружила по незнакомым улицам. Она наткнулась на патруль, но он ее не задержал, так как у Ашkenази имелся пропуск. Владимир Ильич сидел молча, за все время не произнес ни слова.

Все подъезды к Дворцовому мосту были запружены автомобилями, экипажами, пешеходами. Вооруженные заставы по несколько раз проверяли пропуска и документы. Иногда патрульные открывали дверцы машин и заглядывали внутрь, зажигая карманные электрические фонарики.

Машины двигались крайне медленно. Кругом шли разговоры о том, что в Петроград часы два назад приехал с фронта Керенский. Он произнес перед войсками речь, в которой призывал «в два счета» покончить с большевиками. Говорили, что Временное правительство отдало приказ об аресте Ленини-

Машина медленно ехала по Невскому. Какое счастье, что все обошлось благополучно!

Владимир Ильич провел ночь на квартире Полетаева, а наутро прочитал в газетах сообщение, что Временное правительство издало приказ о его аресте.

Первым душевным порывом Владимира Ильича было добиться открытого суда, явиться на суд и разоблачить клевету, превратив суд над большевиками в суд над контрреволюционным Временным правительством.

Однако ближайшие соратники Ленина решительно запротестовали против такого плана, считая, что отдать себя в руки властей значило бы отдать себя отъявленным контрреволюционерам, которые не остановятся ни перед какой самой грязной провокацией, чтобы убить Ленина.

— Мы не выдадим Ленина, — сказал Феликс Эдмундович Дзержинский.

— Не отдадим наших вождей на суд контрреволюционной банды! — поддержал Дзержинского Николай Алексеевич Скрыпников.

— Необходимо, чтобы Ленин, и живя в подполье, давал нам свои указания, — говорил Артемий Григорьевич Шлихтер. — С презрением отбрасывая клевету, мы говорим: не отдадим Ленина, — говорим не как обыватели, боясь репрессий, а как представители пролетариата. — не отдадим потому, что Ленин нам нужен...

Замысел контрреволюции был сорван! Вождь большевистской партии ушел в глубокое подполье. Приют ему предоставил один из старейших рабочих-большевиков,

член боевой организации 1905 года Николай Александрович Емельянов.

Николай Александрович знал, что если врагам удастся напасть на след Ленина, то вместе с ним погибнет и он, Емельянов, погибнет и вся его дружная семья. Но, не задумываясь ни на секунду, он поселил Ленина на чердаке своего домика в Разливе, потом в шалаше на берегу озера.

Шалаш этот, как рассказывал Емельянов, был устроен из веток; рядом на кольях висел котелок, грелся чай. Но по ночам невыносимо надоедливые комары не давали покоя, как от них ни прячься.

Весь день Ленин сидел в своем излюбленном месте, за большой ивой, и писал статью за статьей.

Лес. Кругом темнота, тишина. Они сидят у костра, греют чай, варят картошку. Вдруг Ленин задает вопрос, над которым, видимо, не перестает думать:

— Возьмем ли мы власть? А если возьмем, то сумеем ли ее удержать? — И, взвешивая все «за» и «против», отвечает: — Да, возьмем! Да, удержим!

Там, в шалаше, неподалеку от Разлива, Ленин прожил ровно месяц. Месяц каждую секунду его жизни грозила смертельная опасность, но он, презирая опасность, работал над книгой «Государство и революция», в которой решал не покидавший его ни на миг вопрос: что должен делать рабочий класс, чтобы победить и удержать государственную власть?

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

В КОМНАТЕ ПОГИБШЕГО БРАТА

АДАЛЛО

Земля уснула. Полная луна
на стол широкий светит из окна.
Когда-то, много лет тому назад,
здесь по ночам любил работать брат.

С тех пор не раз цвела весна в саду,
но, словно в отдаленном том году,
я слышу голос брата, слышу смех...
Он всех живее, веселее всех!

Безмолвна полночь. Полная луна
на стол рабочий светит из окна.
Не зажигая света, скав виски,
гляджу на пожелтевшие листки.

Стихи, статьи. Зачеркнуты слова.
Вот женщина... Она еще жива?
Поблекло фото, где они вдвоем...
Скажи мне: кто ты? Помнишь ли о нем?

Плывет над миром полная луна.
Окно раскрою, встану у окна.
Как в прошлое, минувшее давно,
я выгляну в раскрытое окно.

Передо мной во весь высокий рост
мой старший брат стоит на фоне звезд.
Он всех живее, веселее всех!
Я слышу голос брата, слышу смех...

Перевел с аварского Герман ПЛИСЕЦКИЙ

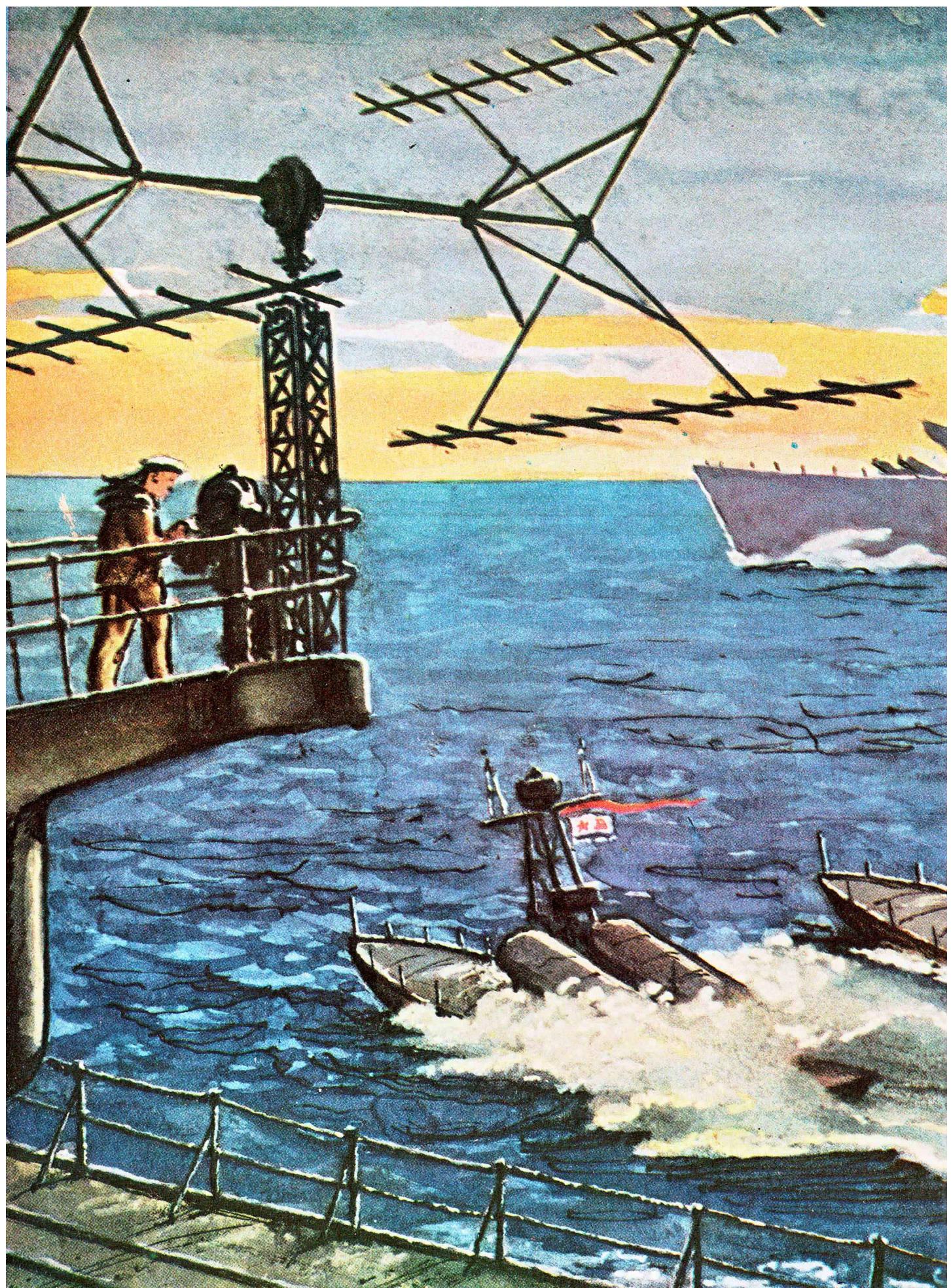

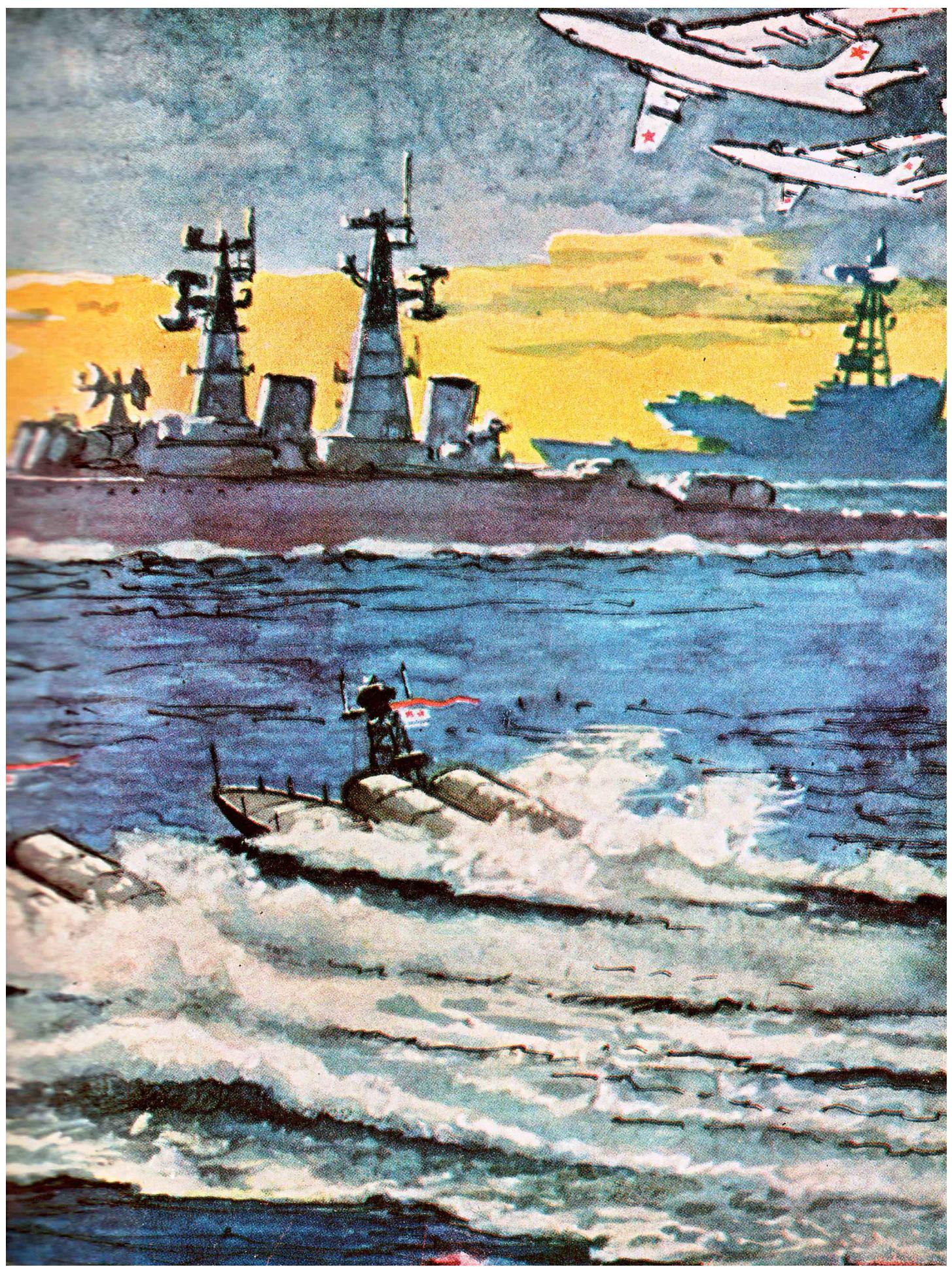
ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА.
Миша Хазанов, 14 лет.

ЮНЫЙ РАЗВЕДЧИК.
Вова Девягин, 12 лет.

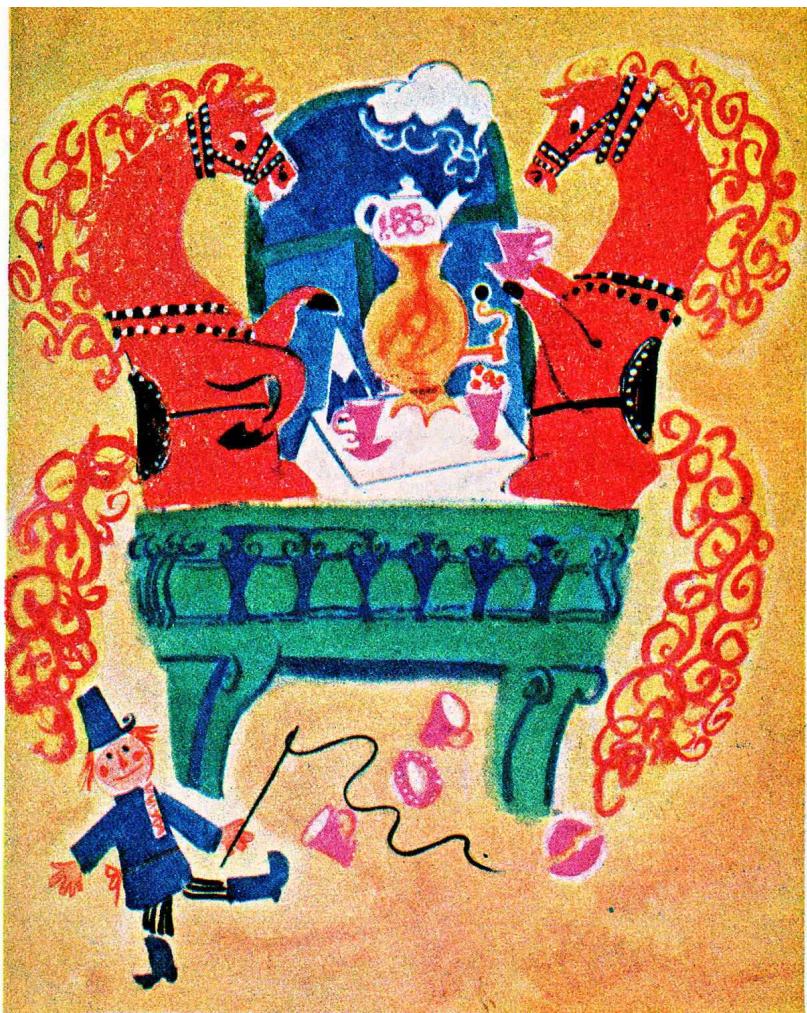
Миша и Вова занимаются
в изостудии Московского
Дворца пионеров.

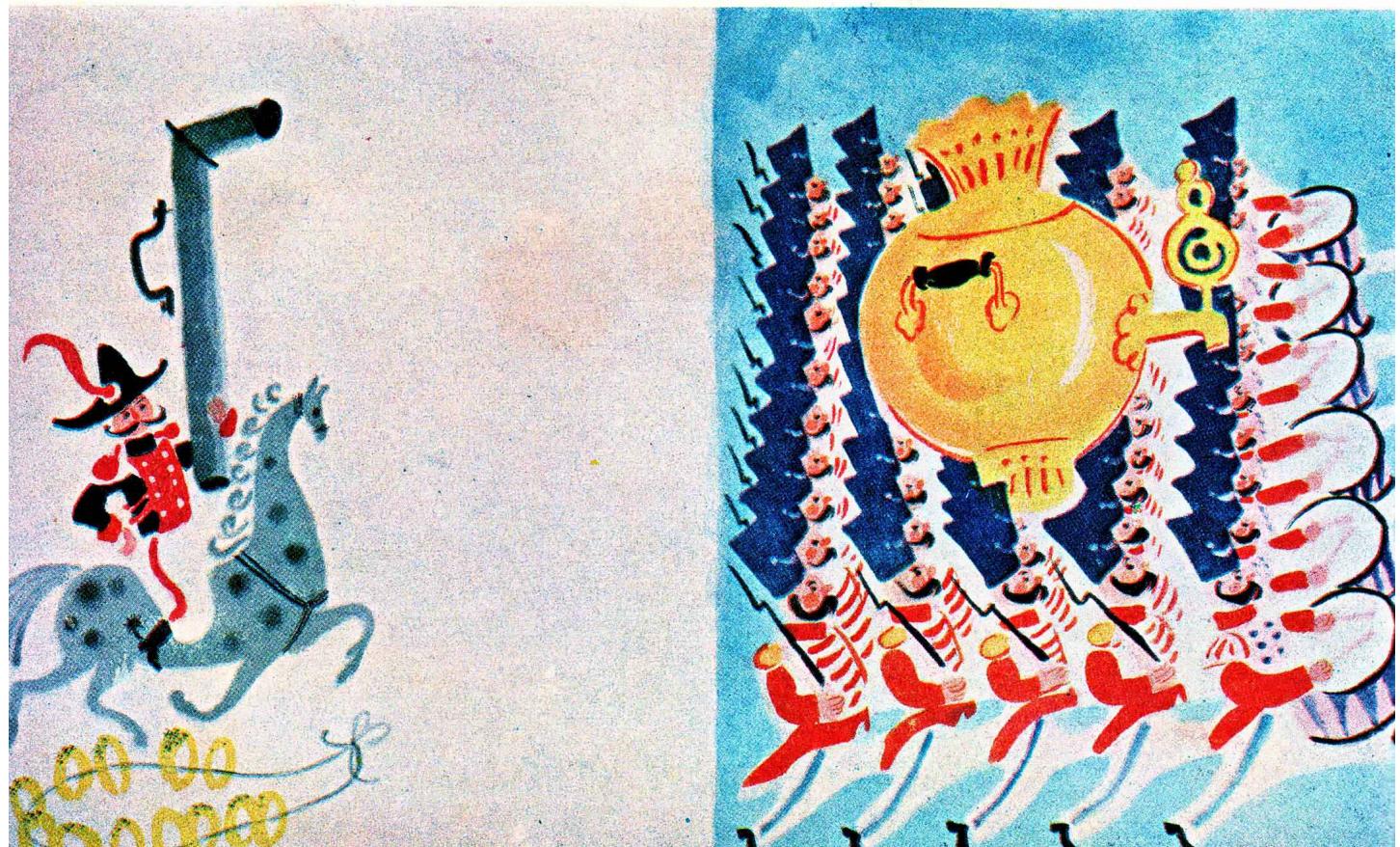

СЧИТАЛКИ.

Аты-баты,
Шли солдаты.
Аты-баты,
На базар.
Аты-баты,
Что купили?
Аты-баты,
Самовар.
Аты-баты,
Сколько стоит?
Аты-баты,
Три рубля!
Аты-баты,
Он какой?
Аты-баты,
Золотой.

Рисунки А. Елисеева и
М. Скобелева.

Приезжайте в наш зоопарк

Если вы приедете к нам в Туркмению, мы зовем вас к себе в гости. Приезжайте, не пожалеете. Мы покажем вам наш зоопарк. Конечно, ребят из больших городов не очень-то удивишь. «Подумаешь,— скажут они,— не видели нашего зоопарка. У нас в зоопарке есть слон, и жирафы, и львы, и зебры, и обезьяны. А у вас? Может быть, и у вас есть слон, или тигр, или обезьяны?»

«Нет,— ответим мы,— у нас нет слона и обезьян тоже нет, но вы все-таки приезжайте. Приезжайте, не пожалеете, потому что нашего зоопарка вы не видели, и потому что, мы думаем, он вам понравится».

Однажды, дело было весной, пошли наши ребята в горы. Шли берегом речки, перебрались через поток и с горами, шумом и гамом стали взбираться по тропке в горы. Вы знаете, как здорово весной, когда солнце не жжет, а только ласкает, а ветерок приносит запахи влаги.

И вот шли наши ребята, и пели, и дурачились, и веселились, и вдруг Анбабек, быстроногая девчонка, которая умчалась от всех далеко вперед, закричала:

— Ой, ребята, что я вижу!

— Ну что ты там видишь, излагай! — крикнул ей любопытный Азербек, любивший притворяться невозмутимым.

— Я вижу две симпатичные мордашки, которые смотрят на меня во все глаза. Я вижу двух маленьких джейранчиков! Они такие хорошенечки!

И когда наши ребята поднялись повыше, они тоже увидели: два крошечных козленка на тоненьких ножках вприскну мчаться к нашей Анбабек, которая протянула к ним руки и манил, зовет их к себе.

— Осторожно! — предупредил Ахмет. — Осторожно, рядом может оказаться взрослый джейран, он бросится на тебя.

А маленькие джейранчики ткнулись в загорелые коленки девочки Анбабек и жалобно блеяли, словно плакали.

Завидя наших ребят, они в страхе взметнулись вверх и бросились в сторону. Анбабек замахала на наших ребят руками, чтобы не подходили близко.

— Не видите, — зашипела она сердито, — не видите, у них нет мамы! Не видите, остались одни!

Наши ребята, конечно, видели. Они отлично поняли, что два крошечных джейранчика потеряли свою маму и теперь всюду ищут ее и плачут. Они остались одни на всем белом свете, и какие-нибудь злые шакалы или бессердечные люди могут погубить их. И наши ребята решили взять их с собой.

Теперь джейраны стали большими, но по-прежнему живут в нашем школьном дворе. Они совсем не боятся людей и преданно любят Анбабек.

Вместе с ними живут у нас и зайцы, и олени, и лисята, и волчонок. Некоторые давно, а некоторые недавно. Но все они попали к нам точно так же, как и джейраны. Все они были найдены в наших местах. И все нуждались в человеческой помощи; зайчата, у которых браконьеры подстрелили маму, лисята, отнятые у собак, раненый волчонок, подбитый олененок. Всем им у нас хорошо.

Про нашу необычную звериную семью знают в округе. И многие приходят к нам посмотреть на наших зверей.

И мы думаем, что, побывав у нас в гостях, люди взрослые и маленькие никогда в своей жизни не сделают зла маленьким зверятам. Не сделают сами и остановят других.

Вот какой у нас зоопарк в нашей школе! Мы думаем, что он вам понравится. Вот почему мы зовем вас к нам в гости...

Джума Акмамедов

ПИСЬМА ПО АДРЕСУ: «ВСЕМ»!

Письмо из штаба

Наш город Смоленск не обошла ни одна большая война: всегда он был защитой Москвы.

Недалеко от Смоленска есть станция Красный Бор. Сойдешь с платформы, а кругом грибы и ягоды. Но еще натыкаешься иногда в лесу на след войны.

В одном месте, среди ельника, стоит каменное квадратное возвышение. Кто такое выдумал? Оказывается, среди войны решили фашисты поставить себе памятник. Пьедестал-то соорудили, а больше ничего не успели. Выкурили их наши партизаны, вышибла наша армия. Заросли елками серые отесанные глыбы.

Однажды мы шли за земляникой, а нашли землянку. Она сильно осела, некоторые бревна обвалились, но залезть в нее еще можно было. Решили мы навести в ней порядок и обосноваться. Устроить свой штаб! Нас было трое, и мы решили больше никому не говорить о землянке.

Три дня мы устраивались там. А на четвертый день забеспокоились родители. Мы с Мишкой уже сидели в землянке, когда пришел Славка с отцом. Славин отец всунул к нам голову и сказал:

— Ну, здравствуйте, пещерные жители!

— Какие же мы пещерные? Это же землянка!

— Знаю, что землянка. Да живете вы в ней, как разбойники в пещере, втроем.

У нас было другое настроение: нам не понравилось слово «разбойники». Но мы видели, что отцу Славки очень понравилась наша землянка. На следующий день он успокоил родителей, позвал всех мальчишек, оставшихся во дворе,— и мы поехали в Красный Бор.

Весь день, разбившись на два отряда, мы играли в военную игру. И у каждого отряда по очереди штабом была наша землянка. А вечером разожгли костер, пели военные песни, слушали военные рассказы Славкиного отца. Всем было так хорошо, так интересно, что мне захотелось об этом рассказать.

Саша Медведков.
Город Смоленск.

Первая охота

У меня, у Афона Щербакова, отец — рыбак и охотник. Рыбу он ловит летом в реке Большой Анюй, на которой стоит наш поселок Анюйск, а зимой он охотится.

Я еще маленьким захотел жить так, как отец. Рыбу я ловил, а на охоту не ходил: не брали. И было мне завидно, когда отец собирался зимой в лес.

Мне он говорил: «Расти, расти!» — а я ему говорил: «Возьми! А так я и не вырасту, если не будешь брать».

Однажды отец решил меня взять.

Утром мы поели оленевого мяса, а с собой запасли вяленой рыбы; надел я конайты — штаны такие, в которых не замерзнешь; надел я кухлянку — куртку из оленых шкур. Вышли мы из дома, надели широкие лыжи, взяли собаку нашу Дюномари и ушли искать белок.

Забрались на гору, где росли деревья. Дюномари вскинула морду, залаяла, и мы увидели беличье гнездо. Белка блестела глазами на собаку, а нас не видела. Тут отец выстрелил белке в глаз. Так стреляют, чтобы не загубить мех.

Мы добыли пять белок. А потом отоптали место, и отец от кремня зажег костер. Мы наелись и развеселились у костра. Когда отец весел, он поет песни. Пел он про оленей.

И стали мы с отцом вместе ходить на охоту.

А как-то раз захотели ребята из нашей школы идти в лес. Было нас тридцать, и взрослые с нами, но я быстрее всех мог развести на снегу костер, и найти нужную дорогу, и разгадать след. Все говорили: «Афоня умеет ходить по лесу». А я радовался и думал: что бы я умел без отца и кем бы я был?

Афоня Щербаков.
Магаданская обл., пос. Анюйск.

СТОЛ ЗАКАЗОВ

В нашем почтамте открывается стол заказов! Если вы захотите узнать украинскую песню, молдавский танец, якутскую игру, пишите. Думаем, что ребята с Украины, из Молдавии, из Якутии откликнутся на вашу просьбу.

А сейчас хотите узнать две игры? Смотрите, как просто в них играть.

Вот чукотская национальная игра. Бегутся ребята друг за друга и цепочкой убегают от водящего, а он старается прикоснуться к голове любого из цепочки. Кого он «осалит», тот идет водить.

А вот якутская игра. Становятся ребята тройками на одной линии. Каждый имеет свое прозвище — лучше всего называться каким-нибудь зверем или птицей — Олень, Волк, Чайка, Ворон.

Напротив троек стоит водящий. Он выкрикивает кого-нибудь одного из любой тройки. Он кричит, например: «Волк», — и Волк должен скорей бежать к нему.

Но и двое других должны не отставать от своего друга. Ведь тот, кто отстанет, сам будет водить. А водивший займет его место.

ВОЛШЕБНЫЙ КОРОБОК

Михаил САДОВСКИЙ

Повсюду,
Где хожу я,
Со мною на ремне
Весь мир,
Большой и шумный,
На радиоволне.

Он чудом уместился
В волшебный коробок,
Он ловко примостился
Ко мне на правый бок.

Меняю батарейку,
Чтоб миру не молчать.
Я так могу,
Поверьте,
Хоть двести лет
Шагать!

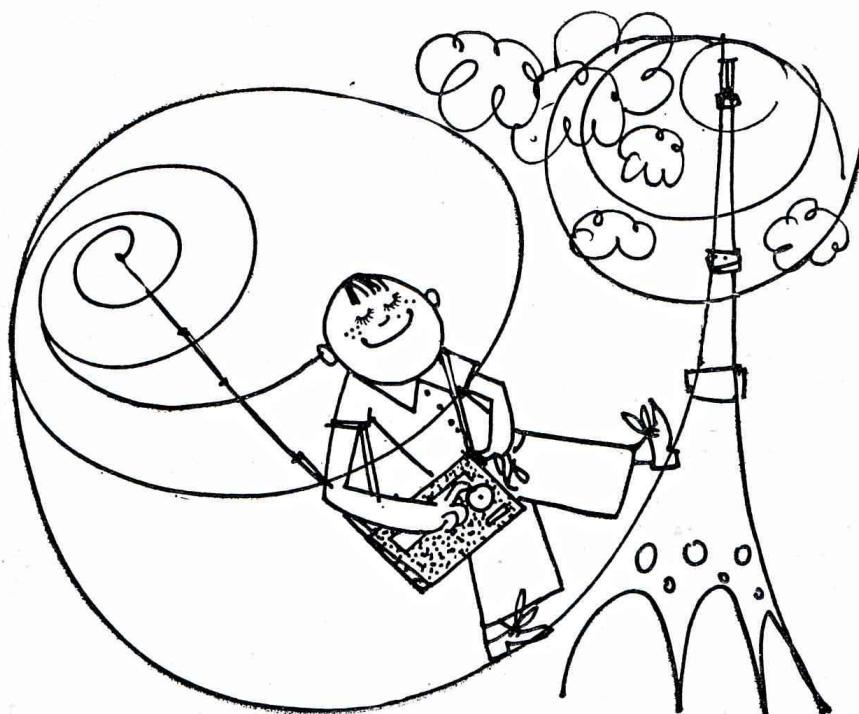

Рисунок В. ТОГОБИЦКОГО.

Памяти брата

Борис СЛУЦКИЙ

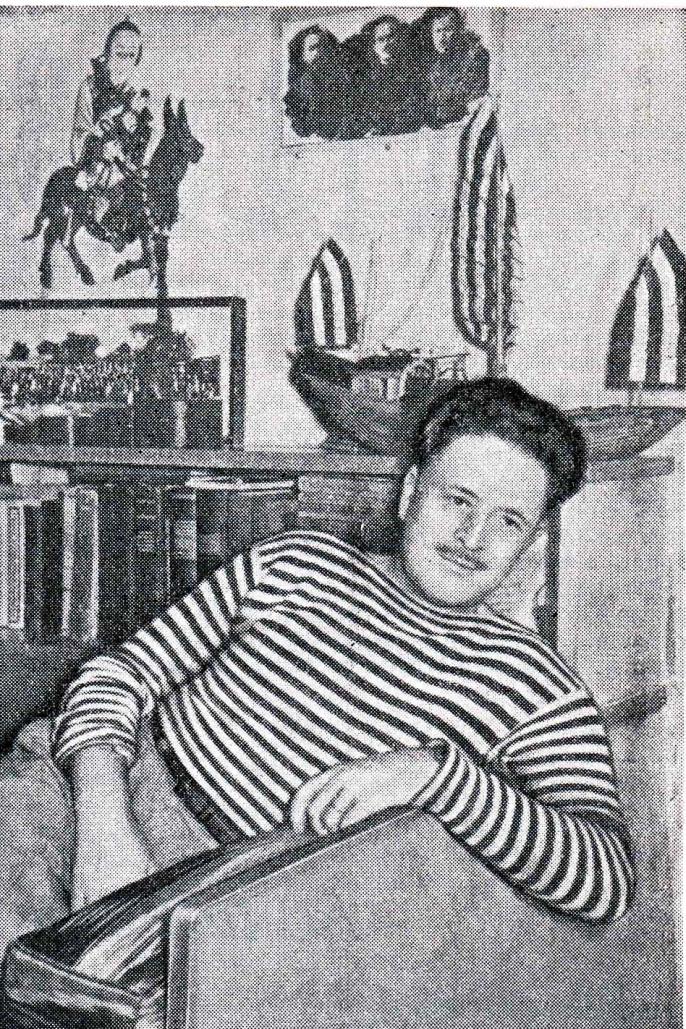
Когда Хикмет звонил по телефону, он всегда начинал разговор словами: «Здравствуй, брат!». Дальше шло: «Как дела, какие новости?» — или он сам рассказывал про свои дела, про свои новости, или даже просил: «Переведи, брат, поскорее поэму для «Молодой гвардии». Деньги очень нужны». Но сначала обязательно были слова: «Здравствуй, брат!»

Хикмет умер, и почти все, кто о нем вспоминает, начинают свои воспоминания рассказом о том, что Хикмет всегда называл его «братьем». Каждый из нас порознь гордился тем, что человек, написавший такие стихи и проживший такую жизнь, обращается к нему, именно к нему, как к брату. А потом, после смерти Назыма, оказалось, что он называл братьями всех советских людей и, более того, всех хороших людей на земле.

Может быть, в Турции так принято? Нет, в Турции называют человека по имени или же титулуют его господином. А коммунисты говорят друг другу «товарищ». Дело в том, что Назым говорил именно то, что он думал. А он думал, что все хорошие люди — братья и должны обращаться друг с другом по-братьески.

Помните, как писал Блок в поэме «Скифы» в грозные октябрьские дни: «Товарищи! Мы станем — братья!» Вот именно это чувство, то, что люди не должны быть только товарищами по работе, по борьбе, а должны стать братьями, было всю жизнь у Назыма.

А к советским людям у него было совершенно особое отношение. Еще в 1920 году восемнадца-

тилетним юношей он порвал со своей богатой и знатной семьей, бросил военно-морское училище, где был курсантом, и уехал в Москву с единственной целью: дойти до Ленина и узнать у него, как сделать так, чтобы революция, разгоравшаяся тогда в Турции, не только сбросила в море иностранных захватчиков, но и утопила вместе с ними своих турецких помещиков и заводчиков.

Назым так и не повидал Ленина живым. Он только постоял в почетном карауле у его гроба.

Но он учился в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, вместе с сотнями других турок, персов, китайцев, индусов, японцев. Он дружил с советскими поэтами. Багрицкий его переводил, а Маяковский выводил его на трибуну и на вопрос Назыма, что читать, говорил добродушно: «Читай, турок, что хочешь. Все равно ничего не поймут!» Назым читал что хотел по-турецки, и все понимали, по крайней мере все горячо аплодировали, может быть, потому, что в турецких стихах Назыма очень часто слышались слова: «Коммунист, большевик, Москва, Советы».

Эти слова звучали в его стихах всю жизнь. Среди поэтов мира, более того, среди людей мира он

был одним из самых убежденных коммунистов, которых я когда-либо встречал. За это много раз шел на смерть, много лет просидел в тюрьмах. За это написал много книг. За это много раз расставался с любимыми людьми и последнюю четверть жизни провел вдали от родины, в изгнании.

Я познакомился с Хикметом в последние годы его жизни, несколько раз с ним подолгу разговаривал и могу засвидетельствовать, что ничего в жизни ему не хотелось больше, чем снова побывать в Турции. Нельзя было сделать ему лучшего подарка, чем принести ему какую-нибудь книгу о Турции. То, что его книги были запрещены на турецкой земле, было для него великим горем. Стоило спросить его о Турции, и он словно загорался. Впрочем, я попытался однажды написать стихотворный портрет Назыма в эти годы:

Словно в детстве — веселый,
словно в юности — добрый.
Словно тачку на каторге и не толкал.
Жизнь танцует пред ним молодой Айседорой,
босоногой плясуньей Айседорой Дункан.
Я немало шатался по белому свету,
но о турках сужу по Назыму Хикмету.
Я других не видал, ни единой души,
но, по-моему, турки — они хороши!
Высоки они, голубоглазы и русы,
и в искусстве у них подходящие вкусы,
Ильича
на студенческих партах прочли,
А в стихе
маяковские ритмы учли.

Только так и судите народ —
по поэту.

Только так и учите язык —
по стихам.

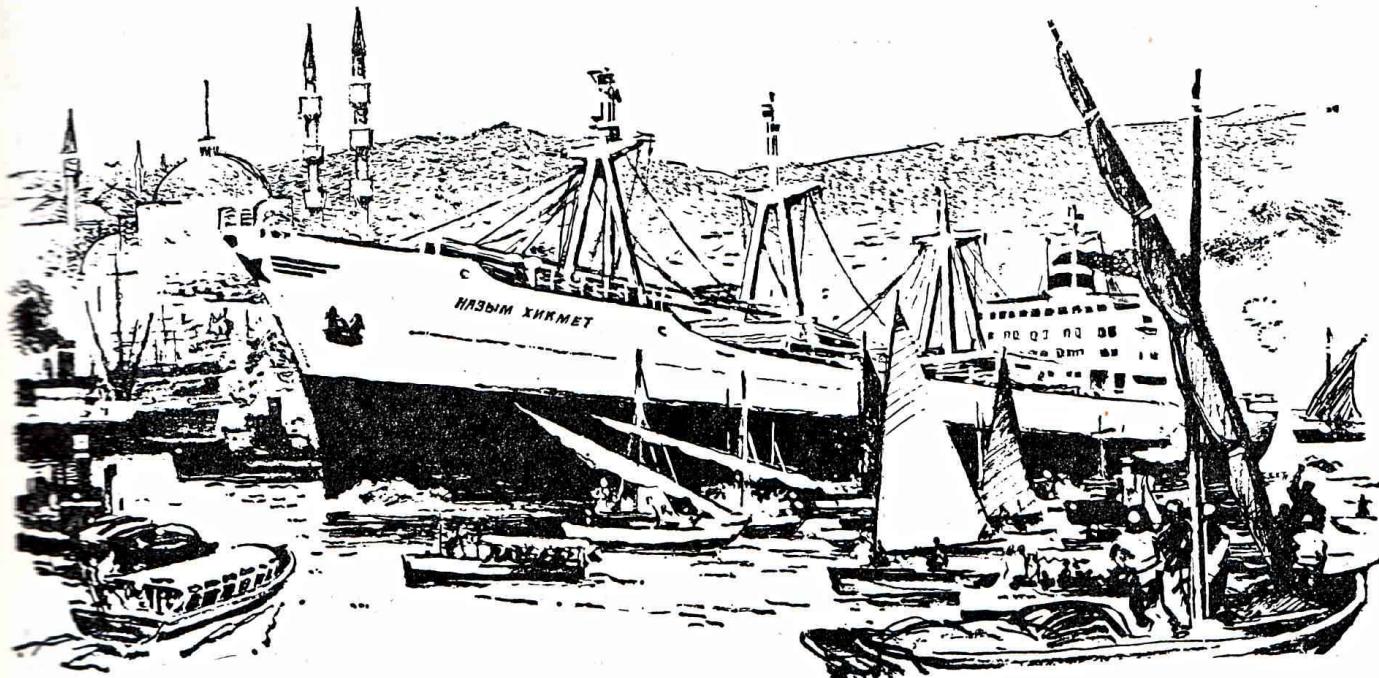
Пожелаем здоровья Назыму Хикмету,
чтобы голос его никогда не стихал.

Сейчас я расскажу, как Назым Хикмет возвратился в Турцию.

Это было уже после его смерти. Тюремы, голодовки, непосильная работа в подполье сделали свое. Однажды утром Назым услышал шорох газет, опускаемых почтальоном в ящик. Он пошел вынуть эти газеты. Всякий его день начинался с внимательнейшего чтения множества газет. Попал и умер на ходу.

Как это принято в Союзе писателей, была образована комиссия по литературному наследству Назыма. Мы быстро договорились о том, как собирать его стихи, как издавать его книги. Однако хотелось почтить поэта чем-то таким же удивительным, каким была вся его жизнь.

Я предложил: «Давайте выстроим самолет «Назым Хикмет». Пусть он летает по всем странам, чтобы люди читали имя нашего друга». Мне возразил Константин Симонов. Он сказал: «Самолеты летают всегда по одному и тому же маршруту. Имя Назыма Хикмета будут читать только носильщики и диспетчеры. Давайте лучше выстроим теплоход «Назым Хикмет» и попросим, чтобы его приписали к Черноморскому пароходству. Пусть теплоход плавает вдоль турецких берегов, чтобы турки видели, как мы чтим память их поэта».

Так и было сделано.

Летом 1965 года югославская верфь «Уляник» в городе Пуле, на берегу Адриатического моря, выстроившая уже теплоходы «Аркадий Гайдар», «Александр Грин», «Дмитрий Гулия», закончила наше судно. Первым рейсом из Пулы в Одессу плыл на «Назыме Хикмете» и я. У меня была задача: чтобы каждый матрос хорошо знал стихи Назыма, хорошо знал человека, имя которого носит его корабль. Каждый вечер, а плавание продолжалось четыре дня, мы собирались с отстоявшими вахту матросами, я читал им стихи и рассказывал про Назыма. Плыли мы через пять морей и в конце третьего дня плавания вошли в турецкие территориальные воды, в пролив Дарданеллы, ведущий в Мраморное море. Шел третий час ночи. Никто из нас не спал, на что были веские причины. Теплоход, как положено, сбавил ход более чем в два раза, и к нему — борт к борту — подошел турецкий катер, в котором сидели пограничники и врачи. Наш штурман спустился по веревочному трапу на палубу катера с судовыми документами. А мы — капитан Брагин, матросы и я — молча ждали его возвращения. Впервые за пятнадцать лет имя Назыма Хикмета открыто прозвучало в Турции. Штурман вскарабкался к нам на борт и рассказал: «Вопросов было три. Все они относились к названию судна. Разговор шел на английском

языке. «Турок?» — спросил меня главный досмотрщик. «Турок», — ответил я. «Поэт?» — спросил он. «Поэт», — ответил я. «Тот, что недавно умер?» «Тот самый», — ответил я». Досмотрщик был совершенно ошеломлен и отпустил штурмана с миром.

Мраморное море на картах очень маленькое, но плыть по нему даже нашему быстроходному кораблю пришлось часов пять, не меньше. В Босфорский пролив мы вошли, когда солнце стояло уже высоко и по воде сновали лодки, катера, пароходы, в том числе прогулочные, с палубами, набитыми туристами и турками, едущими по своим делам с европейского берега на азиатский и наоборот. В море было тесно, как в центре города на гулянье. Корабли проходили рядом с нами, и огромная надпись «Назым Хикмет» была хорошо различима. И тогда нам стали аплодировать. Турки бросались к борту своих кораблей так, что казалось, они немедленно опрокинутся. Они шумели, кричали и аплодировали так, как не аплодировали ни однойбалерине в Большом театре, ни одному молодому поэту в Лужниках.

Все это продолжалось примерно час, потом Босфор кончился.

Мы вошли в Черное море и взяли курс на Одессу.

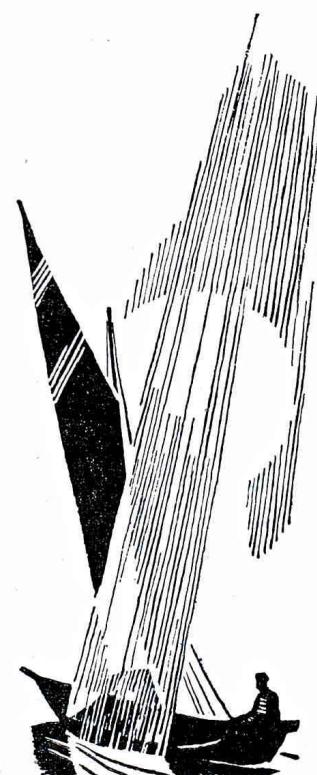
Так Назым Хикмет возвратился на свою родину.

Стихи Назыма ХИКМЕТА

Тоска

К морю хочу возвратиться.
В зеркале вод голубых
весь я хочу отразиться!
К морю хочу возвратиться!

Плынут корабли в серебристые дали,
плынут и плынут,
не ветром заботы, не ветром печали их
парус надут;
быть может, и я на корабль однажды
взойду,
а так как написана каждому смерть
на роду,
хочу я в волнах на просторе
погаснуть, подобно лучу.
Вернуться хочу я в море!
В море вернуться хочу!

СЛОВО К САМОМУ ТЕМНОМУ

Брат мой, ты словно крот,
во мраке трусливом живешь ты, как
крот слепой.

Брат мой, ты как воробей,
в воробышьных тревогах увяз с головой.
Брат мой, как устрица ты — закрыт,
и доволен собой,
и страшен, как кратер вулкана погасшего,
ты, брат мой.

Таких, как ты, не один
и не пять —
на миллионы приходится вас
считать, к сожалению.

Брат мой, ты как баран;
когда палку поднимет торговец скотом,
ты бросаешься в стадо бегом и потом —
чуть не с гордостью даже —
идешь на убой,
брат мой.

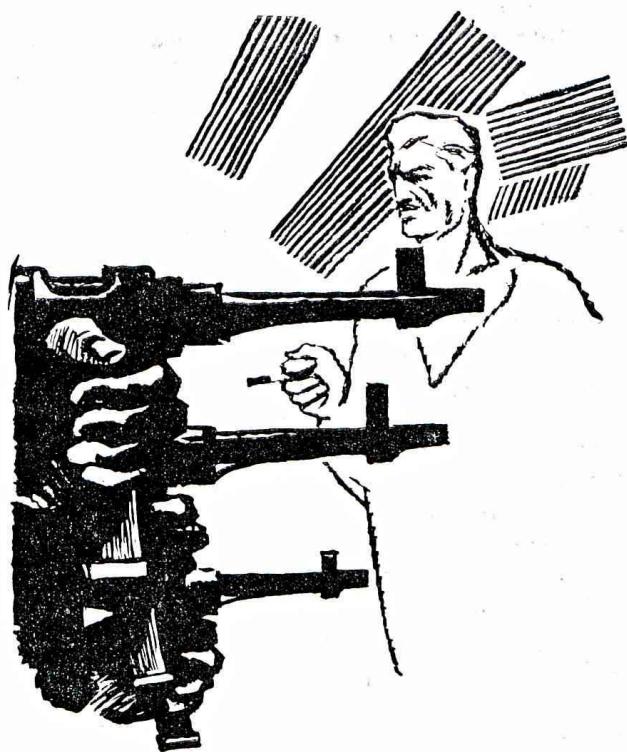
Нет на свете второго такого, как ты,
существа,
ты загадочней рыбы, которая в море
живет,
ничего не зная о море.

И на этой земле гнет и горькое горе
из-за тебя.

Если давят нас голод, обман и усталость,
если жмут из нас соки,
как жмут виноград для вина, —
это твоя вина,
говорю тебе с болью душевной,
велика твоя доля вины,
брат мой милый,
бедняга безгневный,

Переводы с турецкого
Н. РАЗГОВОРОВА, П. ЖЕЛЕЗНОВА

Незажженная сигарета

Быть может, в эту ночь он упадет
с пороховым ожогом на рубахе.
Он сам на смерть идет,
забыв о страхе.

— Есть сигарета? — он спросил меня.
— Есть! —
говорю в ответ.
— А спички?
— Спичек нет.
Прикуришь от ружейного огня...
Взял сигарету
и ушел...
И, может быть, сейчас лежит пластом,
дымя не сигаретою в зубах,
а раной в сердце, позабывшем
страх...

Туда, где косит жизнь свинец,
пошел товарищ...
Крест.
Конец.

Боевая слава ОМСБОН

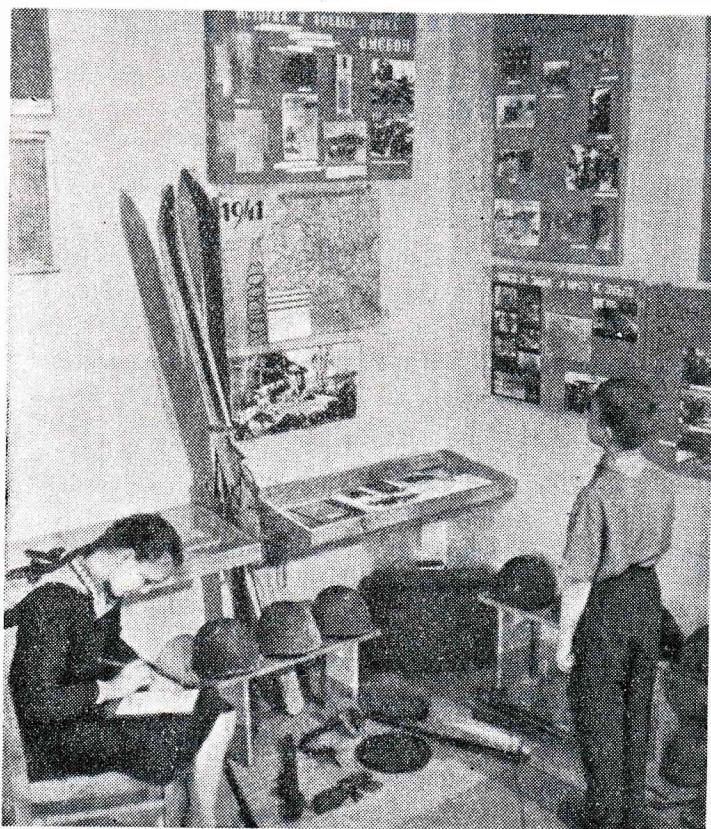
Однажды Володя Гуревич сказал ребятам: «А мой отец был партизаном». Все стали просить: «Расскажи, расскажи...» Но Володя ничего не смог рассказать: не знал. Тогда решили Володины одноклассники пойти к нему домой и расспросить Зигфрида Иосифовича Гуревича, как он партизанил.

Оказалось, перед войной был Володин отец студентом станкоинструментального института, увлекался горнолыжным спортом.

Когда началась война, Зигфрид Иосифович решил пойти на фронт добровольцем. Записался в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения.

Зигфрид Иосифович рассказал ребятам, как сражались его друзья — партизаны-разведчики. С этого рассказа и начался наш музей — Музей боевой славы ОМСБОН.

Руководитель красных следопытов 751-й московской школы
Г. Л. МЕНДЕЛЬСОН.

1. Уголок Музея боевой славы ОМСБОН. Лыжи, которые вы видите на снимке, принадлежали командиру роты отряда «Сатурн», заслуженному мастеру спорта, десятикратному чемпиону Советского Союза по академической гребле Ипполиту Ипполитовичу Рогачеву.

Отряд «Сатурн» получает задание

Из воспоминаний бывшего начальника политотдела ОМСБОН полковника Л. А. СТУДНИКОВА

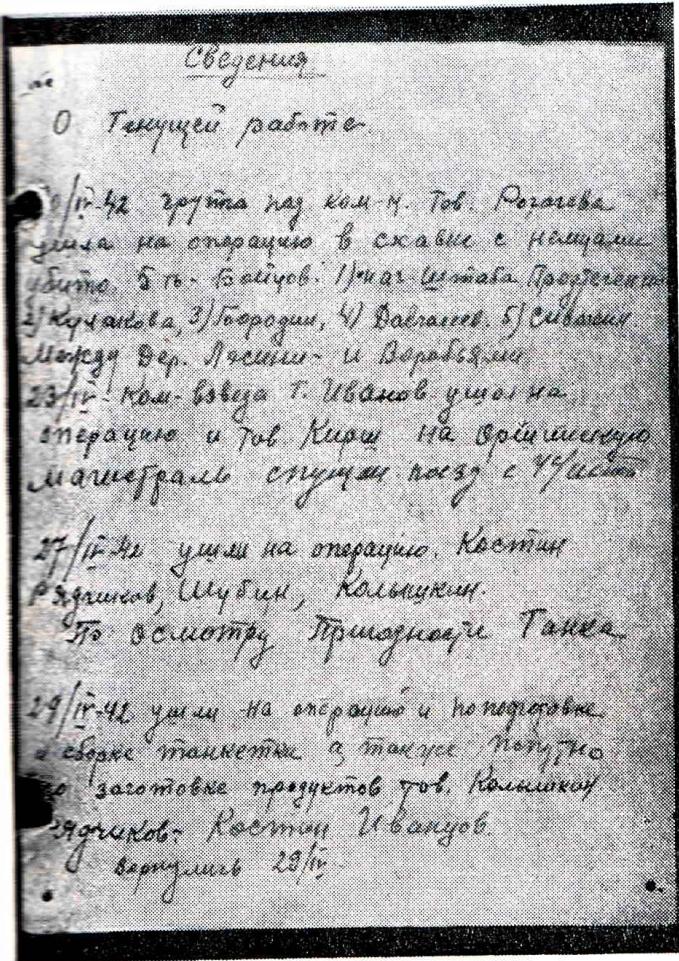
Февральской ночью сорок второго года двадцать восемь лыжников перешли линию фронта и скрылись в лесах оккупированной немцами Смоленщины. Смоленский охотник Тимофей Иванович Большаков тайными тропами вывел лыжников в глубь Демидовских лесов, и там, в глухой чащобе, в сорока километрах от Смоленска, они разбили лагерь. Так начал свой путь отряд Анисима Ильича Воропаева, партизанившего еще в гражданскую на Дальнем Востоке.

Задание у отряда было сложное. В Красном Бору, пригороде Смоленска, обосновался штаб немецкой группы армий «Центр», а по соседству, в большой даче, — разведцентр «Абверкоманда 103» и школа шпионов-радистов. Воропаевцы должны были во что бы то ни стало проникнуть в штаб, в разведцентр и в

шмонскую школу и добывать нужные командование сведения. Поскольку дача, о которой идет речь, называлась «Сатурн», отряд Воропаева получил такое же название. Это задание отряд успешно выполнил.

О других операциях отряда «Сатурн» вы узнаете из странички его боевого дневника и из рассказа Анатолия Карловича Кирша.

Вот это и есть страничка из боевого дневника отряда «Сатурн». Разумеется, тут обо всем сказано кратко. Но, перечитывая дневник вместе с ребятами, Анатолий Карлович Кирш вспоминал день за днем. Прочтите же скучные дневниковые строки и то, что рассказал об описанных тут событиях их участник.

20/IV-42 г. Хорошо помню этот день. Группа Рогачева, двенадцать человек, ушла в деревню Романенки...

Наш отряд выполнял важное задание: мы должны были уничтожить все полицейские комендатуры в районе. 17 апреля одна из групп отряда успешно провела эту операцию в деревне Ласени. А 20 апреля пошла группа Рогачева. Полицейскую комендатуру в Романенках они разгромили, но на обратном пути в лагерь случилась беда.

Группу выдал предатель, и немцы выслали навстречу рогачевцам три танка, взвод пехоты и кавалерию. И все это против двенадцати партизан! В то время фашисты уже партизан боялись.

Рогачевцы попали в засаду. Близ деревни Леньки дорогу им преградили неожиданно вышедшие из укрытия танки. Танки прямой наводкой открыли

огонь по нашим бойцам, и пять человек были убиты сразу, прямым попаданием. Погибла наша бесстрашная разведчица, чемпион Советского Союза по лыжам Люба Кулакова, начальник штаба, прекрасный альпинист Павел Предтеченский, лыжник из Витебска Бородин, учитель из Козельска Долголеев и тракторист из Сибири Сивохин. Остальным партизанам удалось уйти от преследования и вернуться в лагерь.

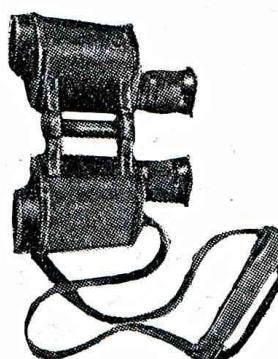
23/IV-42 г. По заданию из Центра наш отряд проводил диверсионные операции на железных дорогах Смоленск — Орша и Смоленск — Витебск. Руководил этими операциями командир взвода Константин Иванов, а старшим подрывником отряда, обеспечивающим техническую сторону диверсионных операций, был я, Анатолий Кирш.

Из расположения отряда выходила группа — три человека. За ночь мы проходили путь до железной дороги и в деревне Саленки прятались у друзей и только следующей ночью совершали диверсию.

Операция 23 апреля была двойной: подрыв пути и паровоза на магистрали Смоленск — Орша и подрыв эшелона с фашистами, или, как мы тогда говорили, с живой силой противника, на магистрали Смоленск — Витебск. Операция прошла успешно. Кроме меня и Константина Иванова, в ней принимал участие семнадцатилетний смоленский партизан Владимир Куриленко. В одной из операций Володя погиб и посмертно награжден званием Героя Советского Союза.

27/IV-42 и 29/IV-42 г.

Наш отряд перешел границу тайно, в масках на лыжах. Тяжелого вооружения — танков, танкеток, бронемашин — разумеется, у нас не было. Мы добывали их в боях, захватывали на дорогах, разыскивали в лесах. Автомеханики отряда восстанавливали всю эту технику, и она участвовала с нами в сражениях. В июле сорок второго года на вооружении отряда мы имели три танкетки и одну бронемашину с 45-миллиметровой пушкой.

Этот бинокль, принадлежавший командиру взвода разведки отряда «Сатурн» Федору Степановичу Рядчикову, красные следопыты привезли из похода по местам боевых действий отряда. Вел красных следопытов тот самый человек, который двадцать пять лет назад был проводником у воропаевцев.

Перевод с английского
Бориса Заходера.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

Кошка, которая посмотрела на короля

Майка был день рождения, а назавтра у него разболелись зубы. Он лежал в постели и стонал, косясь уголком глаза на Мэри Поппинс, в надежде, что она обратит на него внимание. А она сидела в старом кресле и прилежно перематывала шерсть. Джейн, присев на корточки, держала моток. Снизу, из сада, доносились крики Близнецов, игравших там под присмотром Эллен. В детской было тихо и мирно. Клубок в руках Мэри Поппинс все рос и рос. Часы самодовольно тикали, и этот звук чем-то напоминал кудахтанье курицы, которая только что снесла яйцо.

— Почему у меня болят зубы, а у Джейн нет? — хмыкнул Майк. И плотнее обмотал щеку шарфом, который дала ему Мэри Поппинс.

— Потому что ты вчера съел слишком много сладкого, — безжалостно отвечала Мэри Поппинс.

— Да ведь у меня был день рождения!

Окончание. Начало смотри «Пионер» №№ 3, 4, 5, 6, 7.

— Это не значит, что надо забывать меру! Вот у меня не болят зубы после дня рождения!

Майк поглядел на нее сердито. Иногда ему хотелось, чтобы Мэри Поппинс не была таким безупречным совершенством. Но он никогда не осмеливался сказать об этом вслух.

— Вот возьму и умру! — пригрозил он. — Тогда пожалеете, что вы такая безжалостная!

Она только презрительно засопела.

Держась обеими руками за щеку, Майк озирался в поисках утешения. Все вещи в детской глядели сочувственно — это были старые добрые друзья. Обои, лошадка-качалка, изношенный красный ковер.

Взгляд Майка упал на каминную полку.

Там были компас и королевское фарфоровое блюдо; там стояли маргаритки в банке из-под варенья, лежала катушка от Змея и градусник Мэри Поппинс. И, кроме всего этого, там был вчерашний подарок от тети Флосси — белая фарфоровая Кошечка, разрисованная синими и зелеными цветочками. Она сидела там, сложив лапки вместе и аккуратно обернув их хвостом. Солнце освещало ее фарфоровую спину; зеленые глаза ее глядели важно и серьезно.

Майк дружески улыбнулся ей. Он любил тетю Флосси и был очень рад этому подарку.

И тут в зубе снова страшно задергало.

— Ой! — застонал Майк. — У меня сейчас голова лопнет!

Он жалобно посмотрел на Мэри Поппинс.

— И всем все равно! — добавил он с горечью. Мэри Поппинс насмешливо улыбнулась.

У Майка разболелись зубы.

— Не смотрите на меня так! — захныкал он, изо всех сил держась за щеку.

— Почему? Как известно, и кошка может смотреть на короля!

— Да ведь я же не король, — проворчал он сердито, — а вы не кошка, Мэри Поппинс!

Он надеялся, что она станет с ним спорить, и он забудет про зуб.

— А как вы думаете, любая кошка может смотреть на короля? Например, кошка Майка может? — спросила Джейн.

Мэри Поппинс подняла взгляд. Ее синие глаза встретились с зелеными глазами Кошки.

Наступило молчание.

— Любая кошка может, — сказала наконец Мэри Поппинс. — А эта Кошка — особенно!

Улыбаясь про себя, она снова взяла клубок, и тут что-то зашевелилось на каминной полке. Фарфоровая Кошка пошевелила своими фарфоровыми усами, подняла голову и зевнула. Ребята увидели ее острые зубы и розовый кошачий язычок. Потом Кошка выгнула расписанную цветами спину, лениво потянулась и, вильнув хвостом, соскочила с полки на пол.

— Мурррр! — сказала Кошка. Она прошлась по коврику, подошла к Мэри Поппинс и кивнула ей головой. Потом вскочила на подоконник и выпрыгнула в окно, откуда лились потоки солнечных лучей.

Майк забыл о своей зубной боли.

Джейн уронила свой моток.

Оба таращили глаза изо всех сил.

— К-как же т-тт-так? — пролепетали оба. — Почему? К-ку-да?

— В гости к Королеве, — ответила Мэри Поппинс. — Она принимает каждую вторую пятницу. Джейн, не таращи так глаза! Ветер может перемниться! А ты, Майк, закрой рот, а то застудишь зуб.

Майк поспешил закрыть рот. Но тут же опять открыл его.

— Я же хочу знать, что это значит! — закричал он. — Она же фарфоровая! Не настоящая! И вдруг прыгает! Я сам видел!

— А зачем она пошла к Королеве в гости? — спросила Джейн.

— Ловить мышей, — спокойно отвечала Мэри Поппинс. — А отчасти вспомнить доброе старое время.

Глаза ее приняли отсутствующее выражение, и руки оставили в покое клубок.

Джейн предостерегающе посмотрела на Майка. Он осторожно вылез из постели и подкрался к креслу. Оно заскрипело, когда он прислонился к нему, но Мэри Поппинс, казалось, ничего не заметила. Она смотрела на окно или куда-то вдаль невидящими глазами...

— Жил-был, — начала она не спеша, словно читая книгу, — жил-был в старину Король, который думал, что знает все-все на свете.

Сколько всего он знал — или, вернее, думал, что знает, — этого ни в сказке сказать, ни пером описать. Голова его была набита фактами и цифрами, как гранат зернами.

Столько всего он знал и был такой умный, что стал ужасно рассеянным. Он все забывал, вы мне, наверно, и не поверите, если я вам скажу, что он забывал порой даже свое собственное имя, а звали его Колль.

К счастью, у его первого министра была прекрасная память и время от времени он напоминал Королю, как его зовут...

И больше всего на свете любил Король думать. Он думал всю ночь напролет и думал поутру. Он думал за едой и думал в ванне. И он никогда не замечал

ничего, что творилось у него под носом, потому, что он, естественно, всегда думал о чем-то другом.

Вы, может быть, вообразили, что он думал о благе своего народа, о том, как сделать его счастливым, и так далее. Ничего подобного! На уме у него было совсем другое. Он думал, например, о том, сколько в Индии обезьян, или о том, какой полюс больше — Северный или Южный, или можно ли научить свиней петь...

И он не только сам занимался такими вещами. Он заставлял всех и каждого заниматься ими. Всех, кроме первого министра, который вовсе не был Мыслящей Личностью, а просто старым человеком, и любил сидеть на солнышке и абсолютно ничего не делать. Но он старался, чтобы этого никто не заметил, чтобы Король не отрубил ему голову.

Король жил во дворце, сделанном из чистого хрустала. Когда-то, в прежние времена, этот дворец так сиял и сверкал, что прохожие прикрывали глаза, боясь ослепнуть. Но с годами хрусталь потускнел, покрывшись толстым слоем пыли. И некому было вытереть пыль, потому что все были страшно заняты тем, что помогали Королю думать — даже повара, и горничные, и судомойки. В любой момент каждому могли приказать бросить свое дело и помчаться по королевскому слову, скажем, в Китай — считать шелковичных червей; или на Соломоновы Острова — узнать, правит ли там Царица Савская...

И когда они возвращались с уймой Фактов, Сведений и Данных, Король и Придворные переписывали все в большие книги, переплетенные в кожу. А если кто-нибудь возвращался, не принеся ответа, ему немедленно отрубали голову.

И только одной Королеве было нечего делать. Весь день она сидела на своем золотом троне и вертела в пальцах ожерелье из синих и зеленых цветов, обвязавшее ее шею. А иногда она вскакивала с криком и плотнее запахивалась в свою горностаевую мантию. Потому что во дворце было так грязно, что в нем завелись мыши, а все Королевы — это вам подтвердят кто угодно! — не переносят мышей.

— Ой-ой-ой! — говорила она дрожа и вскакивала на сиденье своего трона.

И каждый раз Король хмурился.

— Прошу потише! — говорил он раздраженно.

Ведь малейший шум мешал ему думать. Тут мыши удирали, и на некоторое время в зале снова воцарялась тишина. Слышен был только скрип гусиных перьев, которыми Король и Придворные записывали новые Сведения, Факты и Данные в кожаные книги.

Королева никогда никому ничего не приказывала, даже своим камер-фрейлинам: ведь Король всегда мог отменить ее приказ.

— Починить Королеве юбку? — говорил он раздраженно. — Какую еще юбку! Зачем тратить время на разговоры о юбках? Возьмите-ка перо и запишите новые Данные о птице Феникс!

И фрейлинам приходилось слушаться; а бедная Королева либо чинила юбку сама, либо так и ходила в рваной.

И, сидя в тоске на своем троне, Королева часто вспоминала о прежних временах, о том времени, когда она только что вышла замуж за Короля. Какой он был тогда высокий и красивый, сильный и румянный, и кудри его вились, как лепестки гиацинта!

— Ах! — вздыхала она, вспоминая о былом.

Да, тогда он угощал ее медовыми пряниками и сам намазывал ей бутерброды! И он смотрел на нее с такой любовью, что сердце замирало у нее в груди и она отворачивалась, чтобы не умереть от счастья!

А потом пришел роковой вечер...

— Твои глаза ярче звезд, — сказал он и поглядел на небо.

Но вместо того, чтобы снова взглянуть на нее, как обычно, он продолжал смотреть вверх.

— Интересно, — сказал он задумчиво, — сколько там звезд? Я, наверно, сумею их сосчитать. Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь...

И он считал их до тех пор, пока Королева не заснула.

— Тысяча двести сорок девять, тысяча двести пятьдесят, — говорил он, когда она проснулась. И она поняла, что он все еще считает.

И он не успокоился до тех пор, пока не поднял всех Придворных с постелей и не заставил их тоже считать звезды. Но так как ни один ответ не сходился с другим, Король очень рассердился.

Вот так все и началось.

На другой день Король воскликнул:

— Дорогая моя, твои щеки, как две розы!

И Королева была очень счастлива, пока он не прибавил:

— Но почему как розы? Почему не как капуста? Почему щеки розовые, а кочаны зеленые? А не наоборот? Это очень серьезный вопрос. Я должен это обдумать!

А на третий день он сказал ей, что зубки у нее жемчужные, но не успела она даже улыбнуться в ответ, как он прибавил:

— А что, если это так и есть? Что ни говори, у каждого есть зубы, и среди них немало жемчужных, а жемчуг — очень редкая вещь! Над этим стоит подумать!

И с этого дня он уже, не переставая, думал, и думал, и думал, собирал Сведения, и Данные, и Факты и почти не глядел на Королеву. Да если бы он и посмотрел на нее, он бы ее вряд ли увидел, потому что он так много читал и писал, что скоро стал очень близоруким. Его румяное, круглое лицо высохло и сморщилось, а волосы рано поседели. Он почти ничего не ел, разве только, когда его старый Первый Министр говорил ему, что обед подан, съедал кусок хлеба с луком и сыром.

Можете себе представить, как тосковала бедная Королева. Порой старый Министр прокрадывался к трону и ласково трепал ее по руке. Порой маленький Паж, который наливал чернила в чернильницы, улыбался ей через голову склонившегося над бумагами Короля. Но ни старики, ни мальчик не могли надолго оторваться от своих дел, чтобы развлечь Королеву, — ведь им могли за это отрубить голову.

Не думайте, что Король был злой. Наоборот, он был уверен, что его Подданные счастливей всех на свете, потому что у них такой умный и ученый Король! Но, увы, пока Король набирался ума, Подданные его становились все беднее и беднее. Дома ветшали, и

И маленький паж
наливал
чернила.

шоля пустели, потому что все работники должны были помогать Королю думать...

А жены их, сестры и матери страшно сердились. Им казалось, что вся королевская ученость — Чушь и Пустяки. Ведь никакими Сведениями не накормишь ребенка, рассуждали они, и тем более, не запластишь Данными за квартиру! Даже Пастушки и Гуси-гуси были недовольны и роптали. А если вы припомните, что обычно они счастливейшие люди на свете (ведь они знают, что все они заколдованные Принцы и Принцессы), тогда вы поймете, как плохо шли дела в Королевстве.

В один прекрасный день Король и Придворные, как обычно, сидели за столом в Тронном зале и скрипели перьями. Королева прислушивалась к скрипу перьев и пискну мыши в погребе. И сидела она так тихо, что одна нахальная мышь пробежала через весь зал и уселилась у подножия трона. Королева ахнула от испуга, но тут же прикрыла рот рукой, чтобы не помешать Королю. Она только завернулась как можно плотнее в свою горностаевую мантию и так и сидела, дрожа от ужаса.

И в эту самую минуту на пороге появилась Кошка.

Это была маленькая кошечка, пушистая, как одуванчик, и белая, как сахар, от усов и до хвоста. Она вошла в зал, лениво, танцующим шагом, словно у нее не было никакого дела, а времени — сколько угодно!

На минуту она остановилась на краю ковра, с любопытством глядя на Короля и Придворных, склонившихся над своими книгами. Потом зеленые глаза обратились в сторону Королевы. Тут Кошка вздрогнула, и все ее тело напряглось. Спинка выгнулась горбом. Усы ощетинились и стали как стальные. Одним скачком она перелетела через весь Тронный зал и нырнула под трон.

Прозвучало глухое рычание. Сдавленный писк. И одной мышью стало меньше.

— Тише, пожалуйста! Что это за звуки ты издаешь, дорогая! Ты мешаешь мне думать! — брюзгливо проворчал Король.

— Это не я! — робко сказала Королева. — Это Кошка.

— Кошка? — рассеянно повторил Король, даже не поднимая головы. — Кошки — это четвероногие млекопитающие, покрытые мехом. Кошек, диких или домашних, можно встретить во всех областях земного шара, за исключением Полярной зоны. Они едят мышей, рыбку, печеньку и птиц и издают либо мурлыканье, либо мяуканье, в зависимости от настроения. Кошки бродят сами по себе, и, согласно народному поверью, у кошки девять жизней. Дальнейшую информацию о кошках смотрите на странице второй, том седьмой, полка Д в шкафу номер пять, как войдешь — налево... Эй! Это еще что такое?

Король чуть не подскочил. Потому что Кошка сидела прямо перед ним на столе.

— Поосторожнее! — сердито сказал Король. — Ты уселась как раз на мою последнюю работу. Очень серьезный вопрос: происходят ли индюки из Индии, а если нет, то почему? Ну, чего тебе нужно? Говори и не бормочи под нос. Я почти оглох!

— Я хочу на вас посмотреть, — спокойно сказала Кошка, обмахнув чернильницу хвостом.

— Ого! Вот как? Хм... Ну что ж, ведь говорится в пословице: Кошка может смотреть на Короля. Я не возражаю. Валяй!

Король откинулся на спинку кресла и повернул голову, чтобы Кошка могла рассмотреть его всесторонне.

Кошка задумчиво смотрела на Короля. Придворные, отложив перья, глазели на Кошку. Последовала долгая пауза.

— Ну, — сказал наконец Король, снисходительно улыбаясь. — И какого ты мнения обо мне, позволь полюбопытствовать?

— Не особенно высокого, — равнодушно отвечала Кошка, облизывая правую переднюю лапку.

Придворные, задрожав, схватили свои перья.

— Чтооо? — крикнул Король. — Не особенно высокого, вот как? Ах ты несчастная, невежественная тварь! Да знаешь ты, на какого Короля ты смотришь?

— Все Короли, в общем, одинаковы, — сказала Кошка.

— Ничего подобного! — сердито возразил Король. — Я ручаюсь, ты не назовешь ни одного Короля, который знает столько, сколько я! Недаром со всех концов земли съезжаются Профессора, чтобы взять у меня Получасовую Консультацию! Мое собрание Фактов, Сведений и Данных не имеет себе равного в мире! При моем дворе одни только Сливки Общества! Джек, Потрошитель Великанов, ухаживает за моим садом! Мои овечьи стада стережет не кто иной, как сам Серый Волк! И в каждом моем пироге ровнехонько Сорок Семь Сорок! И ты еще осмеливаешься заявлять, что ты невысокого мнения обо мне? Кто ты такая, чтобы так разговаривать с Королем?

— Ах, всего-навсего Кошка, — отвечала Кошка. — Четыре лапки, пятый хвост. Ну и еще усы.

— Это я сам вижу! — оборвал ее Король. — Внешность для меня не имеет значения! Для меня важно только одно: много ли ты знаешь?

— О, все на свете! — спокойно возразила Кошка, облизывая кончик хвоста.

— Что? — На этот раз Король чуть не подавился от возмущения. — Ну, знаешь ли, таких хвастунов, таких зазнаек я еще не видел! У меня большая охота отрубить тебе голову!

— Пожалуйста, — согласилась Кошка, — но все в свое время!

— Она знает все на свете! Бессовестная тварь! Никто не может все знать! Не исключая меня!

— Но исключая кошек, — сказала Кошка. — Все кошки, уверяю вас, знают все!

— Отлично! — прогремел Король. — Но тебе придется это доказать! Раз ты такая умная, как говоришь, я задам тебе три вопроса. И мы увидим..., что увидим!

И он коварно улыбнулся. Если эта хвастунья будет настаивать на своем, — ей придется за это ответить!

— Итак, — сказал он, складывая руки на животе, — мой первый вопрос...

— Минуточку! — спокойно сказала Кошка. — Извините, но я не могу отвечать на ваши вопросы, пока мы не договоримся об условиях. Таких глупых кошек не бывает. Я готова заключить с вами договор на следующих условиях. Вы хотите задать мне три вопроса? Отлично! Но потом буду задавать вопросы я. Это будет справедливо, верно? И кто из нас победит, тот и будет править Королевством.

Удивленные Придворные снова уронили перья. У Короля глаза от изумления вылезли на лоб.

Но он подавил свой гнев и презрительно усмехнулся.

— Прекрасно, — сказал он надменно. — Конечно, мы даром потратим время. Но так и быть, я принимаю твои условия. Боюсь только, как бы тебе не пришлось об этом пожалеть.

— Тогда снимите корону и положите ее на стол между нами,— распорядилась Кошка.

Король сорвал корону со своей всклокоченной головы. Украшавшие ее драгоценности сверкнули на мгновение в лучах солнца.

— Что ж, надо поскорее покончить со всей этой чепухой! Мне нужно работать,— сказал он гневно.— Ты готова? Тогда я задаю первый вопрос: пришел мельник на мельницу, на мельнице — четыре угла, в каждом углу — по четыре мешка, на каждом мешке — по четыре кошки, у каждой кошки — по четыре котенка. Сколько всего ног?

— Это очень просто! — улыбнулась Кошка.— Две.

— Как две? — возмутился Король.— Сосчитай-ка получше!

— А что тут считать,— небрежно сказала Кошка.— Ноги — только у мельника. А у кошек, как всем известно, лапки!

Придворные переглянулись в ужасе. Они никогда не слыхали ничего подобного.

Король нахмурился. Он явно не одобрял Кошкиного ответа.

— Ну, ладно-ладно,— сказал он.— Скажи мне вот что: какая разница между Верблюдом и Железнодорожным носильщиком?

— Никакой,— мгновенно ответила Кошка.— И тот и другой зарабатывают своим горбом.

— Стоп-стоп-стоп! — горячо запротестовал Король.— Это совсем не те ответы, которых я ожидал! Нужно быть серьезнее!

— Я не знаю, чего вы ожидали,— сказала Кошка.— Это правильные ответы на ваши вопросы, и это вам подтвердит кто угодно. Любая кошка!

Король сердито щелкнул языком.

— Я вижу, вся эта глупость зашла слишком далеко! Это уже просто комедия! Водевиль! Ну ладно, вот мой третий вопрос — попробуй-ка на него ответить!

И по выражению лица Короля можно было легко догадаться, что он уверен: на этот раз он припрет Кошку к стене!

Он величественно вытянул руку и начал:

— Если двенадцать человек, работая по восемь часов в день, должны выкопать яму глубиной в десять с половиной миль, сколько времени пройдет — считай и воскресные дни! — прежде чем они положат свои лопаты? Ну, сколько?

Глаза Короля светились торжеством. Он уже заранее радовался победе над Кошкой.

Но у нее ответ был готов.

— Три секунды,— сказала она, чуть вильнув хвостом.

— Три секунды? Ты с ума сошла! Скажи: сколько лет!

Король даже потер руки от удовольствия при мысли о том, что Кошка попала впросак.

— Повторяю,— сказала Кошка.— Через три секунды. За это время они, конечно, поймут, что им никогда не вырыть такой ямы, да и рыть ее незачем!

— Смысл вопроса не в этом! — сердито сказал Король.

— Иначе в нем совсем нет смысла! — сказала Кошка.— А теперь, по-моему, моя очередь спрашивать.

Король с досадой пожал плечами. Какая-то Кошка осмеливается сидеть на его столе да еще задавать ему вопросы!

— Давай, только поживей. Ты и так отняла у меня много времени.

— Мои вопросы простые и очень короткие,— заверила его Кошка.— Любая кошка ответит на них быстрее, чем пошевелит усами! Будем надеяться,

— Я, конечно, старый человек, и могу ошибаться...

что и у Короля хватит на это ума. Первый вопрос: высоко ли до неба?

Король удовлетворенно хмыкнул. Это был как раз вопрос в его вкусе, и он улыбнулся с умным видом.

— Ну, конечно,— начал он,— это понятие относительное. Если мы будем измерять высоту от уровня моря,— результат будет один. Если с вершины горы,— другой. И приняв все это в расчет, а также определив широту и долготу, учитывая данные метеорологии, психологии, геологии, топологии и болтологии, а также астрономии, и физиономии, статистики, лингвистики, беллетристики, и мистики, мы можем...

— Извините! — перебила его Кошка.— Это не ответ на мой вопрос. Попробуйте еще раз, пожалуйста. Высоко ли до неба?

Король выкатил глаза от гнева и удивления. Никто еще не осмеливался его прерывать.

— Небо,— пробормотал он,— оно... мmm... оно... Ну, конечно, я не могу дать ответ в метрах. Думаю, что и никто другой не сможет. Но приблизительно это будет... мmm... э-э-э...

— Мне нужен точный ответ,— сказала Кошка. Она обвела взглядом уставшихся на нее придворных.— Может, кто-нибудь здесь, в этом храме науки, ответит на мой вопрос?

Опасливо глядя на Короля, старый Министр поднял дрожащую руку.

— Я всегда считал,— робко пролепетал он,— что это немного выше, чем орел летает. Я, конечно, старый человек и могу ошибаться...

Кошка хлопнула белоснежными лапками.

— Нет! Нет! Вы совершенно правы! — сказала она ласково. И ее зеленые глаза на мгновение встретились с испуганными глазами старика.

Король фыркнул в ярости:

— Чепуха! Бессмысленная болтовня!

Кошка подняла лапу, призывая к тишине.

— Ответьте, пожалуйста, на мой второй вопрос. Где бывает самое сладкое молоко?

Королева надела
ожерелье на Кошку!

человек улыбнулся ему с зеркальной поверхности кошачьих зрачков.

— Батюшки мои! Вот я какой! — закричал Король. — Теперь я наконец знаю, кто я такой! Да я же совсем не мудрец и не ученый! — Он откинул голову и радостно расхохотался: — Хо-хó! Ха-ха-ха! Теперь все ясно! Никакая я не Мыслящая Личность! Я просто-напросто Веселый Король!

Он замахал руками на разинувшую рты свиту.

— Эй вы! Уберите все эти перья и бумаги! Порвите блокноты! Заройте в землю столы! И если кто-нибудь скажет мне слово «факт», я собственоручно отрублю ему голову! Факт!

И Король снова громко расхохотался и обнял Первого Министра так крепко, что едва не задушил.

— Простите меня, мой верный друг! — крикнул он. — И налейте нам кубки да набейте нам трубы! Да зовите моих Скрипачей-Трубачей! А ты, моя радость, мое счастье, моя голубка,— обратился он к Королеве,— о, дай мне снова свою руку, и я никогда ее не отпущу!

Слезы счастья побежали по щекам Королевы. И Король нежно стер их.

— Мне не нужно небесных звезд,— шепнул он,— ведь мне светят твои глаза!

— Извините, если я помешала, но как же насчет меня? — спросила Кошка.

— Так ты же получила Королевство! И корону! Чего тебе еще надо? — нетерпеливо воскликнул Король.

— Вот еще! — сказала Кошка. — Очень они мне нужны! Можете их оставить себе! Но так как кошки никогда не делают ничего совсем даром, у меня будут две небольшие просьбы!

— Все, что угодно! — воскликнул Король с царственным жестом. — Все на свете!

— Я бы хотела время от времени,— сказала Кошка,— заходить во дворец и навещать...

— Меня? Пожалуйста! Милости просим! — перебил ее Король.

— ...Королеву — невозмутимо продолжала Кошка.

— Ах, Королеву! Добро пожаловать! В любое время! Ты нам поможешь сладить с мышами.

— А во-вторых, я прошу,— продолжала Кошка,— ожерелье из синих и зеленых цветов, которые носит Королева.

— Бери и носи на здоровье! — весело сказал Король. — Оно, кстати, не особенно дорогое!

Королева, помедлив, расстегнула замок ожерелья и надела его на Кошку, обернув им все ее пушистое тельце от головы до хвоста.

А потом она обменялась с Кошкой долгим взглядом, и в этом взгляде были все тайны, которые Королевы и кошки хранят в своих сердцах и никогда не выдают никому.

— Я принимаю каждую Вторую Пятницу,— сказала Королева, улыбнувшись Кошке.

— Я приду! — кивнула Кошка.

И с этими словами она повернулась и двинулась к выходу. Хвост ее развевался, как знамя, и ожерелье сияло на пушистой белой шерстке.

— Минуточку! — крикнул Король, когда Кошка была уже у самой двери. — А вы уверены, что вы действительно заколдованный Принц? И ничего плохого не случилось бы, если бы я отрубил вам голову?

Кошка обернулась и серьезно посмотрела на него. Потом она улыбнулась чуть-чуть насмешливо.

— В чем можно быть уверенным в этом мире? До свиданья! — сказала она и, блеснув зелеными глазами, выскочила на крыльце.

На лужайке она увидела Козу, которая любовалась своим отражением в бассейне.

— Ты кто? — спросила Коза, когда Кошка проходила мимо.

— Я Кошка, которая смотрела на Короля,— отвечала Кошка.

— А я,— сказала Коза, вздернув голову,— Коза Рогатая, которая идет за малыми ребятами!

— Да? — сказала Кошка. — А зачем?

Коза очень удивилась. Она никогда раньше об этом не думала. И вдруг ей показалось, что действительно совершенно незачем бодать малых ребят!! Впервые в жизни она поняла, что она занимается чепухой.

нев.— Ай-ай-ай-ай, ведь у Телерь я поняла, чего мне всегда не хватало!

И она поспешила в Курятник поскорее снести простое яичко.

Плюх! Кто-то шлепнулся на дорожку перед самым Кошачьим носом.

— Я Жаба, которая прыгала, скакала! — важно квакнула она.

— А попала в Царский дом? — сказала Кошка.— Я думаю, тебе все же лучше было попасть в Болото!

— Квак? Ох, как это верно! — призналась Жаба.— Кажется, я действительно дала маху!

Но Кошка уже прошла дальше, помахивая поднятым хвостом, и ее сине-зеленое ожерелье так и сияло на солнце.

Все, кто встретился с Кошкой, были счастливы, потому что они зажили по-новому. Коза, Курица и Жа-

— Минне-ее! — сказала она несмело.— Мне-ее кажется, и сама не знаю, зачем!

И она отошла в сторонку, чтобы хорошенеко обдумать свое поведение.

На дорожке Кошка встретила большую Курицу, которая хлопала крыльями и кудахтала.

— Я Курица, которая несет Золотые яйца! — гордо прокудахтала она.

— Правда? — спросила Кошка.— А где же твои цыплята?

— Цыплята? — переспросила Курица, побледневшая, и правда, нет цыплят!

— Я Жаба, которая прыгала, скакала?

бы были счастливы, потому что они перестали заниматься чепухой. Придворные — потому, что они теперь весь день танцевали под музыку Скрипачей и Трубачей. Король — потому, что он больше ни о чем не думал. А Королева была счастлива по очень серьезной причине: потому, что счастлив был Король.

И маленький Паж тоже был счастлив: он мог теперь сколько хочешь переливать чернила из бутылки в чернильницу и обратно и даже сажать кляксы, и никто ему этого не запрещал.

Но счастливей всех был старый Министр.

Он написал Королевский Указ, и Король подписал его: чтобы по всей стране устроили пир на весь мир, и построили карусели и колеса смеха, и катались на них, и жили припеваючи. И не ссорились никогда!

А после этого старый Министр мог с чистой совестью отдохнуть от трудов праведных; и он провел остаток своих дней, сидя на солнышке в качалке и не делая ровным счетом ничего...

А Кошка — Кошка так и бродит по свету в своем ожерелье и порой заглядывает людям в глаза. И тот, кто честно ответит на ее взгляд, узнает, кто он такой...

Голос рассказчицы смолк, и в детской слышалось только тиканье стенных часов.

И вдруг Мэри Поппинс вздрогнула, словно проснувшись, и напустилась на ребят:

— Почему вы до сих пор не в постели, хотела бы я знать! Майк, у тебя ведь, кажется, болели зубы? Джейн! Нечего таращить на меня глаза! Я не Дресированый Медведь!

Майк с писком бросился в постель. Но Джейн не шевельнулась.

— Интересно, а кто я такая? — прошептала она, словно про себя.

— Я-то знаю, кто я! — гордо сказал Майк.— Я Майлд Джордж Бэнкс! И ни у какой Кошки не буду спрашивать!

— Он у нас вообще все знает! Мистер Умник-Разумник,— съязвила Мэри Поппинс.

— Вот как только она вернется, — медленно проговорила Джейн,— я сразу посмотрю ей прямо в ее зеленые глаза.

Придворные теперь весь день танцевали.

— Внизу, в холле,
мистер Бэнкс валялся
в кресле.

— Посмотри лучше на свое черное лицо и умойся! — Мэри Поппинс по обыкновению фыркнула.

— А может, она совсем не придет? — предположил Майк.

Кошка, которая смотрела на Короля, вряд ли захочет сидеть всю жизнь на каминной полке, думал он.

— Откуда я знаю! — огрызнулась Мэри Поппинс. — Я не Публичная Библиотека!

— Но ведь эту Кошку подарили Майку, — начала было Джейн, как вдруг снизу прозвучал голос миссис Бэнкс.

— Мэри Поппинс! Не могли бы вы спуститься на минуточку?

Ребята переглянулись. Мамин голос звучал очень испуганно.

Как только Мэри Поппинс выбежала из детской, Джейн с Майком осторожно прокрались на лестничную площадку.

Внизу, в холле, мистер Бэнкс валялся в кресле. Перепуганная миссис Бэнкс то гладила его по голове, то подносила ему стакан с водой.

— У него какой-то припадок! — объяняла она Мэри Поппинс. — Джордж, Джордж, ну скажи нам, что случилось? В чем дело?

— Нервы не выдержали! — сказал мистер Бэнкс, подняв побелевшее лицо. — Вот в чем дело. Я переработался. У меня начались видения.

— Какие видения? — вскрикнула миссис Бэнкс. Бэнкс отпил глоток воды.

— Только я вошел в переулок, как вдруг, — начал он с дрожью в голосе и закрыл глаза. — Как вдруг я увидел его... Прямо у нашей калитки!

— Кого его? — закричала миссис Бэнкс.

— Белого зверя. Что-то вроде леопарда. И весь он был усеян незабудками. А когда я подошел к калитке, он... он... посмотрел на меня. Страшными зелеными глазами. Прямо мне в глаза! Потом он кивнул и... и... и сказал: «Добрый вечер, Бэнкс!» — и побежал по дорожке.

— Да ведь... — начала было миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс остановил ее, подняв руку.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Все леопарды сидят в Зоопарке, и на них не бывает незабудок и так далее. Я сам все это прекрасно знаю. И понимаю, что никакого зверя на самом деле не было. И как раз это доказывает, что я серьезно болен. Ты бы лучше вызывала доктора Симпсона.

Миссис Бэнкс кинулась к телефону. И тут с лестничной площадки донеслись странные звуки, похожие на икоту.

— Что у вас там случилось? — спросил мистер Бэнкс умирающим голосом.

Но Джейн с Майком не могли произнести ни слова. Их одолел припадок бешеного хохота. Они задыхались, и захлебывались, и катились по полу.

И не без причины. В то самое время, когда мистер Бэнкс рассказывал о своем припадке, белая фигура появилась в окне детской. Она неслышно спрыгнула с подоконника на пол, а оттуда вскочила на каминную полку. И там она теперь сидела, подвернув хвост и приложив усы, вся усеянная маленькими синими и зелеными цветочками — фарфоровая Кошечка Майка...

— Да-а, таких бесчувственных, бессердечных детей я никогда не видел! — сказал мистер Бэнкс с обидой, сердито глядя на ребят.

Но они расхохотались еще громче. И они хихикали, и давились, и икали от смеха до тех пор, пока Мэри Поппинс не повернула голову и не взглянула на них.

Так наступила тишина.

Даже икота у ребят сразу прошла. Это был такой свирепый взгляд, что, уверяю вас, кому угодно стало бы не до смеха...

В ГОД ПЯТИДЕСЯТЫЙ, ЮБИЛЕЙНЫЙ

«Братство» — так назвали строители газопровод СССР — Чехословакия, который берет начало в прикарпатском городе Долина, Ивано-Франковской области. Артерия с голубым топливом протянулась на сто восемьдесят три километра. Газопровод пересекает четыре горных перевала и пятьдесят шесть рек и ручьев. По трубам огромного диаметра пойдет в братскую Чехословакию миллион кубометров газа в сутки.

Здесь вы видите один из участков строительства,

Фото А. ГЕРИНАСА

Только
далеко
мало
около
чи-
шек
около

КОРАБЛИ УХОДЯТ В МОРЕ

Г. САВИЧЕВ

Фото К. КУЛИЧЕНКО

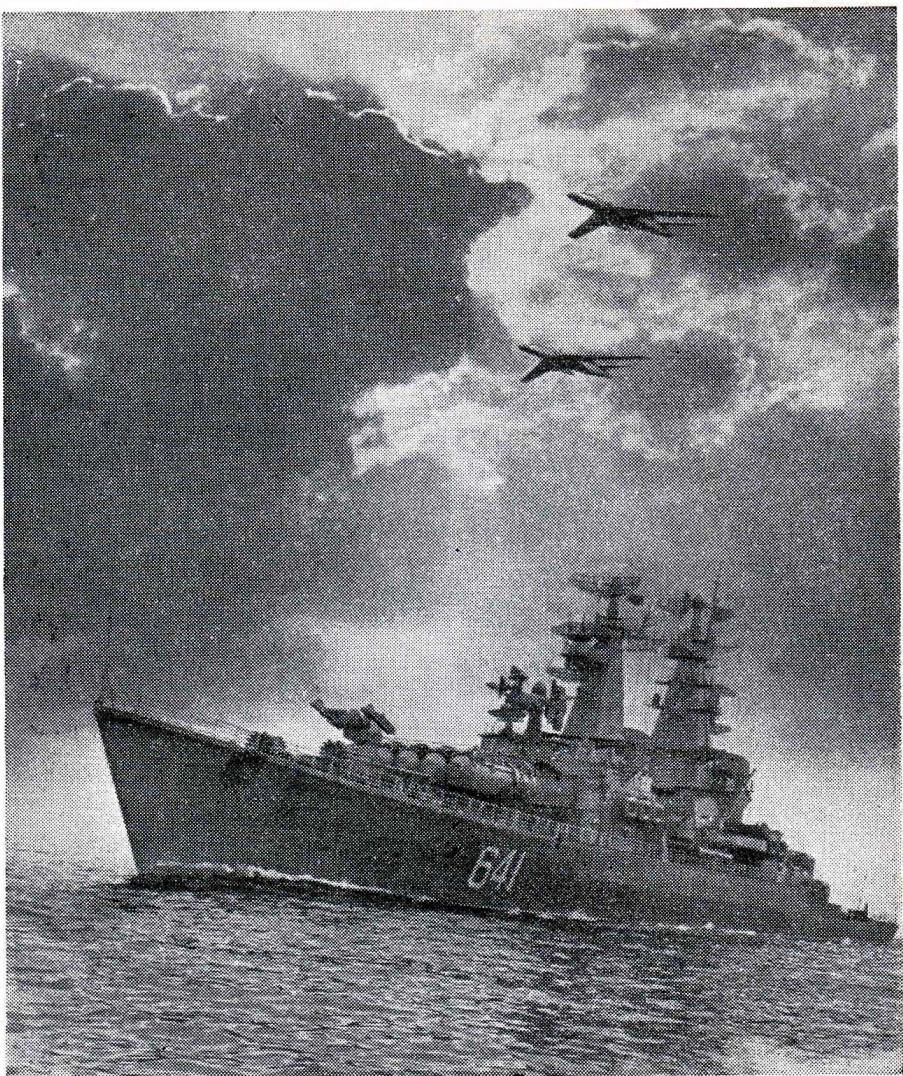
В первые я попал на военный корабль после войны, летом 1946 года. Я был тогда курсантом Высшего военно-морского училища и с благоговением ходил по палубам крейсера. Здесь все поражало нас, курсантов,—высота мачт, величина корабля, длина его корпуса, скорость хода. Поэтому времени это был если не самый совершенный, то, во всяком случае, вполне современный корабль.

Вспоминается и первая в моей жизни артиллерийская стрельба. Я был расписан дублером дальномерщика и по тревоге быстро поднялся в командно-дальномерный пункт.

«Цель слева тридцать, дистанция сто десять кабельтовых»,— вскоре доложил визирщик.

Я прильнул к дальномеру и увидел вдали крохотное белое пятнышко. Оно было так далеко, что даже захватывало дух. Неужели туда долетят снаряды?

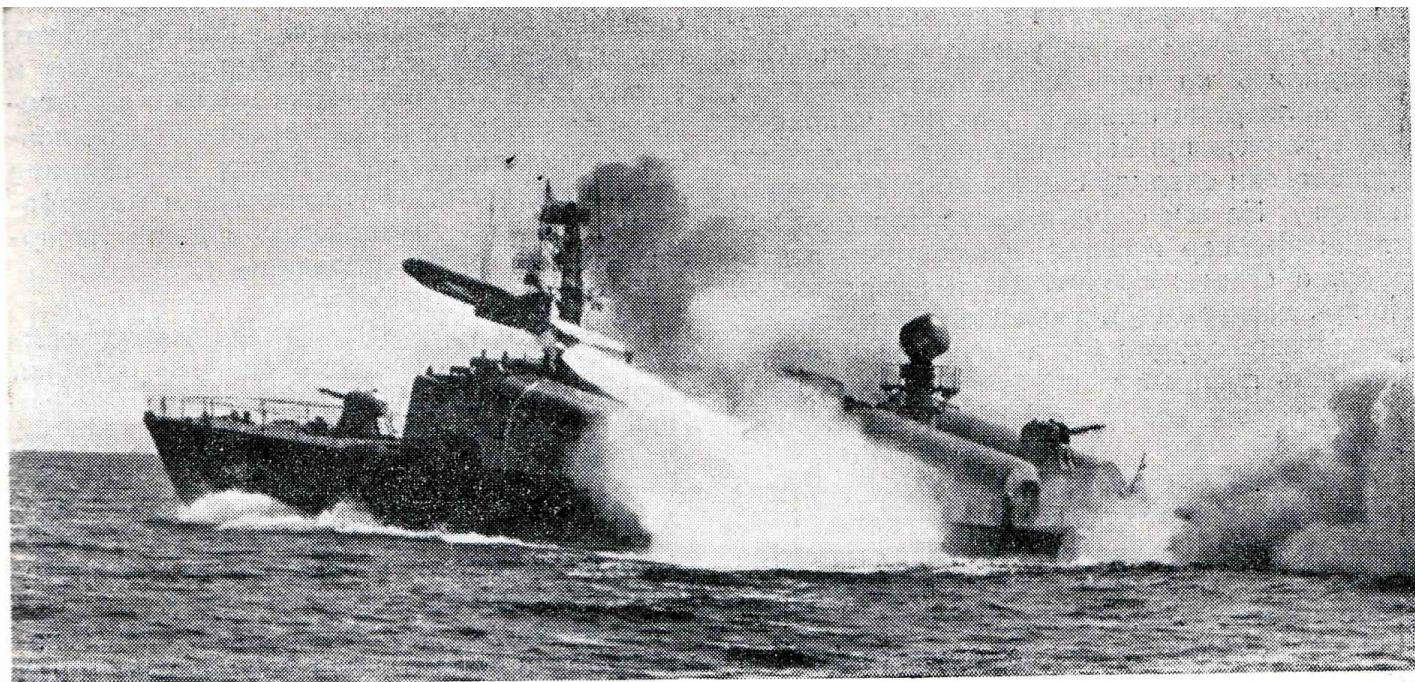
Мгновение — и вокруг цели беззвучно выросли фонтаны всплесков. Сомнения, ко-

Гордость нашего флота — ракетоносные крейсеры.

нечно, были напрасными: крейсер вел огонь успешно.

Я вспоминаю эти послевоенные годы сейчас, спустя двадцать с лишним лет. Ни-

▲ Быстроходные катера-ракетоносцы.

Моряки на вахте у экрана мощного радиолокатора. Быстро и точно определяется расстояние до цели.

когда не сотрутся яркие впечатления тех лет, и все же сейчас не можешь не думать о том, каким несовершенным и беспомощным показался бы этот крейсер рядом с современными кораблями!

Даже внешний облик кораблей изменился за эти годы. Высокие трубы, которые, казалось, так украшали линкоры, крейсеры и эсминцы, постепенно сводятся на нет. А в будущем эти трубы, видимо, совсем исчезнут. Корабли получат стремительные, совершенные очертания.

В корне изменился и характер действий нашего флота. Нет сейчас такой точки в мировом океане, от Арктики до Антарктики, от западного до восточного полушарий, где бы не могли находиться наши подводные и надводные корабли. Советский флот из прибрежного стал поистине океанским.

Около тридцати лет тому назад стала новилась на ноги радиолокация. Тогда она в лучшем случае помогала при стрельбе определить направление и расстояние до цели. Теперь локатор не только предупредит о встречном корабле, он сообщит, свой это корабль или вражеский. Локатор сейчас наводит ракеты на цель и сигнализирует, обнаружены ли вы врагом. Перед вами изображения современных кораблей, взгляните, сколько на них радиолокационных антенн.

...Некоторое время назад я командовал на одном из крейсеров зенитной артиллерией. Это были очень умные орудия. Они наводились на цель сами, автоматически, без непосредственного участия человека. Электронные приборы высчитывали данные для встречи снаряда с целью и производили наводку. На эти орудия не влияла морская качка: крейсер швыряло из стороны в сторону, а стволы орудий были неподвижны. Но прошло время, и эти, казалось, такие совершенные орудия были улучшены! Теперь уже есть пушки с такой скоростью стрельбы, которая впору раньше была только пулеметам.

А дальность стрельбы? Раньше фантастической казалась стрельба на пятнадцать миль, а сегодняшние ракеты летят на сотни миль! Баллистические ракеты перекрывают даже многие тысячи миль...

Новое оружие — точное оружие. Ракеты попадают в цель все до одной. Вероятность попадания около ста процентов. А у нарезной артиллерии из ста снарядов попадали в цель шестнадцать—двадцать пять в лучшем случае.

Техника идет вперед, а океан остается океаном, он не меняется. Как и раньше, океан покоряется только мужественным и умелым. Настоящий моряк должен в совершенстве знать не только военные дисциплины, но и математику, химию, инженерное дело, разбираться в гидрологии и метеорологии, владеть такелажным и даже малярным делом, уметь управлять парусом.

Да, именно парусом!

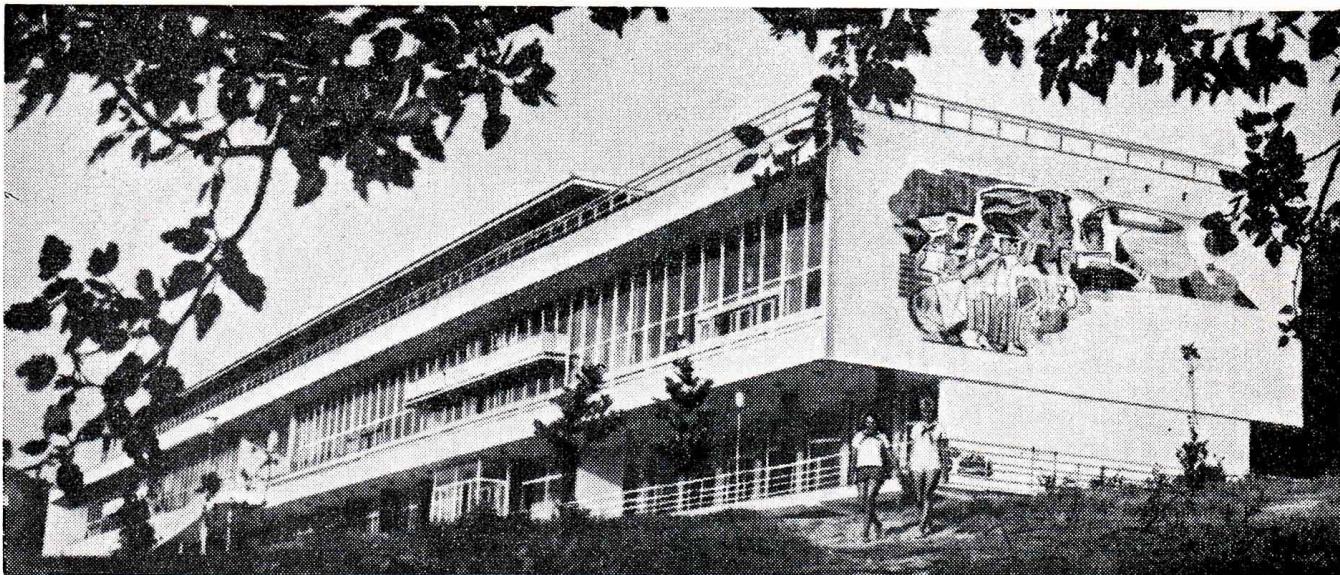
Сейчас нет парусных фрегатов, и белокрылые клипера стали достоянием истории. Океанские воды бороздят иные корабли. Но чувствовать ветер, использовать его силу моряк должен. Тот, кто хоть однажды ходил под парусом на шестивесельном яле, «шестерке», как эту шлюпку ласково называют на флоте, тот совершенно по-иному будет чувствовать и любить море.

Вот почему от трапов могучих стальных кораблей то и дело отваливают шлюпки, и над бухтами разносятся первые команды:

— На фалах! Паруса поднять!

Распустив белые крылья, шлюпки мчатся к далеким горизонтам, туда, где расстилается бесконечное море.

КРАСНОГЛАСТЧНАЯ АРМИЯ НА ПОВЕРКЕ. **1967**

Юные летописцы, ребята, путешествующие по дорогам времени, в чьих походных дневниках воскресает революционная, боевая и трудовая слава отцов и дедов, красные следопыты со всей страны собрались сейчас на слет вот сюда, во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок». Собрались,

чтобы рассказать друг другу о находках и открытиях, о поисках и загадках.

Среди других следопытов и корреспонденты «Пионера», участники операции «Цветы на бруствере», которую проводил наш журнал.

Пожелаем им всем серьезных, больших удач.

Пехлеван

Рашид РАШИДОВ

Рисунки А. ЕЛЕСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

На площади аула
Прибой людского гула,
Сюда на представленье
Явилось все селенье.

Лезгинка раздается,
Пустился горец в пляс,
И все с канатоходца
Уже не сводят глаз.

Он пляшет на канате,
И правая рука
Лежит на рукояти
Кавказского клинка.

Вот пред аулом горным,
Вновь удалью влеком,
Глаза,
как полночь, черным
Он завязал платком.

Тут Ибрагим в сторонке:
— Ответь,—
сказал сестренке,—
Я вижу явь иль сон?
Взгляни на акробата,
Вниз головой с каната
Как не слетает он?

Я не сводил бы взора
С отважного танцора,
Хоть он пляши три дня,
Но если мне приснилось
Все это,
сделай милость,
Ты ущипни меня!

Сестра на акробата
Глядит,
забыв про брата,
И, видно, оттого
На площади аула
При всех не ущипнула
Она в тот миг его.

Умолк на все селенье
Гремевший барабан.
Окончил выступленье
Отважный пехлеван.

Взял Ибрагим веревку,
Не тонкую бечевку,
А ту, что подошла,
Которой было можно
Вблизи ворот надежно
Привязывать козла.

Легла на пол веревка,
И полотенцем ловко
Глаза он завязал.
«Покуда нет сноровки,
Начну-ка с подготовки!»,
Шаг сделал — и упал.

Тут засмеялась звонко
Вбежавшая сестренка:
— Не предавайся сну.
Не та, мой братец, школа,
Вставай скорее с пола,
Давай-ка ущипну!

Перевод с даргинского
Якова КОЗЛОВСКОГО

СЕГОДНЯ В ВЫПУСКЕ: ПОДВИГ ПИОНЕРКИ • ПОВЕЛИТЕЛИ УЛИЧНЫХ ПОТОКОВ • ЧТО ПРИДУМАЛИ ХАРЦЕРЫ • ДЮССЕЛЬДОРФСКИЕ АКРОБАТЫ • ВОСЬМИЛЕТНИЕ ПИЛОТЫ • НА ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЕ.

БЛИЗНЕЦЫ

Матти и Бьёрн — близнецы. Им оба по восемь лет, но они уже умеют управлять самолетом. Научил их отец, капитан Тэлин, руководитель шведской летной школы в местности Сундвалл.

Братья почти каждый день делают учебные полеты на небольшом спортивном самолете «Цессна». Конечно, их сопровождает отец, но ведет он себя в кабине как пассажир. Мальчики самостоятельно берут старт, выполняют фигуры высшего пилотажа и только приземление им дается с трудом. Но капитан Тэлин говорит: «Не пройдет и двух лет, как ребята с этим справятся».

Близнецы ждут не дождутся, когда им исполнится восемнадцать лет, чтобы получить звание настоящих пилотов.

ПИОНЕРСКАЯ ЭСТАФЕТА

Это вовсе не игра. Юные регулировщики ГДР самостоятельно несут свою службу возле школ, на оживленных городских перекрестках. Вот какое письмо получили немецкие ребята из Будапешта.

«Дорогие девочки и мальчики ГДР! Будапештские пионеры тоже занимаются регулировкой движения на улицах и с гордостью носят белые фуражки, погоны и

ОТВАЖНАЯ НГҮЕН

Эту вьетнамскую девочку зовут Нгюен Тхи Ксuan. Школа, где она учится, стоит на берегу пограничной реки Бен Хай. Река разделяет Северный и Южный Вьетнам. Нгюен живет в Северном.

Граница все равно что фронт. Враг ведет из-за реки пулеметный огонь. Все время налетают американские бомбардировщики. И пока взрослые заняты у зенитных орудий, Нгюен и ее подруги присматривают в деревне за малышами. Ребята везде помогают взрослым. Сеют рис и пасут скот. Роют бомбоубежища, спасают от огня свои учебники и чинят — уже в который раз! — пробитую снарядами крышу школы.

Как и все ее друзья, Нгюен носит галстук. Она пионерка. Но, кроме галстука, на груди у девочки почетная боевая награда — медаль Хо Ши Мина. Нгюен — самая храбрая в школе. Она одна задержала диверсанта, который подплыл к их берегу с бомбой в руке.

В ГОСТИХ У ТАНКИСТОВ

Помните польский телевизионный фильм «Четыре танкиста и собака»? После этого фильма почти во всех школах Польши возникли «клубы танкистов». На снимке: члены такого клуба Мишек (в роли водителя танка) и собака Буцик в гостях у курсантов механизированных войск. Харцерскую форму Мишке украшает металлический кружок с пятью дырочками — знак четырех танкистов и собаки.

красные нарукавные повязки со словом «Rendezö». Мы не только охраняем наших малышей, когда они утром переходят мостовую, но и дежурим на постах после уроков. Вам, как мы слышали, не разрешают задерживать транспорт. А мы имеем на это право, записываем имена шоферов, которые не выполняют наших распоряжений. Однако это случается очень-очень редко: водители уважают нас, как взрослых регулировщиков.

Мария ВАРНОЙ

На снимке: венгерские девочки-регулировщицы.

ГОРОДСКИЕ ЗАБИЯКИ

Эти ловкие мальчишки — одна из достопримечательностей старинного немецкого города Дюссельдорфа. Говорят, что много лет назад некий маленький акробат зарабатывал здесь на жизнь тем, что на потеху толпе кувыркался среди плющади.

Времена изменились. Дюссельдорф теперь называют «дневным мешком» Западной Германии: так много тут банков и богатых фирм. Но мальчишакробатов по-прежнему можно встретить на городской площади, возле фонтана с гранитными фигурами их старинных предшественников.

Зиги, которого вы видите на этом снимке, умеет делать «колесо», не снимая роликовых коньков, да еще с воздушными шариками в руках. «Городских забияк», как в Дюссельдорфе называют маленьких акробатов, показывают туристам наряду с музеем Гете и домом, где останавливался Наполеон.

НЕОБЫЧНЫЙ МАСКАРАД

И чего только харцеры не выдумают! Во время праздника Тысячелетия Польши они переселились из обычных палаток в шалаш из тростника и городища, в которых когда-то жили их предки. Вечером у костров вдруг возникали фигуры королей, рыцарей, знаменитых лиц разных эпох польской истории.

Исторические постройки и костюмы харцеры сделали сами. Например, в Шленске они построили такую интересную деревянную крепость, что к ним стали приезжать туристы, чтобы на нее посмотреть. Старинные уборы особенно охотно мастерили девочки. Каждой, конечно, хотелось быть королевой. Почему же не воспользоваться случаем, выпавшим раз в тысячу лет? Веселья на этих необычных маскарадах было хоть отбавляй.

СЕГОДНЯ НА ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЕ— веселая минутка. Читайте шутки зарубежных ребят!

Маленький Бранко никак не может научиться сложению, и отец берется ему помочь:

— Если я дам тебе два апельсина и мама даст еще два, сколько их станет?

— Не знаю, — отвечает Бранко, — в школе мы всегда считаем яблоки.

— Джонни! — кричит из кухни мать своему сыночку. — Перестань произносить эти ужасные слова. От кого ты научился? До чего дошел, подумать только!

— Но, мама, что плохого в этих словах? Их употребляет сам Шекспир!

— Шекспир? — еще громче кричит мать. — Тогда я запрещаю тебе дружить с ним.

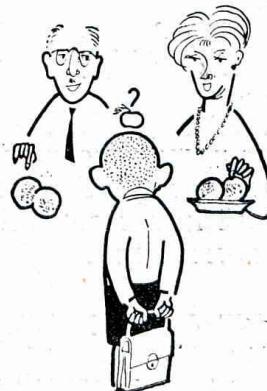
Учитель обращается к классу:

— Кто скажет, почему зимой водо становится льдом?

— Я, господин учитель! — поднимается с задней парты ученик.

— Ну, говори.

— Чтобы было где кататься на коньках!

КРЫЛЯ

печатает только тебя

Kит

По морю плыл огромный кит...
Вокруг него вода бурлит.
Огромный кит, могучий кит!
А как он говорит?

Он может лодку утопить,
Хвостом своим слона убить.
Так разве этот грозный кит
Не может говорить?

А филин по ночам кричит.
Так как же кит-то говорит?
А кит молчит.

Люба ФЛИГЕР,
12 лет, г. Днепрорудный.

Вот и кончилось лето

Вот и кончилось лето. Все в природе меняется. Холоднее рассветы, золотая листва осыпается... В поле солнечным днем нет тяжелой, палиющей жары, И до лучших времен затаились в лесу комары.

Время быстро пройдет. К нам опять возвратится тепло, Все кругом зацветет, как недавней порою цвето, Зной опять прокляну, станут вновь холоднее рассветы... И украдкой вздохну:
«Вот и кончилось лето»...

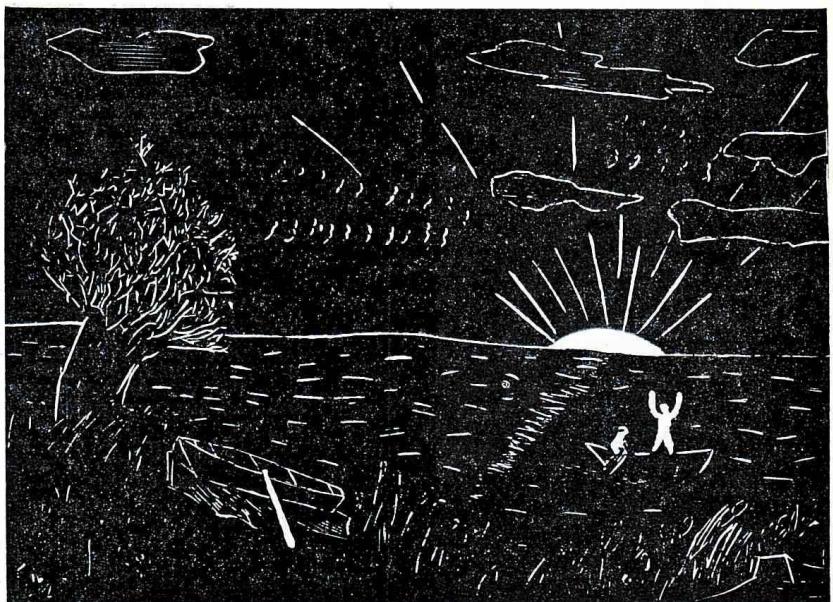
Таня МИГУНОВА, 15 лет, Ленинград.

Бал на болоте

Дождик лил,
Дождик лил,
Дождик в гости
приходил,
На болоте побывал —
И устроил карнавал!

Все под мокрым глянцем!
А у лягушек бал,
У лягушек танцы!

Оля ДАНИЛЕНКО, 12 лет.
Колхоз имени Шевченко,
Челябинской области.

ВОСХОД СОЛНЦА.

Гравюра Наташи ГРОМОВОЙ, 12 лет,
изостудия Московского Дворца пионеров.

Волшебный карандаш

Если дом нарисовать —
Засветилось бы окошко.
Если гриб нарисовать —
Взяли бы мы его в лукошко.
Если гвоздь нарисовать —
То его бы забили в стену.
А звонок нарисовать —
И наступит перемена!

Сказка про двери

Как-то в нашем доме
Заскрипели двери.
Мы понять не можем,
Что они хотят.
Заскрипели двери,
И никто не знает:
Двери ведь живые,
Двери говорят.

Ну, а двери тоже
Нас не понимают.
И куда ж понять им,
Что от них хотят?
Говорят лишь двери,
Ну, а люди просто,
Открывая двери,
Что-то там скрипят.

Марина БЕРЕСТОВА,
13 лет. Москва.

СОВА.

Гравюра Коли ГРАФОВА, 11 лет,
Московский Дворец пионеров.

РАССКАЗ О ДЕДУШКЕ

Ира КУРИЛОВА, 14 лет.
Киров.

МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ПЛОХО НАПИСАН, НО Я ПОКА НЕ МОГУ ЕГО ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ. ДЕД УМЕР ДВЕ НЕДЕЛИ НАЗАД, И ЭТО ОЧЕНЬ БОЛЬНО. НО ВЕДЬ ЧЕЛОВЕК УМИРАЕТ ЛИШЬ ТОГДА, КОГДА ЕГО ЗАБЫВАЮТ СОВСЕМ.

Очень старая трубка. На сорок лет старше меня. Маленькая, вбегая в кабинет деда, я видела: курит! Трубку зажал в кулаке, другой рукой придерживает книгу. Сидит и курит.

Дым огромными клубами поднимался к потолку — и казалось, что в комнате бродит заблудившееся дождевое облако. А под облаком читающий дед и запах табака, который я любила не меньше, чем самого деда: запах от него был неотделим.

Потом бабушка запретила ему курить — и табакерка опустела, тихо стояла на столике, до краев наполненная запахом табака, расплескивая его по комнате. Дед продолжал сосать пустую трубку, но по-старому читать не мог, поэтому однажды заметил меня.

Нет, конечно, он и раньше меня замечал. Разве можно было не замечать человека (хотя и маленько-

1
День начинался с узкой полоски света сквозь решетицу. Потом приходили крики грузчиков из порта: «Эй-гей-го! Лови-и!..» За окном шли людские голоса, медленно шелестели шаги. Потом влетал резкий голос деда:

— До вечера! Я ухожу.
У двери голос сникал, тихо улыбался, и слышалось:

— Не скучай. Береги ноги, Олененок...
Обиженно вздрогивала дверь, ботики деда щелкали ступнями...

Вот все. Ушел.
Наша комната на втором этаже. Потолок такой белый, что даже ушам холодно.

Со стены — улыбка Светлова. Пол в кабинете необычный — черный, но мне нравится. На столе трубка деда. Забыл. Кто он без нее?

го), который каждый день ломал что-нибудь?! Но до этого дня мы жили рядом — и отдельно.

Мы были словно маленькие республики. (Все люди — республики, совершившие революцию в детстве. Все, наверное, зависит от того, какая это была революция.) Я знала, что он мой дед, что он был моряком.

— Мой дед — моряк! — говорила я и видела его за штурвалом.

А в тот день он совсем по-особенному посмотрел на меня и удивился, что я его внучка, уже знающая несколько букв и кучу стихотворений.

Меня не очень интересовал дед, читающий толстые книги без картинок, но я любила его таким, каким он бывал иногда, — поющим, шагающим из угла в угол по кабинету в скрипуче-черных блестящих сапогах.

Помню смешную песенку, которую он часто пел:

Сидели два чижика-пыха
В клетке золотой.
Один сидел как следует,
Другой болтал ногой...

У нас в семье все пели.

Бабушка пела романсы, цыганские песни, пела так, что невозможно было не слушать. Я замирала с открытым ртом.

Мама пела очень веселое и быстрое. А дед знал очень много старинных песен, умел быстро подобрать

любую мелодию на гитаре и чудесно играл на скрипке.

Скрипка пела всему нашему дому.

2

— В марте понабежали ветры, — говорил дед.

Он очень странно говорил. Непонятно, как ветры могут понабежать. Но он объяснил:

— У ветра длинные ноги, у ветерка голые пятки, а лететь не всегда ветры могут. По дороге они летят — пыль столбом! А если сырой песок? Весна с дождями была, поэтому понабежали...

3

Весной он слег. Лежал в своем кабинете бледнее обычного. Скрипка молчала.

Он улыбался.

— Мне нравится болеть. Понимаешь, Ирина, одним нравится смотреть на лужи, другим — собирать грибы, а мне... мне нравится болеть... Но это пустяки. Мне уже лучше. Расскажи, что под солнцем.

А через три дня бабушка отдала мне трубку!..

И вот он лежит, такой непохожий на себя. Его руки, руки музыканта, которые выдавали любое настроение, малейшее волнение, — эти руки лежат сейчас неподвижно, словно две белые птицы, убитые нечаянно, ненароком...

Сидели два чижика-пыха
В клетке золотой...

КОТ-РЫБОЕЖКА

Н. НОСКОВА

Этот энергичный котенок — дальневосточник. Здесь, в далеком рыболовецком поселке у Комсомольска-на-Амуре, все любят рыбу — и люди, и собаки, и кошки. Когда осенью вверх по Амуру идет кета, чтобы в прозрачных горных речках метать икру, начинается настоящий рыбакский праздник. Больше всего амурцы любят малосольную рыбку. Обычно только что пойманную кету разрезают, кладут солить в бочки, а потом, растигнув деревянными распорками, вывешивают подвялить на солнце и ветре. Вот к такой рыбине и подбирается наш кот. Цепляясь когтями за бревна дома, он ловко подтянулся к ней и вцепился настоящей мертввой хваткой. Соловато, конечно, но все равно вкусно.

КОНКУРС ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

ДВА таланта

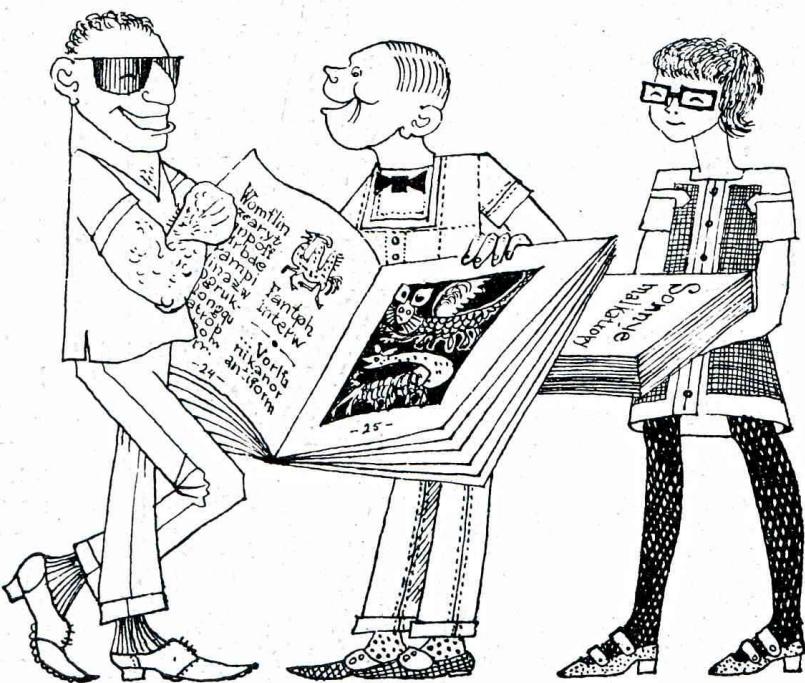
Руслан САГАБАЛАН

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ

— Фрэнк, я вас больше не задерживаю.
— Как, сэр?
— Теперь вы, с вашим ярким воображением, мне больше не нужны.
— Знаю. Вы приобрели робота?
— Я рад, что вы об этом знаете. Он способен заменить и вас и всех остальных. Вы, конечно, талантливы. Я сожалею о вашем уходе из нашего журнала. Двадцать девять долларов вы получите сегодня. Это деньги за ваш последний рассказ. Вы свободны. Позовите теперь Люценгнера.

В баре за крайним столиком сидели два молодых человека. Один из них протянул журнал другому и негромко произнес:

— А как же мы теперь? Мы не напишем?
— Брось, — сказал другой, — это же машина. Машина!

— Помнишь, ты когда-то писал о роботах. Ты учел такую возможность?

— Их возможности трудно учитывать.

— И все-таки, Фрэнк...

— Робот «К-35» видел много планет, участвовал во многих экспедициях. Ты это понимаешь?

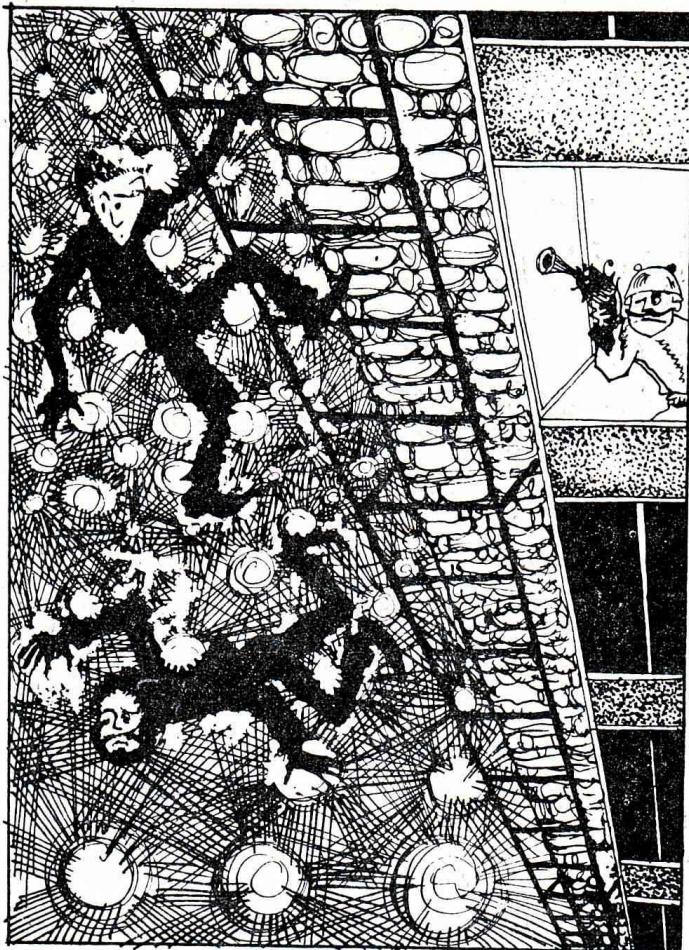
— Понимаю.

— Его нужно уничтожить, — сказал Фрэнк после некоторого молчания.

Их голоса перешли в шепот и заглушились музыкой.

— Это не робот, а гений, — сказал Питсон секретарше, протягивая ей пачку бумаги. — Вчера написал четырнадцать рассказов. — Питсон прошелся и, подойдя к своему столу,

Сторож хотел выстрелить, но они спрыгнули с третьего этажа.

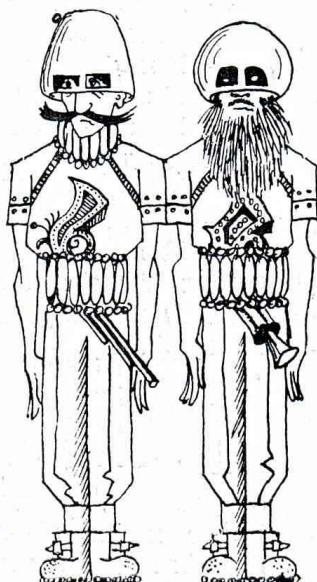
продолжал: — Но странная вчера история получилась. Сторож, которого я поставил на четвертом этаже, под комнатой Кипса, говорит, что этой ночью какие-то две тени поднимались по пожарной лестнице. Увидев их, парень хотел выстрелить, но они спрыгнули с третьего этажа. Удивляюсь, как не разбились! И убежали. Я вызвал частного сыщика, но, думаю, полиция тут не понадобится.

— Но кому понадобился Кипс, сэр?

— Фрэнк, наша идея разбилась в прах о стены редакции.

— Да, мы кое-чего не предвидели...

— Не отчайвайся, дружище. У меня есть отличный план.

— План?

— Да-да, Генрих. Гарантирую успех.

— Ну?

— Я знаю, где живет парень, который хотел тогда выстрелить в тебя.

— И что?

— Не похож ли один из нас на него?

— Нет.

— Но я буду похож на него. Это очень легко. Надо потратить всего три доллара. А ты будешь вторым охранителем. Питсон желает второго.

— Тогда все в порядке!

— То есть?

Два парня стояли в кабинете мистера Клюгера, помощника Питсона. Клюгер, всматриваясь в их лица, сказал:

— Вы должны работать всего три ночи, пока не поймают преступников. Один из вас должен быть на четвертом этаже, другой — у черного хода.

Вы, кажется, первый увидели преступников?

— Да, — ответил загrimировавшийся под сторожа Фрэнк.

— Вы будете внизу.

— Я понял. Я должен первый увидеть.

— Все. Идите. Ровно в семь.

Оба молодых человека вышли из кабинета, а мистер Клюгер уткнулся в бумаги.

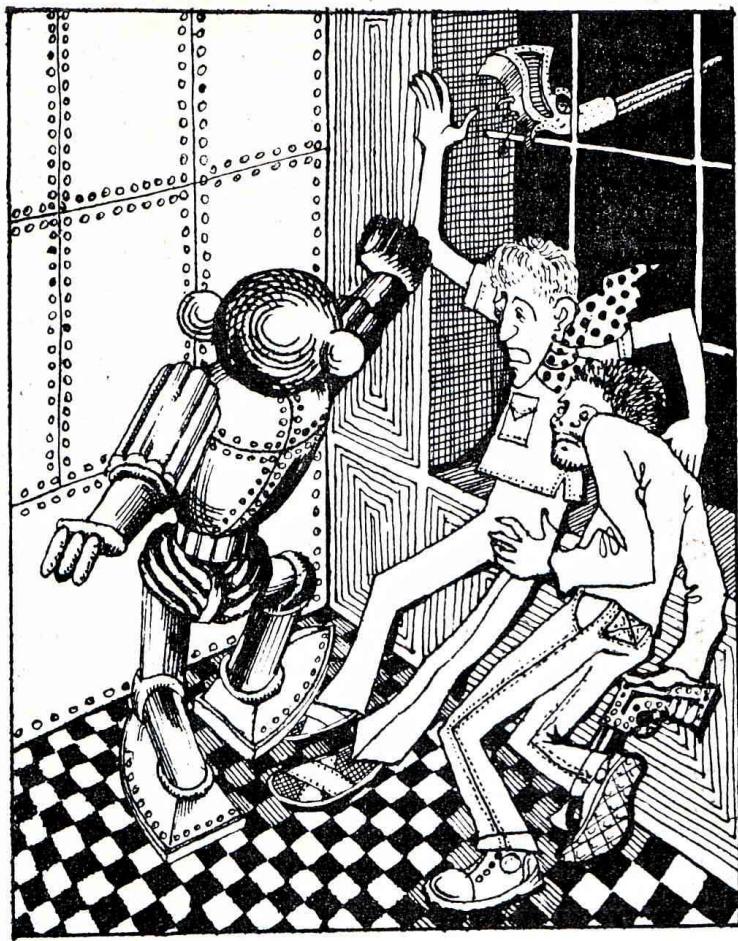
Ночью с четвертого этажа послышался тихий свист. Из крайнего окна, разматываясь, упала веревочная лестница. По лестнице поднялся человек в плаще. Через несколько секунд он оказался на уровне окна, схватился за край сломанной решетки и скрылся в темноте.

— Смотри, Фрэнк, это и есть «К-35», — раздался приглушенный голос Генриха.

Вспыхнул фонарь, и луч света вырвал из темноты железное существо.

Кипс спал. Он был среднего человеческого роста, с большими ногами, широким туловищем и толстыми короткими руками. На круглой голове его около правого глаза находилась маленькая стрелка, указывавшая на нуль.

— Вот Кипс, — прошептал Фрэнк и достал плазменный пистолет.

Ударом железного кулака робот выбил из руки Фрэнка пистолет.

Генрих шагнул вперед.

— Смотри, здесь какая-то кнопка.

— Не трогай!

— Кипс просыпается!..

«К-35» вышел из сна, посмотрел на стоявшего напротив Фрэнка, который направил на него дуло пистолета.

— Мы все испортили! — воскликнул Фрэнк.

Робот шагнул вперед и быстрым ударом железного кулака выбил пистолет из пальцев Фрэнка. Пистолет вылетел в окно. Фрэнк завыл от боли.

— Вы направляете этот аппарат разрушения на меня? У вас есть желание прекратить мое существование? — спросил Кипс.

— Мы... Мы не знаем, можно ли с вами переговорить...

— Переговорить? Со мной? О моем строении? Вам, наверно, кто-нибудь сказал, что мой мозг может не выдержать далекой...

— Нет.

— О новой экспедиции?

— Нет. Мы хотели поговорить о другом... Мы работали в этом журнале. В том журнале, в котором сейчас работаете вы...

— Фрэнк, зачем вы ему это говорите?

— Замолчите, Генрих. Я знаю, что делаю.

— Ну, вы работали в редакции, и что? — спросил Кипс.

— Мы получали деньги и жили. Жили хорошо. Мы талантливые. Но нас выгнали. Выгнали из редакции, и мы больше не можем работать...

— Почему выгнали?

— Вы заняли наше место.

— Как? Значит, это из-за меня у вас совсем нет денег и вам придется разрушиться?

— Да.

— Но зачем?! Вы же человек. И вы человек, — «К-35» показал пальцем на Генриха, — и человек погибнет из-за робота?.. Я не понимаю...

— Человек разрушается, — произнес торжественно Фрэнк и замолк.

— Но люди хорошие! Люди создали роботов. Они создали меня. Зачем они разрушаются из-за меня?

— Вы хотите, чтобы мы не разрушились?

— Я хочу, чтобы роботы не являлись причиной разрушения своих создателей. Ведь во время экспедиций мы с человеком были так дружны... Тогда я спас человека.

— Если вы не хотите, чтобы мы разрушались, вы должны не писать или писать чепуху.

— Я и не хочу писать. Я хочу в космос. Там лучше. Там легко.

— Что с роботом? — воскликнул Питсон. — Он все время говорит всякую чепуху. Не умолкая! «Человек — не робот, он не должен разрушаться из-за робота. Робот сделан человеком. Робот благодарен человеку», — вот что говорит Кипс. А что говорит профессор?

— «Переменная стадия. Очень опасная», — сказал Клюгер.

— Он так сказал? Какая еще стадия?

Вошла секретарша.

— Мистер Питсон, вам записка от Фрэнка.

— От Фрэнка?

— Да. Он просит разрешения войти.

— Зачем мне Фрэнк?! Ладно. Пусть подождет. Сейчас должен приехать профессор.

Секретарша вышла.

В кабинет торопливой походкой вошел пожилой мужчина, маленького роста, с маленькой белой бородкой. Он внимательно огляделся и заговорил:

— Где же он? Я имею в виду «К-35»! Проводите меня к нему, — взволнованно проговорил он, подойдя к Питсону.

— Сейчас вас проводят.

— Не нужно! Не имеет смысла! Кипс лежит на полу в своей комнате и не шевелится. Он не работает! — вскричала секретарша, вбежав в кабинет.

— Он покончил с собой, — уверенно сказал профессор и вышел.

Всем, всем, всем ФАНТАСТАМ
— любителям читать и писать о загадочном,
неведомом, опасном и увлекательном...
Внимание!

**КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ОКОНЧЕН**

Журнал «Пионер» благодарит всех и каждого, кто принял в этом конкурсе участие. Мы получили от вас, ребята, более тысячи рассказов, и многие из них было интересно читать. Подавляющее большинство историй, вами выдуманных, было о космосе, о путешествиях и приключениях на других планетах, и наша редакция с удовольствием отмечает, что немалое число читателей нашего журнала обладает очень изобретательной фантазией. Правда, были и подражательные рассказы, даже почти списанные со «взрослой» фантастики. Ну, а работа несамостоятельная всегда неинтересна.

Зато интересны были попытки ребят, так сказать, «предсказать будущее», то, как станут жить на земле люди «космического» века, куда приведет их наука и могущество человеческого ума.

То, что все это так интересует наших ребят, обрадовало нас. Мы решили, что постараемся еще больше рассказывать вам о современной науке и чаще будем давать в журнале фантастику.

Итак, спасибо всем-всем, кто нам написал, и...

И до новых встреч!

Журнал «Пионер»,
фантастический отдел

•ВЕСЁЛЫЕ СТИХИ•

Люсьен ЖАК

В ОГОРОДЕ

Вот за луком посыает
Меня мама в огород.
Там живет грачиха злая,
Сойка строгая живет.

Я увижу их — и трушу:
Им не нравится совсем,
Что я рву без спросу грушу
И тайком крыжовник ем...

Ой, расскажет маме сойка,
Сколько груш и яблок сколько
Я в карманы насовал,
Сколько вишенок сорвал!

Перевод с французского
Татьяны Бек.

Семен КОГАН

УПРЯМЫЙ СТЕКОЛЬЩИК

Ночью стекольщик
Во двор заходил —
Каждую лужицу
Льдом застеклил.
Утром над городом
Солнце взошло —
И потекло
Ледяное стекло.
В сумерки снова
Стекольщик придет,
Глянет на лужи —
Руками всплеснет.
Пальцем кому-то
Во тьме погрозит,
Каждую лужицу
Вновь застеклит.
Кончив работу,
Усталый и злой,
Старый стекольщик
Вернется домой.
Ляжет в постель,
Чтобы ночью опять,
Выйти на улицу —
Стекла вставлять.

В Мещерском бору

К югу от Москвы, в междуречье Клязьмы и Оки, лежит дремучее полесье — Мещёра. Когда-то тут проходил широкий пояс могучих боров, охранявший границу Древней Руси. И оттого, что Мещёра донесла до нас первобытную лесную красоту, ее очень любят поэты и писатели... Иreyята тоже.

На горке, в сосновом мещёрском лесу, над рекой Прой с таинственными темноводными заводями, расположился веселый пионерлагерь «Синева». Оттуда к нам в редакцию пришел пакет. В пакете рассказы и фотографии. Вот они.

После завтрака к нам в лагерь заглянул Дмитрий Андреевич, егерь. Он рассказал, какие на Пре водятся караси, выдры и бобры. И в это время мы его сфотографировали.

Дмитрий Андреевич — наш старый знакомый. Еще в прошлом году мы с ним ловили браконьеров. Встанем на расвете, часа в четыре, и с фотоаппаратами — на речку! Там в кустах около моста поджидаем «гостей». А они — трах-такс! — на мотоцикле пожаловали. Вынимают ружья, откidyvают полог коляски, а оттуда — здрасьте! — охотничья собака. Тут-то мы и щелка-

ем. От улики-фотографии браконьеру ни за что потом не отпереться!

В этом году наш лесной фотопатруль работает еще лучше. Мы даже устроили выставку. Там есть и снимки зверей, птиц, которых мы спасли. Некоторые из них живут теперь с нами. Это зайчонок — его мы выкордили из соски, — шесть грачей и одна белка.

Миша ФИЛИППОВ

Таких закатов, как в Мещёре, я никогда не видал. Солнце огромное и красное, как помидор. А стволы сосен почти совсем черные. Жалко, что на моей фотографии эти краски не видны.

Сережа СУББОТИН

В совхозе «Пышлецкий» мы два раза высаживали «трудовой десант». Пропаливали на огороде разные овощи. А в третий раз совхозный шофер дядя Вася повез нас в грузовике на экскурсию по совхозу.

Приехали на птицеферму. Там были куры, петухи и цыплята — будущие курицы.

Они мне понравились, но всех сфотографировать я не могла, потому что их было десять тысяч.

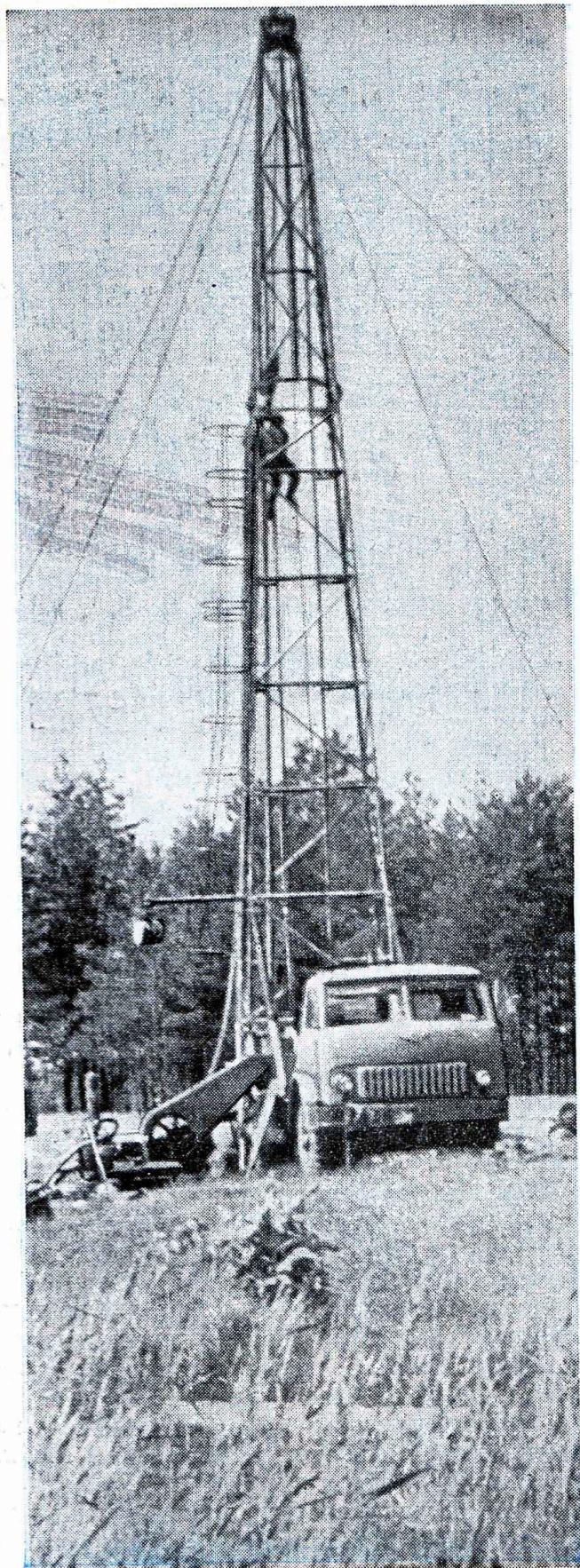
Потом мы поехали в коровник и на поле смотреть орошение. Работает оно так. Насос высасывает воду из канала (его специально провели от озера), а «душ» разбрызгивает воду на посевы. Потом мы видели корчеватель. Он корчует пни, чтобы сделать луг для коров. Это очень сильная машина.

Гая АЛЕКСЕЕВА

Это буровая вышка около Белого озера. Она роет артезианский колодец. Знаете какое Белое озеро глубокое? Больше чем сто метров глубины! И чистое, как стекло.

Про Белое озеро есть легенда. Будто стояла тут раньше крепость с большой колокольней, а когда напал на Мещёру враг, крепость провалилась, и на ее месте стало озеро. Если очень долго в озеро глядеть, то можно на дне увидеть колокольню. И даже услышать колокольный звон.

Но легенда легендой, а мы знаем, что Белое озеро ледникового происхождения. Чистая ключевая вода, которая его питает, ну-

жна домам и электростанциям. Поэтому и стоит на его берегу такая высокая вышка.

Вова КОНОВАЛОВ

ПОЛЯРНОЕ СОЛНЦЕ

из книги «ПЕСНЬ О ЯКУТИИ»

Иван ДАНИЛОВ

Отражая косые солнечные лучи, ослепительно сияют снежные просторы тундры.

Каждая снежинка играет как бриллиант.

Воздух дрожит и колеблется, рождая обманчивые видения.

Крючковатые кустарники и деревца, покрытые инеем и пронизанные солнечными лучами, выглядят сказочными букетами цветов.

Мои глаза увлажнились.

Надо успеть надеть защитные очки или опустить на глаза густую сетку.

Иначе можно ослепнуть.

Но я не спешу, потому что не люблю темные очки. Пользуюсь ими только по крайней необходимости. А главное, я не в силах оторвать взгляд от сказочных видов.

Потерплю немножко. Ничего страшного не случится. Вот доскачу до той высокой сопки, тогда и защищу глаза.

Олени бегут резво. Они, видать, тоже опьяняны весной и солнцем. Мое хорошее настроение передается им, а быстрая езда действует на меня самым возбуждающим образом.

Но вот слепящие лучи начинают покалы-

вать глаза, словно тоненькие золотые иголочки. Веки тяжелеют и пухнут.

Мне кажется, что это в глаза попадает линяющая шерсть оленей. Веки начинают закрываться сами по себе. Открыть их можно лишь усилием воли.

Больно! Протираю глаза. Никакого облегчения! Перед глазами — непроницаемая муть. Очертания гор расплываются в тумане. Не вижу даже оленей!

Что это?! Кажется, золотые иголочки, запущенные в глаза полярным солнцем, так и остались торчать там.

Доигрался! Опоздал с очками!

Чувствую, олени начинают уставать. Но бег продолжается.

Однако куда я еду вслепую?! Незрячий среди бескрайней тундры. Один, как перст!

Останавливаю оленей. Ощупью подхожу к ведущему. Он измучился, тяжело водит боками. Ехать дальше нельзя. Надо прийти в себя, дать оленям отдых, отпустить их пастись.

Отпрягаю оленей, но тут же спохватываюсь. А как потом их поймаю?!

У меня две нарты, четверо оленей. Я опять (в который раз!) везу пастухам медикаменты. Там в стаде вспыхнула болезнь, медлить нельзя. Я проскакал четыреста километров. Остается триста.

Как быть? Не отпустишь оленей — они погибнут от голода. Тогда и мне конец. А отпустишь — не поймаешь. Тоже конец. А там ждут. Болезнь может сразить все стадо.

Привязал оленей к нартам. Спотыкаясь и падая, ощупью натягиваю палатку.

Притащил железную печурку. Чиркнул спичкой. А дрова? Нет их. Откуда они могут быть?! Плюнул от огорчения. Сижу и думаю. Велика тундра. Все в ней есть, а вот дров достать и зрячemu трудно.

Но ладно, без дров еще можно обойтись, а вот как без оленей! Отпущу — уйдут. Не отпущу — погибнут.

Полярное солнце сыграло со мною злую шутку. И теперь весело улыбается: найдет ли человек выход из трудного положения?

Выход я нашел: ведущего оленя крепко привязал к нарте, а остальных отпустил пастись. Они ушли в тундру искать ягель.

Зачем я задержал ведущего? Без него остальные олени далеко не уйдут. А его я решил подкармливать хлебом, захваченным в дорогу для себя.

А сколько у меня хлеба? Дрожащими от волнения руками ощупываю вещевой мешок. Вот мерзлые куски лепешки. Килограмма полтора, не больше. Я разделил их на три равные части. Одну из собственных рук скормил вожаку, а две оставшиеся положил обратно в сумку, тщательно завязал шнуром и положил под голову.

Почему я разделил хлеб на три части? Да потому, что я смогу видеть только через трое суток. Значит, трое суток я должен подкармливать вожака оленей.

А самому чем питаться? Надеждой. Я ляжку не тяну — олени тянут. Им и надо кормиться, чтобы сохранить не только жизнь, но и силы. Мне, седоку, остается «загорать» и дышать свежим воздухом. И то полезно!

Вытащил полотенце и туго завязал глаза.

Сижу на ветру, отдыхаю. Расслабил все мышцы. Локтями оперся о колени, руками сжал голову.

Тишина. Звенит в ушах. В глазах продолжают колоться «золотые иголочки». Веки плотно закрыты и налились свинцом.

Лицо горит от загара. От лучей незаходящего солнца, отраженных снегом тундры, человек за сутки загорает до черноты. Так могут загореть только моряки дальнего плавания под палящими лучами южного солнца.

Меня начинает беспокоить голод. Надо суметь уснуть. Теперь для меня главное не столько еда, сколько отдых в темноте. Стараюсь заснуть. И сквозь полуодрему еще долго ощущаю боль.

Не знаю, сколько времени я спал. Преснулся оттого, что меня охватило какое-то тревожное чувство. Откинул одеяло, высунулся из спального мешка. Слышу, олень мой беспокоится, рвется. Проголодался. Долго же я спал! Схватился за часы, погладил рукой по выпуклому стеклу и невесело усмехнулся: посмотрим, сказал слепой. На глазах-то повязка!

Нащупал руками вещевой мешок, вытащил оттуда второй кусок лепешки, спрятал его за пазухой и выкатился из палатки. Подхожу к оленю, а он жадно тычется в меня носом. Бедняжка!

Ох, как вкусно пахнет хлеб! Но что поделаешь: все, до последней крошки, скормливаю оленю.

Отошел в сторону, помыл руки снегом, чтобы смыть запах хлеба.

Поразмявшись немножко, подышав свежим воздухом, заползаю обратно в палатку. Разделясь и снова лег в постель. Меньше движений! Меньше света! Одолеть голод!

А как вкусно пахнет хлеб! Вся палатка им пропахла. Я завернул остатки лепешки в старую телогрейку и отставил все это подальше от себя — чтобы не пахло.

Так прошли сутки. Вторые. Это были неимоверно тягучие сутки.

На исходе дня я вышел из палатки и стал сзывать оленей. Скоро они подошли. Значит, с ведущим они связаны крепкими нитями. На радостях я скормил ему последний кусок хлеба и крепко заснул.

Проснувшись, я снял повязку. Потрогал руками веки. Опухоль прошла.

Надо открыть глаза. Увижу ли свет?

Сердце замерло от ожидания. Что будет?!

Делаю усилие и открываю глаза. Вижу!

Пополз к выходу и осторожно приоткрыл полог. В глаза больно ударил ослепительный свет. Я поспешил отступить назад.

Одеся. Нацепил темные очки. Прежде чем выйти, надо дать глазам привыкнуть к свету. Жду долго, терпеливо.

Наконец вышел из палатки. Сделал несколько шагов, пошатнулся и едва устоял на ногах. Присел на нарты. Сижу и прислушиваюсь к собственному дыханию, к биению сердца, к безмолвию тундры, к тихому шагу весны.

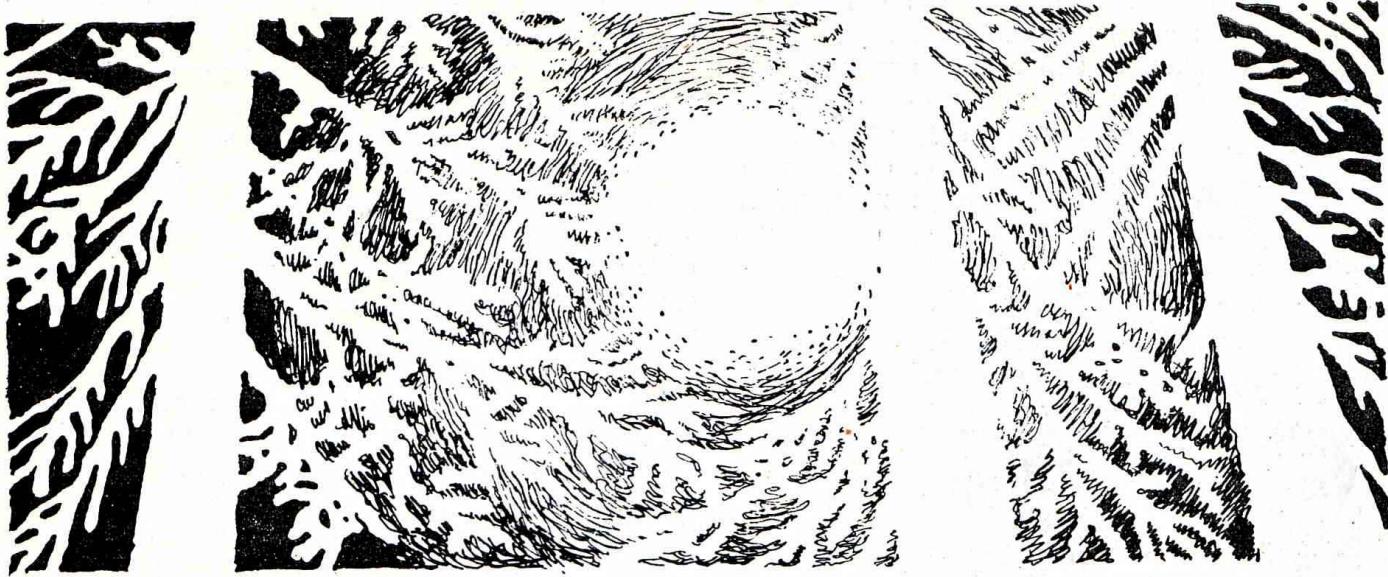
Стал сзывать оленей. Чтобы подбодрить им бодрости, помахал мешочком соли.

Пока олени вылизывали соль, я сложил свой скарб на нарты и крепко стянул его веревкой. Пристегнул оленей к нартам и тронулся в путь. В лицо полетели комья снега.

Вперед, ведущий! У нас срочное дело. Я

уже никогда не повторю своего легкомысленного поступка. Солнце есть солнце. С ним щутки плохи. У нас в тундре это понимается быстрой, чем где бы то ни было.

ЛЕДОВАЯ ТРАССА

Луна купается в холодном тумане. Деревья, покрытые пушистым снегом и серебристым инеем, выглядят великанами. Скалистые горы упираются в ночное небо.

Свирепствует шестидесятиградусный мороз. Холодный воздух жжет, как раскаленное железо. От стужи обламываются ставшие хрупкими ветки. Земля содрогается от частых ударов, как будто в ее глубоких недрах трудится целая армия взрывников. Трещат льды.

Дыхание вырывается изо рта белым облачком и щелестит как сухое сено.

Это путешествие не сравнить с тем, о котором я только что рассказал. Это намного тяжелей и опасней.

Нарты передвигаются медленно, глубоко врезаясь в снег. Олени высунули языки и тяжело водят боками. Их приходится часто останавливать, иначе они могут погибнуть, застудив языки.

Неопытные седоки подвергают оленей смертельной опасности, погоняя их в такие морозы без остановок.

Сильный мороз, глубокий снег, гористая местность затрудняют передвижение, но нам не привыкать ко всему этому. По таким дорогам наши отцы и матери нас в кожаных люльках возили, и все же мы выжили.

Самое трудное ждет нас впереди.

С обрыва нарты соскальзывают на ровную поверхность застывшей реки. Оленим стало легче, нам — нет. Встречный ветер сечет лицо стальными прутьями.

Холодный воздух с каждой минутой сгущается все больше и больше. Вскоре нас поглотил густой молочный туман.

Омукchan, ехавший впереди, остановил своих оленей. За ними послушно встали и все остальные. Я спрыгнул с нарты и ощупью, словно слепой, направился к товарищу.

Ничего не видно. Подошел ближе и услышал, как он ласково похлопывает ведущего оленя по спине, смахивает с него снег, очищает ото льда его ноздри. Потом он положил в рот оленя кусочек черного хлеба и горсть соли.

Так Омукchan подбадривал и просил другого оленя не бояться опасностей и не подвести в трудную минуту.

Я вернулся к своим оленям, тоже прислал и подкормил их. Они чутко прислушивались к дыханию ведущего и, чувствовалось, были готовы следовать за ним хоть на край света.

Большую роль играет ведущий олень, пре восходящий всех по силе и быстроте, смелости и бесстрашию. Это умный друг человека, который очень часто помогает ему преодолеть трудности и опасности, спасает от многих бед и неприятностей.

Наконец Омукchan бодро гикнул. Олени тронулись. Я на мгновение застыл, прислушиваясь к скрипу полозьев, затем прыгнул на свои нарты.

Туман сгущался все больше. От него даже слышимость понизилась. Голос Омукчана долетает до меня приглушенным. Теперь скрипа полозьев не слышно вовсе. Дивлюсь, каким образом мой друг находит дорогу. Время от времени он приподнято-молодецким голосом покрывает на оленей. Это, я знаю, он делает для того, чтобы ободрить меня.

Оленями я почти не правлю. Они сами хорошо чувствуют приближение серьезной опасности и изо всех сил стараются не отстать от ведущего. Вместе лучше. Отставший олень делается жалким и

беспомощным, его сейчас же охватывают страх и смятение.

Скоро я понял, что молочная муть, которая поглотила нас со всеми оленями и нартами, — это уже не туман, а застывшие водяные пары. Надо сдерживать дыхание, чтобы не поперхнуться ими. Такие они плотные!

Неожиданно нарты осели. Вместе со снегом. Олени, тяжело дыша, замедлили ход. Я спрыгнул с нарты и схватился за дужку, чтобы помочь им.

Под ногами вода!

Снег продолжает оседать. Вода становится глубже и глубже. Вот она уже заливает нарты. Наш охотничий скарб начинает мокнуть.

Дно скользкое, ледяное. Ноги скользят и разъезжаются. Олени то приседают на задние ноги, то ударяются головой об лед, разбивая в кровь губы.

Нарты превратились в ледяную глыбу. Олени звенят сосульками. Одежда покрылась ледяной коркой, которая от моих движений потрескивает и хрустит.

Главное теперь — не застрять, иначе вмерзнем в лед.

Вперед, не сворачивая и не останавливаясь! Только вперед, хотя бы по пояс в ледяной воде!

Напряжение достигает предела.

Вода поднимается выше колен.

Идет молчаливая борьба между жизнью и смертью. Ни крика, ни разговоров, ни команды. Слышно только надрывное и судорожное дыхание оленей и двух обледеневших людей.

Неужели придется плыть? Это грозит гибелью.

Вскоре вода очистилась от снега. Обнаружилось встречное течение. Нарты поплыли. То боком, то вверх полозьями. Течением их относит в сторону. А это очень опасно: можно потерять направление.

Но олени с пути не сворачивают. С высоко поднятой головой, нервно подрагивая кончиками коротких хвостов, они, подчиняясь малейшему движению человеческих рук, осторожно ступают по скользкому дну. Они, кажется, готовы на все, чтобы одолеть разыгравшуюся стихию и помочь двум измученным людям вырваться из ледяного плена.

Жестокий холод выжимает из моих глаз редкие слезинки, которые тут же скатываются ледяными шариками.

Мы утратили чувство времени. Нам кажется, что прошла целая вечность. Но конца пути не видно. Сколько может длиться это нечеловеческое напряжение всех наших физических и душевных сил?!

Ох, зазевался! Споткнулся и упал. В который раз! Быстро поднимаюсь и — о радость! — чувствую под собой не скользкое дно реки, а твердую землю, покрытую пушистым снегом.

Изо всех сил бегу за оленями, спотыкаюсь, падаю, поднимаясь и вновь бегу. Ноги мои похожи на тяжелые снежные тумбы! Кухлянка превратилась в толстый ледяной панцирь!

Омукчан выбрался на сухое место и остановил оленей. Добираюсь до него, напрягая последние силы. Упираемся друг в друга разгоряченными мокрыми лбами. Наше прерывистое дыхание сливается. Стоим, качаемся. Мы живы!

Первый тревожный вопрос: не попала ли бода в унты? Они у нас длинные, из оленьих лап, хорошо сшитые умелыми руками наших матерей. Сухие! Значит, не замерзнем.

Натянуть палатку! Разжечь костер!

Несгибающимися пальцами отпрягаем оленей и отпускаем их на волю. Увязая в снегу, с трудом набираем две охапки хвороста. Разжигаем костер. Спички, спрятанные за пазуху, не отсырели.

Где же палатка? Она примерзла к нарте. Рубим ремни и откалываем ее. А как ее развернуть? Топчем бедную ногами, колотим палками. Мороз сковывает движения, схватывает нас железными обручами.

Не знаю, сколько времени длилась лихорадочная возня с палаткой, но все же мы натянули ее. Глянули на свою работу и изумились: не палатка, а ледяной чум!

Освободили от льда железную печурку и установили ее в палатке. Затопили.

С нас потекли веселые ручейки. А над нами густой пар. Со стороны огня одежда пахнет горелым, а с противоположной — быстро смерзается. Крутимся, поворачиваясь к теплу то спиной, то грудью.

От пережитого так и тянет ко сну.

Хочется заснуть тут же, стоя, не подумав даже о постели. Но этого делать нельзя. Нельзя поддаваться слабости. Надо как следует обсушиться, подкрепиться и улечься спать так, чтобы не простыть.

Растопили снег, вскипятили чаю, сварили мяса.

Пахнущая дымом кружка горячего чая и кусок недоваренного мяса с кровинкой — что может быть вкуснее?!

От горячей пищи по всем жилам потекло расслабляющее тепло. Мы блаженствовали. Нам так повезло! Искупались среди зимы в ледяной воде тарына и вышли из него сухими. Не потеряли даже оленей. Опасности позади. Впереди, мы уверены, удачная охота.

Ложе соорудили из веток сосны. Раздевшись догола, залезли в спальные мешки.

Тишина. Олени ушли далеко в тайгу кормиться. Не слышно даже бубенцов.

За палаткой шуршит холодный воздух. Это звезды шепчутся и дуют от холода в ладоши.

А тарын не замерзает, над ним висит густое облако водяных паров и плотного тумана.

Вот так мы преодолели Улахан-тарын — Большую Момскую наледь.

Из глубин земли бьют здесь мощные потоки теплых вод, заливая русла рек и их долины. Выходы теплых вод то прекращаются, то возобновляются. Только мороз скует очередное наводнение, как на образовавшийся ледяной панцирь выливаются новые потоки.

Улахан-тарын — это огромное ледяное поле площадью более ста квадратных километров. По своим размерам он уступает лишь самому большому на свете леднику Федченко, что на Памире. Толщина льда достигает пяти-шести метров. Такие толщи льда за короткое лето не успевают растаять.

Тарын очень красив зимой. При шестидесятиградусных морозах он покрыт водой и окутан густым туманом. А в жаркие летние дни тарын блестает среди зелени своими льдами.

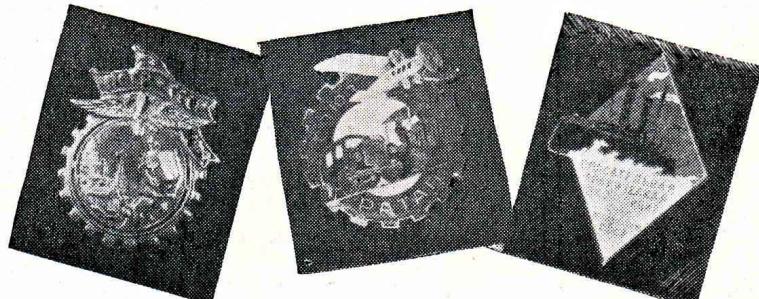
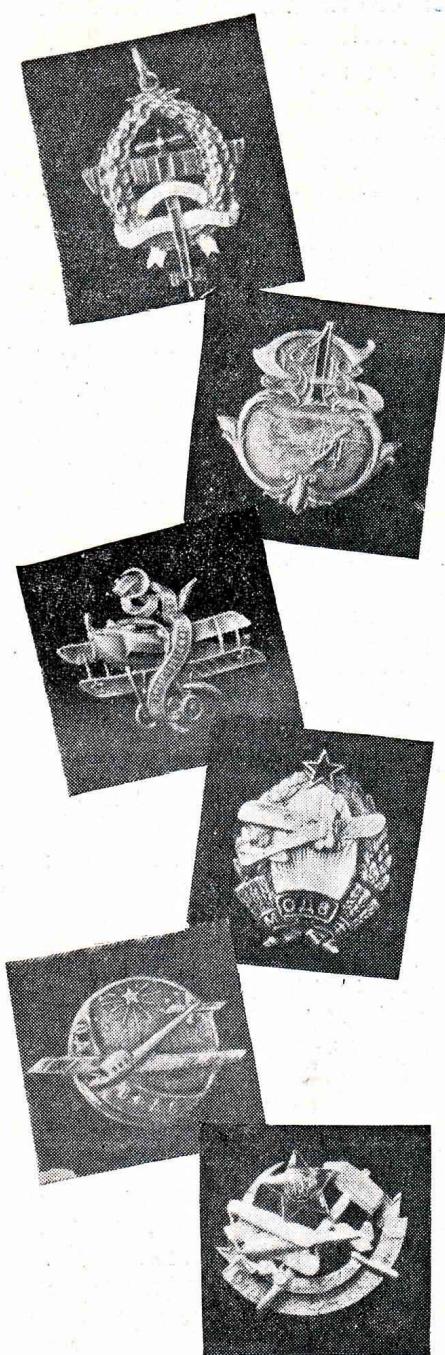
Тарынов у нас много. Ученые изучают происхождение, химический состав и полезные свойства тарынных источников. Они пытаются узнать, какие породы залегают под тарынами, какие болезни можно излечивать с помощью тарынных источников, как можно использовать тарынныe воды в хозяйственных целях.

Изумительны по своей красоте и прямые родственники тарынов — ледяные горы Якутии. Особенно труднодоступная Мус-Хая. У подножия этой громады расположились избушки, которые служат базой для ученых, а на ее вершине находится метеостанция.

Как знать, может, скоро здесь, у тарынных источников и ледяных гор, воздвигнут комфорtabельные курорты?

Перевел с якутского
Р. ХАКИМОВ

Сила России— воздушный флот

Эти значки — своеобразная история нашего воздушного флота. Их принес к нам в редакцию коллекционер М. Саукке. Вот что он рассказал о них:

1. «Сила России — воздушный флот». Значки с такой надписью были выпущены в дореволюционной России. Их получали те, кто отдавал свои сбережения на постройку самолетов.

2. С 1911 года и до начала первой мировой войны созывались всероссийские воздухоплавательные съезды. На одном из них выступил с докладом о результатах своих работ замечательный русский ученый Н. Е. Жуковский. Этот значок посвящен первому съезду.

3—5. Расцвет русской авиации начался после Октябрьской революции. Еще не закончилась гражданская война, а в крупных городах страны стали возникать ячейки Общества друзей воздушного флота — ОДВФ. Члены общества носили вот такие значки: 3 (северо-западное отделение), 4 (московское), 5 (далnevосточное).

6—7. Работа общества шла под лозунгом «Трудовой народ, строй воздушный флот». Воздушный флот Страны Советов рос и становился все могущественнее. Эти значки — память о двух больших перелетах советских авиаторов: 6 — в Пекин и 7 — в Токио.

8—9. Эти два значка вам будут понятны не сразу. Первый из них носили рабочие — члены профсоюза транспортных рабочих СССР (1919 год). Посмотрите, какой тогда был транспорт в стране: на значке, правда, есть и авиационная эмблема — крыльшки и пропеллер, но зато рядом с ними подкова и грузчик с тяжелой ношкой. Второй значок выпущен в 30-е годы профсоюзом работников авиационной, транспортной и автомобильной промышленности. Видите, изменилось даже самое название организации! И на значке уже нет подковы с грузчиком, рядом с самолетом нарисованы первый советский автомобиль и трактор.

10. В 1928 году весь мир с волнением следил за итальянской полярной экспедицией Нобиле. Возвращаясь на дирижабле «Италия» с Северного полюса, она потерпела катастрофу. Мало кто верил тогда в мире, что наша молодая страна поможет погибающим. Но посмотрите на значок: советский ледокол «Красин» подобрал всех оставшихся в живых членов экипажа. Вверху справа на этом значке — маленький самолет. Это отважный полярный летчик Б. Г. Чухновский летит на поиски трех членов экспедиции, ушедших из лагеря Нобиле без радио. Чухновский разглядел в ледяных просторах две точки. Двое были спасены, третий погиб.

ВНИМАНИЕ! ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ!

На днях нам позвонили наши друзья — красные следопыты из пионерского лагеря «Дружба».

— В пятом номере вы поместили фотографию юного разведчика. Сначала предполагалось, что это Тимоша Гиль. Мы знаем имя смелого парнишки — Петя Шавня. В начале войны ему было всего двенадцать лет. В Можайском районе, где он жил, действовало два партизанских отряда — «Южный» и «Северный». Петя стал связным этих отрядов. Комиссар партизанских отрядов Иван Михайлович Скачков рассказывал нам, каким смелым, находчивым, умным бойцом был Петя. Петр Шавня жив, он живет сейчас в городе Фрунзе.

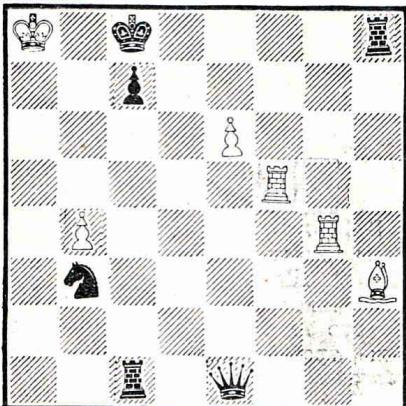
СПАСИБО, ДРУЗЬЯ! ЖЕЛАЕМ ВАМ НОВЫХ УСПЕХОВ, ИНТЕРЕСНЫХ ПОИСКОВ И НАХОДОК!

ПЕШКИН ОТВЕЧАЕТ ДРУЗЬЯМ

Вот какую занятную позицию приспал Пешкину оруженоце шаха **Витя Шевелев** из города Новосибирска.

«Если здесь ход черных, то они, конечно, легко выигрывают, — пи-

шет Витя. — А вот как может сложиться игра при ходе белых?»

В самом деле, черные при своем ходе сразу могут решить исход сражения. После шаха ладьей на a1 далеко забравшийся белый король неизбежно получает мат.

Интересную комбинацию нашел хитрый Пешкин в том случае, если игру начинают белые. Эта комбинация понравится всем вам, ребята.

Батарея белых фигур открывает огонь ходом 1. Lg8+! После 1. ... L:g8 неожиданно приносит себя в жертву и вторая ладья. 2. Lf8+! Приходится брать и эту ладью, но в ответ на 2. ... L:f8 скромная пешка e6 идет вперед. 3. e6—e7+ и черный король на следующем ходу получает мат.

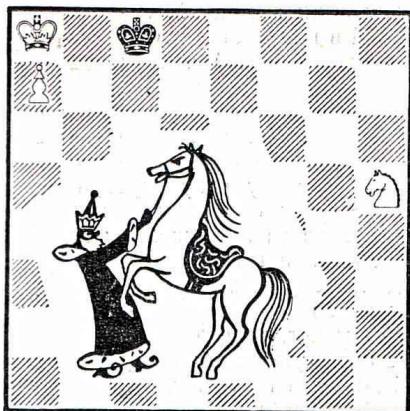
У шахматистов есть шутливая поговорка: «Шах — это четверть мат», В данном случае эта поговорка находит свое подтверждение.

А вот вторая позиция похитнее! Ее получил Пешкин от москвича **Саши Мухина**. Саша пишет, что у него возникло такое положение в турнирной партии и, несмотря на большой материальный перевес, ему не удалось выиграть. Он спрашивает у Пешкина, как же ему надо было играть.

Будь на твоем месте, Саша, даже самый прославленный гроссмейстер, он не смог бы выиграть

своего короля из железной клетки в углу.

Конечно, лишь в том случае, если в позиции на диаграмме ход белых.

Здесь вступает в действие геометрия шахматной доски. При своем ходе конь становится на черную клетку, и король занимает черное поле с7. Следующим ходом конь станет на белую клетку, король уйдет на белое поле с8.

Конь не в состоянии оттеснить черного короля.

Другое дело, если бы игру начинали черные. Тогда возможен вариант 1. ... Krc7 2. Kf6 Krc8 3. Ke8 и после 3. ... Kpd7 решает 4. Kpb7.

СООБЩЕНИЕ ПЕШКИНА

Судейская коллегия конкурса закончила свою работу. Более трехсот оруженоцев шаха получили спортивные разряды. Поздравляем победителей нашего соревнования!

Встречи с тремя неизвестными

Этот отрывок мы взяли из второй части известной всем книги Сервантеса «Дон-Кихот». Санчо Панса некоторое время был губернатором острова, и ему приходилось разбирать тяжбы и решать нелегкие задачи. Вот как он решил одну из них.

Санчо так мучился от голода, что в сердце своем проклинал и губернаторство и даже того, кто ему его пожаловал; тем не менее, покушав варенья и оставшись голодным, он и в этот день занялся судопроизводством, и первым делом явился к нему один приезжий, который в присутствии майордома и прочей челяди заявил следующее:

— Сеньор, по владениям одного вельможи протекает многоводная река, разделяющая их на две части. (Я прошу вашу милость выслушать меня внимательно, ибо дело это важное и несколько запутанное.) Так вот, через эту реку переброшен мост, и около него стоит виселица и нечто вроде судилища, в котором обыкновенно заседают четыре судьи, наблюдая за выполнением закона, изданного владельцем реки, моста и поместья и глясящего следующее: «Каждый, переходящий по мосту с одного берега на другой, обязан под присягой заявить, куда он идет и с какой целью; и, если он скажет правду, его пропускают дальше, если же солжет, то его без всякого снисхождения лишают жизни, вздернув на стоящую рядом виселицу». С тех пор суровые условия этого закона стали всем известны, много людей переходило через мост, и как только выяснялось, что, поклявшись, они говорили правду, судьи позволяли им свободно следовать дальше. Но однажды случилось, что некий человек, приведенный к присяге, поклялся и заявил, подтверждая слова своей клятвой, что он пришел сюда для того, чтобы его повесили на этой виселице. Клятва эта смущила судей, и они сказали: «Если мы позволим этому человеку свободно проследовать дальше, то выйдет, что он поклялся ложно, и в таком случае, согласно закону, должен умереть; если же мы его повесим, то ведь он поклялся, что явился сюда для того, чтобы его повесили; следовательно, клятва его правдива, и, согласно тому же закону, он должен быть отпущен на свободу». И вот я вас спрашиваю, ваша милость, сеньор губернатор, что делать судьям с этим человеком, потому что они и по сей час пребывают в смущении и нерешительности. Прослышиав о высоком и проницательном разуме вашей милости, они послали меня к вам, дабы я от их имени попросил вашу милость дать ваше заключение в этом запутанном и неясном деле.

На это Санчо ответил:

— Право же, эти сеньоры судьи, пославшие вас ко мне, отлично могли бы этого и не делать, потому что я человек скорей тупой, чем проницательный; а впрочем, изложите-ка мне еще раз ваше дело так, чтобы я его хорошенько понял; может быть, мне и удастся попасть в самую точку.

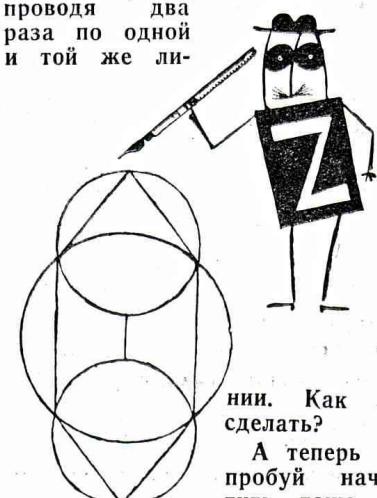
Посланый снова повторил то, что он уже сказал раньше, и тогда Санчо заявил...

(О том, какой выход нашел Санчо из этого трудного положения, вы узнаете в следующем номере.)

Одним росчерком пера!

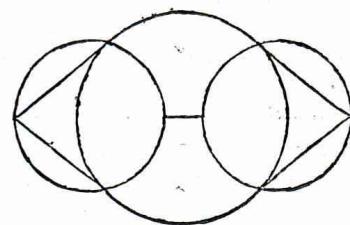

Перед тобой две довольно сложные фигуры. Первую нужно начертить одним росчерком пера, то есть не отрывая пера от бумаги и не проводя два раза по одной и той же ли-

ни. Как это сделать?

А теперь попробуй начертить тоже одним росчерком пера вторую фигуру. Не получается? Как ты думаешь, почему?

„Счаст- ли- вые“ БИЛЕТЫ

В Швейцарии автобусные билеты имеют номера от 000 001 до 999 999. Швейцарцы считают, что среди них есть «счастливые» номера: это те, у которых сумма первых трех цифр равна сумме последних трех. Докажи, что сумма всех таких «счастливых» номеров делится на 13.

Все, кто старается не пропустить ни одной «Встречи с тремя неизвестными», уже видели в «Пионере» отозвы на задачи мартовского и даже апрельского номеров. Задачи апрельского номера решили еще не все — письма все идут. Поэтому сегодня наш разговор о тех ребятах, кто прислал решения по мартовскому номеру. Писем было много — из разных концов Советского Союза и даже из-за рубежа. Кто же был лучшим? Трое неизвестных единодушно назвали пятиклассника Володю Шинкина из города Калининграда, Московской области.

Володины ответы были не просто правильными, он, как говорят математики, красиво решил все задачи конкурса. А это значит: точно, толково, кратко.

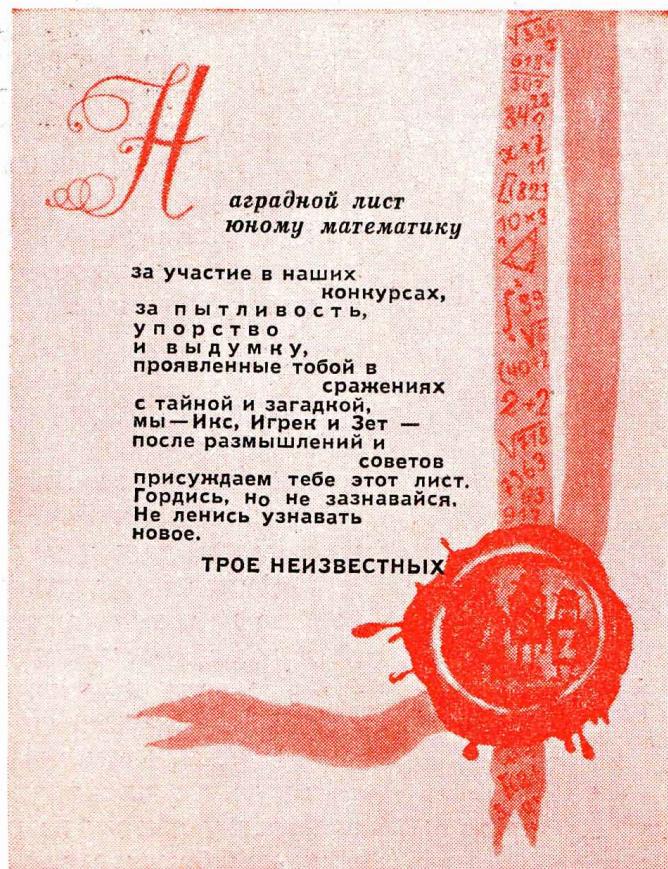
Чуть-чуть отстал от Володи Шинкина его тезка — Володя Норин из 429-й московской школы. Ему не далаась только трудная задача про грибников — а ведь он учился (когда решал задачи) в 4-м классе! Володя просто молодец. Нам понравился его рисунок к ответу на задачу о Швамбрании — очень красиво он ее нарисовал.

А что касается задачи про грибников, которая почти никому не удалась, — ее решил правильно, кроме Володи Шинкина, еще шестиклассник Коля Трунов из Москвы.

Больше всего писем пришло с ответами на задачу «Снова хитрые мыши». Писем было так много, что перечислить ребят здесь просто невозможно. Это были забавные и нетрудные задачи, и с ними справились многие.

Володя Яблочкин из Азербайджана, семиклассник Саша Дрябо из села Франк, Волгоградской области, пятиклассник Саша Вакман из города Тарту, Лиза Талагута из Донецкой области и другие ребята правильно решили задачу «Кто больше?». Они нашли верный ответ: 21 квадрат.

Задачу про 27-значное число лучше всех решили

*Икс, Игрек и Зет сообщают:
все, кто успешно участвовал в наших конкурсах и
решал задачи трех неизвестных, получат на память
вот такую грамоту.*

семиклассницы Попова и Молькитина из Улан-Удэ. Жаль только, что в письме они не назвали своих имен.

Только в очень немногих письмах с правильными ответами на задачу «Где построить школу» были полные решения. Успешно справился с обеими задачами про школу Валерий Циммерман из г. Губаха, Пермской области. Вторую из них правильно решил шестиклассник Миша Файн из г. Пушкино, Московской области, и Люба Храмцова из Тункинского района, Бурятской АССР.

Трое неизвестных очень рады, что многим ребятам понравились математические встречи. Будем их продолжать! Просим всех друзей Икса, Игрека и Зета стараться быть похожими на настоящих математиков — присыпать полные решения (не только ответы!), писать ясно, толково, искать остроумные решения!

До новых встреч!

Вести со дна морского

Все вы, вероятно, читали о подводных лодках, которые месяцами странствуют под полярным льдом или лежат на морском дне. А недавно я видел снимок такого подводного дома, в котором ученые спокойно живут и работают, по неделе не поднимаясь на поверхность.

Очень может случиться, что в недалеком будущем появятся постоянные морежители. Они построят подводные города, заводы, магазины, театры. Вокруг подводных деревень раскинутся подводные поля и огороды. На подводных грядках будет расти морская капуста, на подводных лугах приученные дельфины будут пасти стада особо жирных рыб, а на подводных фермах будут метать икру осетры и белуги.

Ребята будут здесь ходить в подводные школы, и юннаты в «живых уголках» станут разводить не ежей и белок, а морских уточек и морских коньков.

Жить под водой людям будет так же удобно и интересно, как теперь на суше, и никого не будет удивлять такая, например, «сводка погоды» по подводному радио:

«Завтра с утра ожидается мутная погода; течение южное, от умеренного до сильного; температура воды на глубине двадцати метров плюс десять — двенадцать градусов».

Обо всем этом я прочел в книге писателя **Николая Сладкова** «Подводная газета».

Впрочем, о том, что вся нынешняя земная жизнь началась когда-то в воде, я знал и раньше. Но книга мне напомнила, что наше тело наполовину состоит из воды, что наши руки и ноги — это бывшие грудные и брюшные плавники рыб, что легкие образовались из плавательного пузыря, а кровь и до сих пор такая же соленая, как морская вода. Что когда-то вся нынешняя суша была морским дном, а на самой высокой земной горе Джомолунгме все еще можно найти остатки раковин и кораллов.

Автор книги убежден, что когда-нибудь мы освоим морское царство. И хотя это произойдет, по-видимому, не очень скоро, он решил, что пора нам поближе познакомиться с подводным миром.

Книга «Подводная газета» очень интересна. До нее я и не подозревал, что о жизни акул и осьминогов, китов и тюленей, карасей и колюшечек, черепах и тритонов, медуз и морских звезд можно рассказать столько любопытного.

Мне захотелось привести здесь несколько примеров. Но, когда я начал перелистывать книжку снова, я убедился, что для этого придется переписывать ее всю, страница за страницей. Потому что каждая статейка или рассказик содержит совершенно неожиданные и удивительные сведения.

Вот сразу же мы узнаем, что у щуки зубы растут не только на челюстях, но и на нёбе, на жабрах и в глотке, и она всю жизнь меняет их на новые, еще более острые. Что по чешуйкам любой рыбы всегда можно увидеть, сколько ей лет. Или что крошечный паучок-циклон дышит... ногами, а червь-трубочник дышит спиной, животом, поясницей и всеми своими боками.

Интересно? А ведь это только на двух страницах, а их в этой книжке больше трехсот.

Обязательно прочтите!

А. ДОРОХОВ

КНИГИ О ПРИРОДЕ

Дорогая редакция!

Я очень люблю природу и наблюдаю за животными. У меня еще и сейчас живут три ручных зайчика, которых я поймал во время уборки. Очень хочу стать охотником-натуралистом. Это моя мечта и цель. Посоветуйте, пожалуйста, как мне добиться этой цели.

Виталий Мазик,

Омская область.

Многие ребята пишут, что очень любят природу. Любят наблюдать животных, насекомых, рыб и птиц.

Лес, поле, река, озеро хранят множество тайн. Научиться разгадывать их вам помогут книги о природе.

«ВЕСТИ ИЗ ЛЕСА»

Много лет подряд звучала по радио знаменитая «Лесная газета» ВИТАЛИЯ БИАНКИ. Месяц за месяцем рассказывал писатель о том, что увидел в лесу, какие подслушал разговоры птиц, зверей. В книге «Вести из леса» собраны самые интересные рассказы, сказки, очерки, письма ребят, вошедшие в «Лесную газету».

«ПО САДАМ И ПАРКАМ МИРА»

Парки Древнего Рима совсем не похожи на парки и сады средневековья и нашего времени. В книге профессора Н. М. ВЕРЗИЛИНА рассказана история знаменитых древних парков, китайских садов, удивительных искусственных лесов Франции, Англии, России.

Эта книга поможет вам устроить красивый сквер и цветник во дворе, в школе, в пионерском лагере.

Очень пригодятся вам летом и другие книги Н. М. Верзилина — «ПО СЛЕДАМ РОБИНСОНА», «КАК СДЕЛАТЬ ГЕРБАРИЙ», «ПУТЕШЕСТВИЕ С ДОМАШНИМИ РАСТЕНИЯМИ».

«РАССКАЗЫ НАТУРАЛИСТА»

Глаза натуралиста видят много необычного. Автор этой книги профессор П. МАНТЕЙФЕЛЬ рассказывает о своих многочисленных путешествиях по тайге и пустыне, о смешных проделках медведей и о свирепых питонах, о самых неожиданных встречах с животными.

«ГРЕБЕНЬ БУЙВОЛА»

Как живут киты? Почему у жирафы такая длинная шея? Где живет рыбка ползун? Как у ящерицы вырастает новый хвост? Что такое гребень буйвола?

Обо всем этом и о многом другом вы узнаете, прочитав эту книгу Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВА.

«ПОЛНОЕ ЛУКОШКО»

Наверно, каждый из вас мечтает вернуться из лесу с полной корзинкой грибов.

В книге Н. НАДЕЖДИНОЙ рассказано о многообразном грибном царстве. Прочитав ее внимательно, вы сможете отличить съедобный гриб от поганки, научитесь находить самые грибные места. Автор дает настоящий поэтический путеводитель по грибному царству.

А вот вторая книга Н. Надеждиной, называется она «КАЖДОЙ БЫЛИНКЕ БРАТ».

Тут вы прочитаете не только о человеке, который действительно каждой былинке брат. В этой книге вы встретите рассказы о том, как кошка попала в боги, о памятнике гусенице, о бобрах на крыше, о скрете полевых цветов, о ягодных адресах, найдете в ней много интересных загадок, справок, историй.

КНИГИ О ПРИРОДЕ

КНИГИ О ПРИРОДЕ

«ЗОЛОТОЙ ЛУГ»

Михаил Михайлович ПРИШВИН с особой пристальностью всматривался в окружающий мир, умел замечательно передать свои наблюдения, ощущения от встреч на звериных тропах.

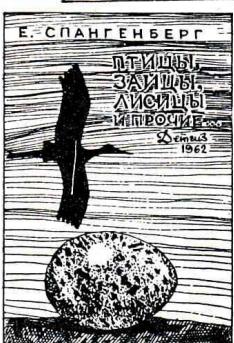
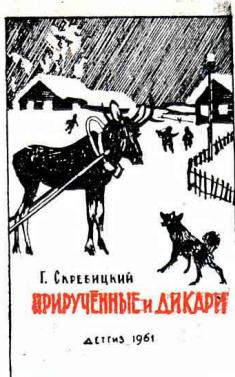
Прочтите рассказы «Разговор птиц и зверей», «О чем шепчутся ряки», «Разговор деревьев» и другие — и вы поймете, как необыкновенен окружающий вас мир.

«ПРИРУЧЕННЫЕ И ДИКАРИ»

Рассказы и повести Г. СКРЕБИЦКОГО о животных очень нравятся ребятам. Животные в его рассказах — настоящие герои. Добрые и привязчивые, проказливые и непослушные — словом, наши друзья.

«ПТИЦЫ, ЗАЙЦЫ, ЛИСИЦЫ И ПРОЧИЕ...»

Евгений Павлович СПАНГЕНБЕРГ — учений-орнитолог. В своей книге он рассказывает о жизни ласточек и зимородков, кукушек и погонников, перепелов и гусей...

Содержание

Ключ к номеру	1
Чистые камушки.— Повесть А. Лиханова. Рисунки Е. Шукаева	2
Песенка всех детей.— Стихи Г. Витеза. Перевед с сербскохорватского А. Найман. Рисунки В. Пятницкого	19
Красный кораблик. Сверчки. Птичий остров.— Рассказы В. Берестова. Рисунки П. Пророкова	20
По компасу Октября	
Впереди — Смольный.— Е. Драбкина. Рисунки Е. Медведева	24
В комнате погибшего брата.— Стихи Адалло. Перевед с аварского Г. Плисецкий	32
Пионерский почтамт «Дружба». Рисунки Е. Медведева	33
Памяти брата.— Б. Слуцкий. Рисунок Д. Пятнина	36
Тоска. Слово самому темному. Незажженная сигарета.— Стихи Н. Хикмета. Переводы Н. Разголова и П. Железнова	38
Выставка находок красных следопытов	40
Мэри Поппинс.— Повесть П. Л. Траверс. Перевед с английского В. Заходер. Окончание. Рисунки Ю. Владимира и Ф. Терлецкого	42
В год пятидесятилетия юбилейный Газопровод СССР — Чехословакия.— Фото А. Геринаса	51
Только для мальчишек	
Корабли уходят в море.— Г. Савичев. Фото К. Кучиненко	52
Пехлеван.— Стихи Р. Рашидова. Перевед с даргинского Я. Козловский. Рисунок А. Елисеева и М. Скobelева	55
Пионерский глобус	56
Кораблик	58
Конкурс фантастических рассказов	
Два таланта.— Фантастический рассказ Р. Сагабалия. Рисунки Н. Доброхотовой	61
В городе. Стихи Л. Жака. Переведа с французского Т. Бек	65
Упрямый стекольщик.— Стихи С. Когана. Рисунки Н. Доброхотовой	65
Наше фотопутешествие	66
Полярное солнце. Ледовая трасса.— Рассказы И. Данилова. Перевед с якутского Р. Хакимов. Рисунки Н. Доброхотовой	68
Сила России — воздушный флот.— М. Саукне	74
В стране шаха — владыки черных и белых погонь.— Международный мастер М. Юдович	75
Встречи с тремя неизвестными.— Рисунки Б. Кыштымова	76
Что нам читать?	78

На вкладышах:

Рисунки Миши Хазанова и Вовы Девянина.
Корабли выходят в море. Рисунок В. Бибикова.
Считалки. Рисунки А. Елисеева и М. Скobelева.

На первой и второй страницах обложки:

Всесоюзная военно-спортивная игра «Зарница». Фотографии В. Гусева и Я. Шахновского.

На четвертой полосе обложки:

Кирюшины каникулы. Рисунки Ю. Черепанова.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15,

Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 00186. Подписано к печати 11/VIII 1967 г. Форм. бум. 84×108^{1/16}. Объем 8,82 усл. п. л.
Тираж 802 350 экз. Изд. № 1569. Заказ № 2170.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ

пионервожатых,
школьников,
руководителей детских
музыкальных коллективов
и кружков
художественной самодеятельности!

Нотные магазины имеют в продаже следующую музыкальную литературу:

ИХ ПОДВИГ ЖИВ. (Песни о героях). Для пионерского хора в сопровождении фортепиано. Белый В.—Орленок; Соловьев-Седой В.—Баллада об Александре Матросове и другие песни. Музгиз. 1962 г. Цена 45 коп.

ПЕСНИ НАШИХ ОТЦОВ. (Песни революции и гражданской войны). Для детского хора в сопровождении фортепиано: Интернационал, Смело, товарищи, в ногу, Варшавянка, Молодая гвардия и другие песни. Музгиз. 1962 г. Цена 45 коп.

ПЕСНИ ПИОНЕРСКОГО ОТРЯДА. Вып. I (Песенник). Составитель Горинштейн И., Бакалов Л.—Мы станем астронавтами. Бакалов Л.—Утром горн запевай. Чичков Ю.—Друг наш—спорт. Локтев Н.—Пионерская плясовая. Ленский А. Аист и другие песни. Музгиз. 1963 г. Цена 45 коп.

ПЕСНИ ПИОНЕРСКОГО ОТРЯДА. Вып. III (Песенник). Составитель Горинштейн И., Мурадели В.—Что такое дружба? Пахмутова А.—Песня о четырех героях. Пахмутова А.—По порядку номеров рассчитайся. Фаттах А.—Звездная дорога. Карамышев Б.—Сядем—помечаем и другие песни. Музгиз. 1963 г. Цена 40 коп.

ПЛАКАТЫ ПИОНЕРСКИХ ПЕСЕН:
Филиппенко А.—Песня о Великом Ленине.
Кабалевский Д.—Пионерское звено.
Маленький барабанщик (Русский текст М. Светлова).
Кайдан-Дешкин С.—Взвейтесь кострами и другие песни. Музгиз. 1961 г. Цена 1 р. 15 к.

ХОРОВЫЕ ПЛАКАТЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ. (Русские народные песни). Сеяли девушки яровой хмель (обработка А. Гречанинова). Скворцы прилетели (обработка И. Пономаренко) и другие песни. Музгиз. 1962 г. Цена 1 р. 10 к.

Предлагаемую литературу вы можете приобрести в местных нотных магазинах или в нотных отделах книжных магазинов.

В случае отсутствия нужных сборников обращайтесь по адресу:
Москва, А-171, 1-й Новоподмосковный пер., д. 4. Магазин № 102 «Ноты— почтой». Москва, ул. Горького, 15. Магазин «Советская музыка». Сборники будут высланы наложенным платежом.

СОЮЗКНИГА.

КИРЮША

на

КАНИКУЛЫ

1. После фильма.

2.— Хорошо ли ты знаешь правила игры!

3.— Вот такую поймал, и опять кошка съела!

4.— А когда же мы будем выбивать ковер!

5.— Я вам докажу, что могу идти в турпоход!

6.— Ты же сама сказала, что тебе нужна пустая банка!

7. Пользуясь хорошим настроением...

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

